

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ,
ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ
АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В 2020 ГОДУ**

Минск
Академия МВД
2020

УДК 34
ББК 67
С23

Сборник статей победителей конкурса научных работ, выполненных обучающимися Академии МВД Республики Беларусь в 2020 году / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2020. – 266, [2] с.
ISBN 978-985-576-272-1.

Включает статьи лауреатов конкурса научных работ обучающихся Академии МВД Республики Беларусь и авторов работ первой, второй и третьей категории. Предназначен для курсантов, слушателей, студентов и магистрантов учреждений образования Министерства внутренних дел и Министерства образования Республики Беларусь.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-985-576-272-1 © УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2020

УДК 347.457

Ю.В. Антонова, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Паращенко*

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГРАЖДАНСКОГО И УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В современном обществе, обществе потребления кредитование становится одной из самых распространенных и востребованных банковских услуг. С использованием кредитных средств любой из субъектов хозяйственных отношений, будь то домохозяйство в виде физического лица или семьи, или предприятие, фирма, или государственные учреждения и предприятия могут приобрести любой товар: машину, квартиру, туристическую путевку, производственное оборудование, сырье и т. п. Кроме того, широкое распространение кредитных отношений обусловлено и тем, что участники этих отношений имеют возможность получить положительные последствия:

банки – дополнительный способ получения доходов;

физические лица – возможность решения своих финансовых проблем, связанных с приобретением дорогостоящих жилья, товаров, образовательных и медицинских услуг;

юридические лица – возможность приумножить, расширить или модернизировать свое производство;

в целом экономика государства – стимулирование спроса на товары и услуги, что, несомненно, содействует увеличению производства и реализации, что, в свою очередь, повышает экономический потенциал страны и качество жизни населения.

Именно поэтому интерес к кредитным отношениям должен быть направлен не только на возможность их широкого применения и распространения, но и в правовое поле, для разработки системы мер, защищающей кредитополучателей с одной стороны, и минимизирующей риски кредитодателей, с другой стороны.

В этом правовом поле важным источником гражданского права и средством, которое регулирует кредитные отношения и поведение субъектов этих отношений, выступает кредитный договор. Выполняя роль регулятора гражданских правоотношений, этот важный, если не сказать главный, юридический документ устанавливает, изменяет и прекращает

ет взаимные права и обязанности сторон и таким образом выполняет важные функции: регулирует отношения кредитополучателя и банка, защищает экономические интересы сторон, определяет их права и обязанности, степень ответственности за нарушение, указанных в данном документе условий.

Несмотря на достаточно широкое распространение кредитного договора, в теории и практике остаются неразрешенными отдельные вопросы правового регулирования кредитных отношений.

Прежде всего это касается исчерпывающего юридического определения «кредит», которое было бы способно отразить все его существенные характеристики. Данная проблема обусловлена тем, что в настоящее время существует проблема соотношения экономической и правовой категории кредита: в экономическом смысле понятие кредита употребляется в более широком значении, чем в правовом, и обозначает систему экономических отношений, а не гражданско-правовых. Так, например, А.И. Короткевич говорит о том, что кредит – это система экономических отношений, складывающихся между кредитодателем и кредитополучателем по поводу возвратного движения стоимости в товарной или денежной форме [1].

Имеющееся в белорусском законодательстве определение кредита рассматривается также, скорее, как экономическая категория: «кредит – денежные средства, предоставленные кредитодателем кредитополучателю в размере и на условиях, предусмотренных кредитным договором» [2]. По мнению Р.Р. Томковича, «кредит как правовую категорию уместно было бы определить как сделку, по которой одно лицо передает другому лицу определенную сумму денег под определенный процент с условием возврата» [3].

Интересный подход Д.Ю. Пендюхова, который говорит о том, что и в российской юридической литературе также нет определения понятия кредит «адекватно отражавшего бы его правовую природу», поскольку имеющиеся подходы либо отождествляют кредит с займом, либо не отражают его сущность. По мнению данного автора, определение, которое бы могло максимально точно отразить правовое состояние кредитора и заемщика в данных отношениях представляет следующее: «кредит – это такое правовое состояние, при котором кредитор на основании договора передает денежные средства заемщику, который обязуется возвратить полученные денежные средства и уплатить проценты за них» [4].

В силу того что как экономическая сущность, так и правовая природа кредитного договора близки к природе договора займа, продолжают существовать различные точки зрения в подходах к правовой природе кредитного договора.

Продолжает оставаться актуальным и вопрос соотношения понятий «кредитный договор» и «договор займа», который, полагаем, должен быть однозначно решен в сторону кредитного договора как разновидности договора займа, так как ч. 2 ст. 771 Гражданского кодекса Республики Беларусь прямо указывает на необходимость применения к кредитному договору правил, предусмотренных ГК о договоре займа, с учетом особенностей, установленных законодательством. Кроме того, все правила, касающиеся процентов, обязанностей заемщика по возврату суммы долга, последствий нарушения договора займа и некоторые другие будут также являться непосредственно применимыми к кредитному договору.

В подтверждение данной точки зрения можно привести и следующие отличия, которые доказывают, что отношения, регулируемые кредитным договором, являются несколько уже, чем договора займа: кредитный договор, в отличие от договора займа, консенсуальный, всегда возмездный и двусторонний, по субъектному составу в кредитном договоре одной из сторон всегда является банк или небанковская кредитно-финансовая организация, по договору займа – любые субъекты гражданских прав, кредитный договор заключается только в письменной форме, а для договора займа предусмотрена как письменная, так и устная форма, по предмету договора: в договоре займа он шире (деньги и другие вещи), в кредитном договоре только деньги.

Обращаясь к признакам кредитного договора, консенсуальности, срочности, возмездности, возвратности, мы не находим данный перечень исчерпывающим и считаем целесообразным выделить в белорусском законодательстве в качестве признака кредитного договора признак дифференцированности и определить его как индивидуальный подход к кредитополучателям в зависимости от их предшествующего поведения в кредитных отношениях и реальных возможностей погасить новое денежное обязательство перед кредитором. Данное предложение можно обосновать положением о том, что кредитный договор не имеет такого признака публичного договора, как обязанность кредитодателя оказывать кредитные услуги в отношении каждого, кто к ней обратится, на одинаковых с другими условиях. Как правило, банк или небанковская кредитно-финансовая организация разрабатывает собственные требования к лицам – потенциальным кредитополучателям и на основе анализа их финансового состояния и кредитной истории решает вопрос о предоставлении кредита, и в индивидуальном порядке может определять условия кредитования каждого конкретного кредитополучателя.

Несмотря на то что в Республике Беларусь имеется достаточно разрабатанное кредитное законодательство (это и Банковский кодекс Респу-

блики Беларусь, и Гражданский кодекс Республики Беларусь, различные инструкции, указы Президента Республики Беларусь, регулирующие отдельные виды кредитований, локальные акты, разрабатываемые самими банками), определены существенные условия кредитного договора, проработаны процедуры выдачи кредитов, имеются и некоторые пробелы. Например, право клиента на получение информации о причине отказа в предоставлении кредита.

В настоящее время белорусские банки не сообщают клиентам о таких причинах, а могут ограничиться стандартной фразой «Банк оставляет за собой право не разглашать, по какой причине был отказ». Конечно, с одной стороны, раскрытие причины отказа может снизить лояльность клиента к банку, либо, зная причину, клиент при последующем обращении за кредитом может смошенничать, чтобы получить положительный результат. Но и, с другой стороны, Банковский кодекс Республики Беларусь не содержит норм, запрещающих сообщать причину отказа, в ст. 141 данного кодекса, на которую, вероятно, ссылаются банки, об этом ничего не говорится.

Для того чтобы закрепить право клиентов на получение информации по вопросам, связанным с отказом в выдаче кредита, считаем возможным закрепить в законодательстве обязанность банков разъяснять заявителям причины принятия отрицательного решения о предоставлении кредита. Конечно, это не подразумевает подробное описание алгоритмов принятия решения банком, а скорее направлено на ориентацию клиента на то, с чем может быть связан отказ, например, отказ связан с кредитной историей. Исходя из этого считаем возможным закрепить законодательно обязанность банков разъяснять заявителю кредита причины принятия отрицательного решения, введя в Банковский кодекс Республики Беларусь в ч. 3 ст. 141 следующее содержание: «В случае отказа кредитодателя от заключения кредитного договора, кредитодатель обязан доступно, аргументированно и компетентно объяснять заявителям (кредитополучателям) причины принятия отрицательного решения о предоставлении кредита».

Изучив источники, регулирующие кредитные отношения, и рассмотрев более детально гл. 18 «Банковский кредит» Банковского кодекса Республики Беларусь, стоит отметить, что в белорусском законодательстве отсутствует определение понятия «нецелевое использование кредита», что, на наш взгляд, является практическим пробелом, поскольку если кредитный договор в соответствии со ст. 144 Банковского кодекса Республики Беларусь заключается с условием о целевом использовании, то кредитополучатель обязан обеспечить возможность осуществления кредитодателем контроля за его целевым использованием. Однако, как

видим, содержание данной статьи не дает определения ни данного понятия, ни определенного перечня условий, которые могут квалифицироваться как нецелевое использование, несмотря на то что содержит меры ответственности за нецелевое использование кредита.

Рассмотрев высказывание В. Никончика, который под нецелевым использованием кредита понимает умышленные деяния кредитополучателя, направленные на использование предоставленных кредитодателем денежных средств на цели, не предусмотренные кредитным договором [5, с. 13], и для более точной квалификации ситуаций, когда выделенные кредитные средства используются не по назначению, т. е. в противоречии с условиями получения, сформулированными в решении о предоставлении такого кредита, предлагаем дополнить ст. 144 Банковского кодекса Республики Беларусь частью 5 следующего содержания: «Нецелевое использование кредита – это умышленные деяния кредитополучателя, направленные на использование полученных кредитных средств с нарушениями условий о целевом использовании, которые были указаны в качестве обязательных для исполнения в кредитном договоре».

Как известно, основными принципами кредитования являются принципы срочности, платности и возвратности. Однако, несмотря на достаточную регламентацию на законодательном уровне процедуры выдачи кредитов, все большую актуальность для банков приобретает проблема их возврата. На фоне ухудшения экономической ситуации, в том числе вызванной и пандемией коронавируса, снижается платежеспособность граждан из-за снижения уровня доходов (оплатив товары и услуги первой необходимости, не остается средств на оплату кредитов), высокой закредитованности (снижение уровня жизни способствует тому, что люди пытаются его улучшить за счет получения все большего числа кредитов, в том числе и карт рассрочек), потери работы (часто повышение заработной платы происходит за счет сокращения рабочих мест) или смене ее на менее прибыльную. В силу различных причин также становятся неплатежеспособными субъекты хозяйствования, т. е. кредитополучатели неспособны самостоятельно рассчитаться по своим долгам, своевременно погасить задолженности.

На наш взгляд, заслуживает внимания и институт ответственности по кредитному договору, который регулируется не только нормами гражданского и банковского законодательства, но и за некоторые нарушения, которые могут представлять значительную общественную опасность, законодательством может быть предусмотрена административная или даже уголовная ответственность.

Так, ст. 242 «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» Уголовного кодекса Республики Беларусь говорит о том, что уклонение

индивидуального предпринимателя или должностного лица юридического лица от погашения по вступившему в законную силу судебному постановлению кредиторской задолженности в крупном размере при наличии возможности выполнить обязанность наказывается штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или ограничением свободы на срок до двух лет, или лишением свободы на тот же срок. Крупным размером является задолженность в 250 и более раз превышающая размер базовой величины, установленный на день совершения преступления [6].

Поскольку субъектами указанного преступления являются индивидуальный предприниматель либо должностное лицо юридического лица, следовательно, физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и уклоняющиеся от погашения кредиторской задолженности, административную и уголовную ответственность по белорусскому законодательству не несут.

Если для сравнения рассмотреть российское законодательство, то в Уголовном кодексе Российской Федерации в ст. 177 закреплена уголовная ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности как руководителя организации, так и гражданина, т. е. физического лица: «злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта – наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет» [7].

Несмотря на то что предоставление кредитов является для банков выгодной статьей доходов, однако невозврат кредитных средств заемщиками представляет собой большую опасность, поскольку увеличение доли проблемных кредитов влияет на прибыльность и надежность банков и несет в себе опасные риски, вплоть до банкротства. Поскольку в кредитовании, как выше было отмечено, в силу различных причин нуждается все большая часть населения нашей страны (физических лиц), то законодательство, регулирующее денежно-кредитные отношения, по нашему мнению, должно быть направлено не только на защиту интересов граждан и субъектов хозяйствования, но и на защиту банков и их интересов, позволяя им успешно развиваться. В этой связи, считаем, целесообразно усовершенствовать ст. 242 Уголовного кодекса Рес-

спублики Беларусь, дополнив ее таким субъектом ответственности, как физические лица, и изложить диспозицию данной нормы в следующей редакции: «уклонение гражданина – физического лица, индивидуального предпринимателя или должностного лица юридического лица от погашения по вступившему в законную силу судебному постановлению кредиторской задолженности в крупном размере при наличии возможности выполнить обязанность ...».

Анализируя далее уголовное законодательство, стоит отметить, что уголовная ответственность в сфере кредитных отношений устанавливается и ст. 237 Уголовного кодекса Республики Беларусь за незаконное получение кредита или субсидии. Однако субъектом преступления, предусмотренного данной нормой, как и в рассмотренном выше примере, является только специальный субъект: индивидуальный предприниматель или должностное лицо юридического лица. Вместе с тем таким субъектом может быть и физическое лицо. Мы согласны с тем, что кредитование или субсидирование юридических лиц имеет больший масштаб по сумме выделяемых средств, однако и при кредитовании физических лиц имеется весь спектр банковских рисков: риск нецелевого использования кредита, риск, связанный с жизнедеятельностью заемщика (несчастные случаи, смерть клиента), в том числе и использование ложных документов и сведений, которые имеют существенное значение для получения кредита, особенно на льготных условиях. Считаем необходимым указать их в диспозиции данной статьи, а саму диспозицию изложить в несколько измененной редакции: «представление физическим лицом, индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица в целях получения кредита, в том числе и на льготных условиях либо имеющих обеспечение за счет государства, либо льготных условий выделения субсидии заведомо ложных документов и сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для получения кредита или субсидии, либо умышленное несообщение физическим лицом, индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица кредитору или органу, выделившему субсидию, информации о возникновении обстоятельств, влекущих приостановление кредитования или субсидирования, повлекшее причинение ущерба в крупном размере...».

Таким образом, по нашему мнению, совершенствование норм законодательства позволит защитить интересы граждан и банков в новых экономических условиях и придать им стабильность, а также будет способствовать восстановлению порядка общественных отношений в случае нарушения их участниками кредитных отношений.

Список использованных источников

1. Короткевич, А.И. Денежное обращение и кредит : учеб. пособие / А.И. Короткевич. – Минск : ТетраСистемс. – 2008. – 352 с.
2. Об утверждении Инструкции о порядке предоставления денежных средств в форме кредита и их возврата (погашения) [Электронный ресурс] : постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 29 марта 2018 г., № 149 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Томкович, Р.Р. Кредитное обслуживание клиентов с учетом обновленного законодательства [Электронный ресурс] / Р.Р. Томкович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Пендохов, Д.Ю. Определение кредита в теории предпринимательского права и российском законодательстве / Д.Ю. Пендохов // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2006. – № 5. – С. 177–181.
5. Никончик, В. Нецелевое использование кредита / В. Никончик // Гл. бухгалтер. Банк. деятельность. – 2005. – № 3. – С. 11–13.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст кодекса по сост. на 11 нояб. 2019 г. // ЭТАЛОН-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 2006 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 27.12.2019 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

УДК 351.74 (09)

М.А. Асадчук, курсант факультета міліцыі

Навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт *С.Ф. Лапановіч*

ПЕРАЎТВАРЭННЕ НКУС У МІНІСТЭРСТВА ЁНУТРАНЫХ СПРАЎ СССР (1946 г.). УДАСКАНАЛЕННЕ АРГАНІЗАЦЫЙНА-ПРАВАВЫХ АСНОЎ ДЗЕЙНАСЦІ ОРГАНАЎ УНУТРАНЫХ СПРАЎ БССР

Пасля Перамогі СССР у Вялікай Айчыннай вайне пераход да мірнага жыцця суправаджаўся скасаваннем некаторых надзвычайных дзяржаўных органаў, якія былі створаны ў час вайны. Напрыклад, у верасні 1945 г. быў ліквідаваны надзвычайны орган партыйнага і дзяржаўнага кіраўніцтва – Дзяржаўны Камітэт Абароны. Яго функцыі зноў былі размеркаваны паміж Саветам Народных Камісараў (СНК),

Цэнтральным Камітэтам (ЦК) УКП(б) і Вярхоўным Саветам СССР. Аднак на гэтым этапе пераўтварэнні ў органах дзяржаўнага кіравання яшчэ не былі фінальныя.

18 сакавіка 1946 г. V сесія Вярхоўнага Савета СССР прыняла Закон аб пераўтварэнні СНК СССР у Савет Міністраў СССР, а народных камісарыятаў – у міністэрства. Народны камісарыят унутраных спраў (НКУС) СССР ператвораны ў Міністэрства ўнутраных спраў (МУС) СССР. Міністрам унутраных спраў СССР зацверджаны С.Н. Круглоў, а міністрам дзяржаўнай бяспекі СССР – В.М. Меркулаў. У структуры МУС СССР асноўную ролю ў забеспячэнні аховы грамадскага парадку адыгрывала Галоўнае ўпраўленне міліцыі (ГУМ) [1, с. 109].

НКУС БССР перайменаваны ў Міністэрства ўнутраных спраў БССР 26 сакавіка 1946 г. У склад яго ўваходзілі наступныя ўпраўленні: міліцыі, па барацьбе з бандытызмам, па справах ваеннапалонных і інтэрніраваных, папраўча-працоўных лагераў і калоній, турэмнага, пагранвойскаў, а таксама аддзелы – кадраў, контрвыведкі, фінансавага, сакрэтнага справаводства, па барацьбе з дзіцячай безнагляднасцю і беспрытульнасцю, «Дынама» і інш. [1, с. 109–110].

Упраўленне міліцыі (УМ) з'яўлялася ключавым структурным органам МУС БССР. Гэта ўпраўленне вызначала асноўныя напрамкі, метады і сродкі барацьбы са злчыннасцю, аховы правапарадку, абароны правоў і інтарэсаў грамадзян [1, с. 110].

Аддзелы: палітычны, крымінальнага вышуку, па барацьбе з крадзяжамі сацыялістычнай уласнасці, ДАІ, апэратыўны, віз і рэгістрацыі і загса, пашпартны, а таксама аддзяленні: навукова-тэхнічных сродкаў, прапаганды і агітацыі, камсамольскай і культурна-выхаваўчай работы і рэдакцыя газеты «На страже Октября» ўваходзілі ў структуру УМ МУС БССР. [1, с. 110].

Разгледзім канкрэтныя напрамкі дзейнасці розных падраздзяленняў органаў унутраных спраў (ОУС). Пачнем з барацьбы з эканамічнай злчыннасцю, якая ва ўмовах пасляваеннага часу прадстаўляла асаблівую небяспеку для грамадства. У ваенныя гады вялікую небяспеку для дзяржавы прадстаўлялі таксама асобы, якія займаліся вырабам і збытам фальшывых грошай. Актыўна змагаліся з гэтым відам злчынстваў аддзелы па барацьбе з крадзяжамі сацыялістычнай уласнасці і спекуляцыяй – АБКСУ (створаны яшчэ ў сакавіку 1937 г. у складзе ГУМ НКУС СССР [2, с. 33].

У першыя гады аднаўлення народнай гаспадаркі ахова ўласнасці зноў набыла асоба важнае значэнне, паколькі велізарныя страты харчовых рэсурсаў цяжка адбіліся на эканамічным становішчы краіны. Служба БКСУ ў цэнтры і на месцах засяродзіла свае намаганні на барацьбе

са спекуляцыяй, крадзяжамі ў сістэме «Закупзерне», разбазарваннем фондаў, з крадзяжамі грашовых сум з кас дзяржпрадпрыемстваў, гаспадарчых і кааператыўных арганізацый [3, с. 20–21].

У студзені 1947 г. на агульнасаюзным узроўні аддзел быў рэарганізаваны ва Упраўленне БКСУ (УБКСУ) ГУМ МУС СССР, у якім утвараліся новыя аддзелы [3, с. 22–24]. Аднаўленне і развіццё эканомікі рэспублікі праходзіла ў складанай аператыўнай абстаноўцы, якая характарызувалася высокім узроўнем крымінальнай злачыннасці. У першыя пасляваенныя гады назіраўся востры недахоп мяса-малочных прадуктаў. У лістападзе 1946 г. ЦК КП(б) БССР, разгледзеўшы пытанне «Аб выкананні пастановаў Савета Міністраў СССР і ЦК УКП(б) ад 27 чэрвеня 1946 г. «Аб мерах па забеспячэнню захаванасці хлеба, недапушчэнні яго разбазарвання, раскравання псавання», запатрабаваў ад адміністрацыйных органаў рэзка ўзмацніць барацьбу з крадзяжамі збожжа [3, с. 21].

Органы міліцыі супрацьстаялі паралельна антысавецкім выступленням і змагаліся з арганізаванай злачыннасцю. Пасля вызвалення тэрыторыі Беларусі ад акупантаў злачынцы захоплівалі трафейную зброю і здзяйснялі цяжкія злачынствы. Вялікая роля ў барацьбе з крымінальнай злачыннасцю належала аддзелам крымінальнага вышуку. Асноўнай задачай апаратаў крымінальнага вышуку заставалася прадухіленне, раскрыццё злачынстваў і вышук злачынцаў [1, с. 121].

У маі 1946 г. ва ўпраўленнях унутраных спраў абласцей ствараліся мабільныя аператыўныя групы, якія складаліся з найбольш вопытных работнікаў. У іх абавязкі ўваходзіла атрыманне першага сігнала аб з'яўленні крымінальнай банды, неадкладна выезджаць на месцы здарэнняў і па гарачых слядах затрымліваць злачынцаў. У 1947 г. вырашылі прыцягваць супрацоўнікаў аддзелаў па барацьбе з бандытызмам да працы крымінальнага вышуку з мэтай узмацнення барацьбы са злачыннасцю. Меры гэтыя неўзабаве апраўдаліся на практыцы і прынеслі станоўчыя вынікі [1, с. 122].

З прычыны недахопу кадраў аператыўнымі работнікамі, акрамя вышуку, вяліся і следчыя дзеянні па крымінальных справах. Яшчэ да вайны СНК прыняў рашэнне, якое прадстаўляла права пракурорам даручаць міліцыі расследаванне любога злачынства. Міліцыя, не з'яўляючыся па законе органам папярэдняга следства, расследавала ў поўным аб'ёме крымінальныя справы ўсіх катэгорый. Толькі ў лютым 1948 г. у складзе ГУМ МУС СССР выдзелілі следчы аддзел. Такія ж аддзелы былі створаны і ў УМ МУС БССР і ў абласцях рэспублікі [1, с. 121].

МУС БССР ажыццяўляла мерапрыемствы, накіраваныя на ўзмацненне эфектыўнасці дзейнасці крымінальнага вышуку. З гэтай мэ-

тай апараты вышуку папаўняліся падрыхтаванымі кадрамі, якія валодалі неабходным арсеналам аператыўна-вышуковай дзейнасці, метадыкай фіксацыі доказаў, прыёмамі фізічнай барацьбы і ўменнем трапна страляць з баявой зброй [1, с. 122].

Эфектыўнай барацьбе са злачыннасцю садзейнічала ўкараненне навуковых дасягненняў экспертна-крыміналістычнай службы [1, с. 123].

У 1953 г. рэзка ўскладнілася крымінагенная абстаноўка. Узраслі крымінальны бандытызм, разбоі, махлярства, згвалтаванне, крадзяжы, а таксама п'янства і хуліганства. У асноўным гэта з'явілася следствам памылак пры правядзенні амністыі, абвешчанай Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 27 сакавіка 1953 г. У выніку ў ліпені 1953 г. быў ухвалены праект Указа Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР «Аб непрымяненні амністыі да асоб, асуджаных за разбой, злодзеяў-рэцыдывістаў і злосных хуліганаў». Згодна з новым указам, калі былыя зняволеныя, вызваленыя па сакавіцкай амністыі, «працягвалі весці паразітычны лад жыцця і не займаліся грамадскай карыснай працай», іх зноў адпраўлялі ў месцы пазбаўлення волі [1, с. 125].

Не менш значнай праблемай для НКУС пасля вызвалення ўсходніх тэрыторый БССР была дзіцячая безнагляднасць і беспрытульнасць, якая ў 1942–1943 гг. была цалкам супастаўная з маштабамі гэтага бедства паслярэвалюцыйных гадоў, калі звыш 5,5 млн дзяцей страцілі сем'і. Вялізныя чалавечыя ахвяры і матэрыяльныя страты, масавае безжанства і акупацыя значнай часткі тэрыторыі СССР у першыя гады Вялікай Айчыннай вайны прывялі да імклівага росту дзіцячага сіроцтва, беспрытульнасці і безнагляднасці, а таксама спадарожнай ім злачыннасці [4, с. 1011–1017].

Сярод мер арганізацыйна-практычнага характару па барацьбе з дзіцячай безнагляднасцю і беспрытульнасцю, ажыццёўленых НКУС-МУС у пасляваенныя гады, істотную ролю адыграла прыцягненне да гэтага працэсу грамадскасці, у першую чаргу брыгад садзейнічання міліцыі (БСМ), члены якой актыўна ўдзельнічалі ў абходах і рэйдах на вуліцах, базарах, вакзалах і ў іншых грамадскіх месцах з мэтай канфіскацыі бяздомных дзяцей, працавалі ў дзіцячых пакоях міліцыі [5].

Важнае месца ў разгляданы перыяд займала папярэджанне і спыненне злачыннасці непаўналетніх участковымі ўпаўнаважанымі. У Інструкцыі ўчастковаму ўпаўнаважанаму міліцыі горада, уведзенай загадам МУС СССР ад 4 красавіка 1946 г. № 129, яго задачы ў барацьбе з дзіцячай безнагляднасцю, беспрытульнасцю і злачыннасцю складаліся ў прафілактыцы і спыненні дадзенай з'явы. У абавязкі ўчастковага ўпаўнаважанага міліцыі ўваходзілі выяўленне бацькоў, якія не ажыццяўляюць нагляд за дзецьмі, і папярэджанне іх пра адказнасць

за гэта; вывучэнне і ўлік месцаў магчымага з'яўлення і хованкі безнаглядных дзяцей; затрыманне і дастаўленне бацькам, у дзіцячыя пакоі або ў аддзяленні міліцыі безнаглядных дзяцей і непаўналетніх, якія парушаюць грамадскі парадак, займаюцца жабрацтвам, крадзяжом і іншымі злачынствамі. Участковы ўпаўнаважаны міліцыі абавязаны быў прыцягваць да сваёй працы членаў БСМ і іншых прадстаўнікоў грамадскасці. Дадзеная інструкцыя спрыяла прытоку грамадскасці на ліквідацыю безнагляднасці і беспрытульнасці дзяцей у другой палове 1940-х і пачатку 1950-х гг. [6].

Адзел НКУС (з 1946 г. МУС) БССР па барацьбе з дзіцячай безнагляднасцю і беспрытульнасцю займаўся аналізам прычын дзіцячай безнагляднасці і беспрытульнасці, падчас якога высветлілася, што адсутнасць пазашкольнай работы з дзецьмі з'яўлялася адной з прычын дзіцячай безнагляднасці і беспрытульнасці. У 1950 г. у БССР было ўсяго сем абласных і шэсць раённых дамоў піянераў, шэсць станцый юных тэхнікаў, прычым усе яны знаходзіліся ў непрыстасаваных памяшканнях. Гэтага было недастаткова для задавальнення запытаў дзяцей. Неўладкаванасць у вольны ад вучобы час прыводзіла да таго, што яны былі прадастаўлены вуліцы, займаліся хуліганствам, парушалі правілы паводзін у грамадскіх месцах [7, с. 31].

Пасляваенны ўсплёск дзіцячай безнагляднасці і беспрытульнасці ў БССР, дзякуючы намаганням дзяржаўных органаў, і, у прыватнасці, органаў унутраных спраў рэспублікі, да канца 40-х гг. пайшоў на спад. Зменшылася колькасць беспрытульных і безнаглядных дзяцей і падлеткаў, затрыманых міліцыяй, былі зжытыя спараджаць безнагляднасць прычыны ваеннага ліхалецця. У асноўнай масе дзеці-сіроты былі ўладкаваныя ў дзіцячыя дамы, прыёмныя сем'і, на патранат і інш. [8, с. 58].

Такім чынам, у сакавіку 1946 г. Савет Народных Камісараў СССР быў ператвораны ў Савет Міністраў СССР, а народныя камісарыяты – у міністэрства. Аналагічны працэс адбыўся ва ўсіх саюзных рэспубліках. НКУС БССР быў перайменаваны ў Міністэрства ўнутраных спраў БССР. У першыя пасляваенныя гады і ў 1953 г., у перыяд правядзення амністыі, у рэспубліцы назіраўся рэзкі рост крымінальнай злачыннасці. Галоўная роля ў барацьбе з ёй належала ўпраўленням па барацьбе з бандытызмам, падраздзяленням крымінальнага вышуку і аддзелам БКСУ. Барацьбе са злачыннасцю садзейнічала ўкараненне навуковых дасягненняў экспертна-крыміналістычнай службы, што рэалізоўвалася праз дзейнасць навукова-тэхнічных аддзелаў органаў міліцыі.

У 1940-х – пачатку 1950-х гг. НКУС-МУС БССР была праведзена вялікая праца па стварэнні арганізацыйнай структуры, прызначанай для барацьбы з дзіцячай безнагляднасцю і беспрытульнасцю. Створа-

ная сістэма органаў і мер дала магчымасць у адносна кароткія тэрміны ліквідаваць гэту з'яву ў масавых маштабах.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. История органов внутренних дел Беларуси : курс лекций / А.Ф. Вишневский [и др.] ; под ред. А.Ф. Вишневого ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2010. – 218 с.
2. Волженков, В.В. Становление и развитие органов внутренних дел Республики Беларусь : лекции / В.В. Волженков. – М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилев. Ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь».
3. Лапанович, С.Ф. История создания и деятельности службы по борьбе с экономическими преступлениями (ОБХСС-БЭП) Беларуси : лекция / С.Ф. Лапанович. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 39 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1953.
5. Архив МВД Республики Беларусь. – Ф. 50. Оп. 2. Д. 25. Л. 170.
6. Архив МВД Республики Беларусь. – Ф. 51. Оп. 3. Д. 6. Л. 97–98.
7. Данилов, В.А. Причины детской безнадзорности и беспризорности в Беларуси в начале 50-х гг. XX в. / 95 лет милиции Беларуси : материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 1 марта 2012 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 139 с.
8. Данилов, В.А. Организационные основы борьбы НКВД-МВД Беларуси с детской безнадзорностью и беспризорностью во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (1944–1947 гг.) / В.А. Данилов // Милиция Беларуси 90 лет: история и современность : материалы науч.-практ. конф. (Минск, 27 февр. 2007 г.) / редкол.: К.И. Барвинок (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – С. 54–58.

УДК 342.9

Д.С. Барсук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.В. Гиммельрейх*

ИНСТИТУТ МЕДИАЗИМЕРЕНИЙ КАК КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РАЗНОВИДНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Глобальное возрастание роли информации в системе общественных отношений, открытость информационного пространства и повышение уровня информатизации населения обуславливают новые меры

безопасности информационной сферы с точки зрения обеспечения государством полноценной реализации своих суверенных прав и интересов социально-экономического развития. Механизмы деструктивного информационно-психологического воздействия на личность, общество и государство постоянно совершенствуются, а масштабное манипулирование массовым сознанием принимает такую же остроту, как борьба за территории, ресурсы и рынки.

Как отмечается в ст. 40 Концепции информационной безопасности, «через информационное пространство осуществляется преднамеренная дискредитация конституционных основ государств и их властных структур, размывание национального менталитета и самобытности, вовлечение людей в деятельность экстремистской и террористической направленности, разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды, формирование радикального и протестного потенциала. Информационный фактор играет все более значительную роль в межгосударственных конфликтах и неясных действиях, направленных на нарушение суверенитета, территориальной целостности стран и снижение темпов их развития. В результате информационных воздействий существенно меняются социальные связи человека в обществе, стиль мышления, способы общения, восприятие действительности и самооценка» [1].

Все большее беспокойство вызывает активное распространение в информационном пространстве фальсифицированной, недостоверной и запрещенной информации. Снижение критического отношения потребителей информации к фейковым¹ сообщениям новостных ресурсов в социальных сетях и на других онлайн-платформах создает предпосылки преднамеренного использования дезинформации для дестабилизации общественного сознания в политических, социально опасных, иных подобных целях. В связи с этим особое значение приобретает ответственное поведение всех участников информационных процессов, а также выработка общих правил коммуникации в информационном пространстве, создание системы для систематического сбора, анализа, хранения и распространения данных о зрительских и слушательских предпочтениях аудитории телевизионных и радиовещательных средств массовой информации.

Обращаясь к истории, необходимо упомянуть такой момент: первые медиаизмерения относятся к 1920-м гг. – периоду формирования в США широкой сети радиовещаний и расширение возможностей прессы, посредством чего появилось больше слушателей радио и читателей газет, в

¹ Фейковый (от англ. fake) – подделка, фальшивка, подлог.

то время как в бывшем Советском государстве медиаизмерения не проводились вплоть до 1960-х гг., чему мешали различные на тот период факторы и события (конец Гражданской войны, политика нэп, массовые репрессии, Великая Отечественная война). В дальнейшем, начиная с 1980-х гг., медиаизмерения начали использовать и на территории СССР в доступных на тот момент формах [5]. Учитывая исторический фактор, можно сделать вывод, что отставания от западных стран в развитии системы медиаизмерений обусловило его низкое развитие в настоящее время, а вместе с этим и отсутствие определенной организации и системы выработанных методов в Республике Беларусь соответственно.

Как отметил в своем выступлении Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, «именно информационная безопасность в контексте СМИ, особенно интернета, – это основной вопрос» [2]. В связи с этим необходимым является создание организации, соответствующей мировым стандартам, дополнительных условий для развития рынка рекламы в телевизионных и радиовещательных средствах массовой информации. Для разрешения данных вопросов был издан Указ Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2020 г. № 122 «О создании системы медиаизмерений» [3].

Данным указом нормативно закреплено следующее определение медиаизмерений – это система, обеспечивающая систематический сбор, анализ, хранение и распространение данных о зрительских и слушательских предпочтениях аудитории телевизионных и радиовещательных средств массовой информации, а также область регулярных исследований аудитории и содержания, отличающихся максимально возможной точностью в установлении количественных и качественных характеристик.

На основании изложенного можно заключить, что значимость создания такой организации в настоящее время обусловлена противоборством между ведущими мировыми центрами силы, целенаправленным формированием внутри и за пределами страны информационных поводов для дискриминации государственной внешней и внутренней политики, в связи с этим целесообразным представляется формирование иммунитета против деструктивного информационно-психологического воздействия на массовое сознание, а в необходимых случаях – и противодействие.

Учитывая, что в настоящее время в нашем государстве появился нормативный правовой акт, направленный на упорядочение отношений в информационной сфере, считаем, что для эффективного их осуществления необходимо основываться на следующих принципах:

глобальности и непрерывности проводимых медиаизмерений;

единства используемых методов сбора, анализа, хранения и распространения, полученных в результате медиаизмерений информации и данных;

обеспечение полноты, своевременности и достоверности, полученных в результате медиаизмерений информации и данных;

недопустимости оказания субъектам хозяйствования и гражданами неправомерного влияния на результат медиаизмерений и решения медиаизмерителя.

Как отметили в пресс-службе Президента Республики Беларусь, «принятие Указа позволит создать национальную систему медиаизмерений, соответствующую мировым стандартам, принципам, а также способствовать развитию рынка рекламы в Беларуси» [4]. Разделяя данное мнение, полагаем, что данная система также укрепит государственные средства массовой информации, включая их позиции в интернете, уменьшит влияние внутреннего негосударственного медиаполя, снизит внешнее информационное влияние (отдельно по восточному и западному векторам).

Ввиду того, что положения о медиаизмерениях получили законодательное закрепление, важной проблемой остается:

создание организации по их осуществлению;

выработка и использование наиболее эффективных методов для сбора, анализа, хранения и распространения полученной информации;

отсутствие иных актов, касающихся структуры этой системы, актов по порядку доведения полученной информации до руководителей и персонала данной организации;

установление и закрепления порядка финансирования системы.

Считаем, что для решения проблем, стоящих перед этой системой, необходимо в первую очередь учитывать инновационность данной системы для нашего государства, исходя из этого следует обращаться за опытом к иным государствам, где система медиаизмерений развита лучше, нужны преемственность методов и способов по их осуществлению, разработка своих технологий и приемов для получения необходимой информации, налаживание системы коммуникации между элементами этой системы. После решения данных проблем создание организации медиаизмерений, ее развитие и функционирование будет происходить должным образом, что позволит в ближайшее время получать данные, которые будут использоваться как руководителями этой организации, так и представителями других органов в целях обеспечения информационной безопасности государства в целом. Медиаизмерения включают в себя разные способы сбора и анализа информации, например, опроса населения, определенные группы людей опрашивают с целью получе-

ния различной информации, в том числе касающейся информационной безопасности, при этом учитываются их мнения, взгляды и замечания. Используется метод личного интервью, телефонного опроса, дневниковой панели, посредством которых происходит выработка постоянно участвующих в измерении людей, специальные дневники о том, что они смотрят на телевидении или слушают по радио, с интервалом до 15 минут. Одним из способов также является применение TV-метров, который автоматически регистрирует каналы, на которые настроен телевизор во время работы и в течение которого осуществляется просмотр. Общей проблемой является то, что измеряется аудитория передач, изданий, сайтов, но не аудитория рекламы. Это значит, что часто сохраняется разрыв между количеством людей, имевших контакт с рекламоносителем и рекламой, которые могут носить дискриминирующий характер, различного рода пропаганды, негативное психологическое давление, негативную идеологию.

Но помимо приведенных примеров, считаем, что в рамках нашей темы необходимо указать такой способ получения информации, как мониторинг, который смог бы устранить недостатки, проявляющиеся при применении ранее указанных приемов. Под мониторингом стоит понимать общую функцию, которая представляет собой непрерывный процесс отслеживания и сбора информационных данных об объекте управления, обобщения, уяснения и переработки полученных результатов с целью выполнения задач и достижения целей, стоящих перед субъектом управления. Считаем, что мониторинг послужит ключевым фактором в получении необходимой информации и, что самое главное, своевременной и непрерывной. Главные задачи мониторинга заключаются в следующем:

помогает информационно обеспечить организацию (государственный орган) для постановки оперативных задач и адекватных управленческих решений с целью решения той или иной наметившейся проблемы;

проведение мониторинга дает возможность осуществлять диагностику текущего состояния управляемого объекта и выявлять его причины;

в ходе проведения мониторинга реализуется систематический контроль хода протекания процессов и их соответствия желаемым перспективам и тенденция развития для данной системы;

он позволяет установить трансформацию состояния объекта управления за определенный промежуток времени и на этой основе установить динамику и направленность развития исследуемого объекта;

позволяет наладить обратную связь между субъектом управления и объектом управления при проведении мониторинга предполагается

изучение и оценка состояния объекта управления, отбор критериев по которым ведется измерение и описание объекта.

Мониторинг радио и телевидения предполагает проведение таких мероприятий, как цифровая запись радиозаписи, обработка, формирование протоколов, денежная оценка, составление отчета, ежемесячный обзор объектов с фиксацией содержания рекламы, типа объекта, местонахождение объекта. Посредством данных мероприятий в дальнейшем принимаются соответствующие решения, в отдельных случаях необходимо опираться на сложное математическое знание и навыки владения компьютерными технологиями, прибегать к элементам теории вероятности [6]. Таким образом, на основании полученной информации можно оценить ее содержание, характер и посыл, и в том случае, когда информация будет нести негативный характер (продвижение идеологий, направленных против государства, пропаганда терроризма, недостоверная информация, дискриминирующая, оказывающая психологическое давление, и т. д.), это послужит сигналом для руководителей соответствующих организаций, которые примут решения и постановку необходимых задач, что позволит успешно справиться с возникающими проблемами.

Таким образом, проведенное исследование относительно понимания, назначения и роли медиаизмерений как компонента системы информационной безопасности Республики Беларусь и разновидности управленческого мониторинга позволяет сделать следующие выводы и обобщения.

1. Медиаизмерения – организация, представляющая собой систематический сбор, анализ, хранение и распространение данных о зрительских и слушательских предпочтениях аудитории телевизионных и радиовещательных средств массовой информации и позволяющая на основании полученной информации принимать своевременные решения для поддержания целостности, стабильности, внутреннего порядка, развития и совершенствования этой системы.

2. Для медиаизмерений характерно наличие различных способов сбора и анализа данных о предпочтениях людей в средствах массовой информации.

Данный социально-правовой институт является инновационной организацией в Республике Беларусь, который может служить дополнительным источником данных для обеспечения информационной безопасности. Он будет использоваться как самой организацией, так и государственными органами, в том числе правоохранительными, в борьбе с распространяемой недостоверной информацией, поддельными агитациями, призывающими произвести денежные пожертвования или покупку, информацией, призывающей к терроризму, распространяющей деструктивную идеоло-

гию, дискриминирующую информацию в отношении государственных органов и должностных лиц, а также граждан, оказывающих психологическое давление и негативное влияние на сознание людей.

3. Мониторинг – ключевой способ для получения информации, касающейся зрительских и слушательских предпочтений аудитории телевизионных и радиовещательных средств массовой информации. Именно мониторинг позволит обеспечить непрерывность исследования данного объекта, его оценку, получение информации ее анализ и обработку, систематизацию и распространение, отбор критериев для проведения медиаизмерений, а главное, – позволит принимать оперативные решения руководителями и ставить соответствующие задачи.

4. Рассмотренная тема дает определенные предпосылки для проведения дальнейших научных изысканий таких аспектов медиаизмерений, как создание самой организации, посредством которой будет происходить отслеживание предпочтений людей в телевизионных, радиовещательных средствах массовой информации, выработка методик и методов для получения необходимой информации, принятия решений, и тем самым обеспечивать стабильность, порядок, целостность и развитие этой системы и, что самое главное, информационную безопасность.

Список использованных источников

1. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Лукашенко: Надо противостоять, особенно в СМИ, тем атакам, которые предпринимаются на Беларусь [Электронный ресурс] // Белорусский новостной портал TUT.BY: офиц. сайт. – 31 янв. 2019 г. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/624660.html>. – Дата доступа: 06.04.2020.
3. О создании системы медиаизмерений [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 апр. 2020 г., № 122 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Лукашенко дал Мининформации новые полномочия [Электронный ресурс] // Белорусский новостной портал NAVINY.BY: офиц. сайт. – 9 апр. 2020 г. – Режим доступа: <https://naviny.by/new/20200409/1586449498-lukashenko-dal-mininformacii-novye-polnomochiya>. – Дата доступа: 12.06.2020.
5. Медиаизмерения, или рейтинговые исследования аудитории СМИ [Электронный ресурс] // Учебные материалы для студентов Studme.org: офиц. сайт. – 5 июля 2013 г. – Режим доступа: <https://studme.org/191021810274html>. – Дата доступа: 12.06.2020.
6. Мониторинг и медиаизмерения [Электронный ресурс] // Файловый архив студентов StudFiles.net: офиц. сайт. – 14 марта 2000 г. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/7321852/page:5/>. – Дата доступа: 16.06.2020.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С НАЦИОНАЛЬНЫМ ЦЕНТРАЛЬНЫМ БЮРО ИНТЕРПОЛА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
ПРИ РАСКРЫТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Устойчивое развитие национальной экономики – основополагающее условие сохранения государственного суверенитета каждой страны. Экономика как основа любого государства и его общественно-политической системы определяет уровень жизни населения, национальную безопасность и обороноспособность страны. Органы внутренних дел Республики Беларусь – один из национальных правоохранительных органов, занимающийся раскрытием экономических преступлений.

Эффективность раскрытия экономических преступлений существенно снизилась, если бы осуществлялось единолично, исключая взаимодействие с иными органами. Так, при раскрытии экономических преступлений в определенных случаях оперативные подразделения органов внутренних дел используют такую форму взаимодействия, как взаимодействие с Национальным центральным бюро Интерпола в Республике Беларусь. Однако существует проблема осведомленности оперативных сотрудников о всех возможных формах взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел с Национальным центральным бюро Интерпола в Республике Беларусь. Требуется анализ нормативной правовой базы и юридической литературы в данной сфере, а также их популяризация среди сотрудников оперативных подразделений.

Прежде чем рассмотреть основные направления взаимодействия органов внутренних дел с Национальным центральным бюро Интерпола в Республике Беларусь, необходимо рассмотреть основные положения о Международной организации уголовной полиции, Национальном центральном бюро Интерпола в Республике Беларусь, правовую основу их деятельности.

В настоящее время Интерпол – международная правоохранительная организация уголовной полиции, координирующая международное сотрудничество полицейских органов (учреждений) различных стран в борьбе с общеуголовной преступностью [1].

Национальное центральное бюро (НЦБ) – орган, создаваемый в структуре национальной полицейской службы страны – члена Интерпола для обеспечения их постоянного взаимодействия с Генеральным

секретариатом и правоохранительными органами стран – членов Интерпола [2].

Для решения задач НЦБ использует основные формы работы: накопление, анализ, обработка информации о международной преступности; передача соответствующим ведомствам своей страны запросов, направляемых органами полиции других стран; контроль за ведением розыска преступников, их задержанием и передачей запрашивающей стране.

Национальное центральное бюро Интерпола в Республике Беларусь – структурное подразделение Министерства внутренних дел на правах самостоятельного управления, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность, основной задачей которого является обеспечение взаимодействия правоохранительных органов Республики Беларусь с правоохранительными органами государств – членов Интерпола в целях противодействия международной преступности [3].

В своей деятельности Национальное центральное бюро Интерпола в Республике Беларусь руководствуется:

Уставом [2];

Положением о Национальном центральном бюро Интерпола в Республике Беларусь, утвержденным приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 28 февраля 2012 г. № 66 [3];

приказом Национального центрального бюро Интерпола в Республике Беларусь от 16 октября 2012 г. № 7, утверждающим Инструкцию об организации служебной деятельности Национального центрального бюро Интерпола в Республике Беларусь;

приказом Национального центрального бюро Интерпола в Республике Беларусь от 7 апреля 2011 г. № 7, утверждающим Инструкцию об организации работы дежурной смены Национального центрального бюро Интерпола в Республике Беларусь, и др.

В Инструкции об обеспечении информационного взаимодействия в рамках Интерпола подробно описывается порядок обеспечения информационного взаимодействия в сфере борьбы: с организованной преступностью, международным терроризмом, торговлей людьми и незаконной миграцией, преступлениями против порядка осуществления экономической деятельности и др.

Основанием для направления запросов и сообщений в НЦБ Интерпола в Республике Беларусь являются не только возбужденные уголовные дела, но и дела оперативного учета, материалы проверок, содержащие соответствующую информацию.

НЦБ Интерпола в Республике Беларусь:

направляет в Генеральный секретариат и НЦБ иностранных государств запросы, следственные поручения и сообщения органов Респу-

блики Беларусь для осуществления розыска, ареста и выдачи лиц, совершивших преступления;

принимает меры по своевременному и надлежащему исполнению международными правоохранительными организациями и правоохранительными органами иностранных государств запросов органов Республики Беларусь;

направляет поступившие из Интерпола и НЦБ иностранных государств и подлежащие выполнению на территории Республики Беларусь запросы в соответствующие правоохранительные и иные государственные органы Республики Беларусь.

Национальное центральное бюро Интерпола в Республике Беларусь оказывает консультативную методическую помощь органам внутренних дел и другим правоохранительным органам, осуществляет постоянное информирование органов внутренних дел о принципах и формах международного полицейского сотрудничества в системе Интерпола, а также об используемых транснациональной преступностью новых способах совершения преступлений и др.

Национальное центральное бюро Интерпола в Республике Беларусь поддерживает постоянную связь с органами внутренних дел, информирует их о возможностях, принципах и формах международного полицейского сотрудничества в рамках Интерпола, предоставляет и ведет обмен оперативной информацией, проводит семинары и встречи с работниками органов правоохраны и др.

Следует отметить, что одним из наиболее важных направлений деятельности Национального центрального бюро Интерпола в Республике Беларусь стала борьба с преступлениями в сфере экономики и банковско-кредитной сфере. Национальное центральное бюро Интерпола в Республике Беларусь для противодействия организованной преступности находится в тесном взаимодействии с Главным управлением по борьбе с организованной преступностью и коррупцией Министерства внутренних дел Республики Беларусь, с которым осуществляют реализацию перспективной программы Генерального секретариата Интерпола «Миллениум». Участие в этом проекте позволяет получать обобщенные данные на лидеров преступных групп по всем базам Генерального секретариата и базам национальных бюро стран – членов Интерпола, а также активно отслеживать передвижение организованных преступных групп по территории Западной Европы, Америки и Азии [4, с. 33].

Целью проекта «Миллениум» Интерпола является также выполнение функций «справочной системы» для всех стран-членов. Страны могут обращаться к системе автоматизированного поиска (ASF) Интерпола

и выяснить, поставлено ли то или иное лицо на учет в качестве объекта проекта «Миллениум» [4, с. 33].

Важнейшей функцией Интерпола является международный розыск преступников, в том числе и организованных. В розыске участвует полиция нескольких стран с соблюдением национального законодательства и ведомственных инструкций. Интерпол не только координирует действия правоохранительных органов нескольких стран, но и оказывает им помощь в снабжении информацией из своих карточек [4, с. 34].

В практике Интерпола различают три вида розыска: обычный, срочный и смешанный. Обычный розыск включает в себя ряд стадий. Собранные документы правоохранительные органы направляют в НЦБ Интерпола своей страны с просьбой о розыске. Просьба проверяется, запрашиваются дополнительные сведения, составляется «красный циркуляр» (специальный бланк с красной эмблемой Интерпола в правом верхнем углу). Генеральный секретариат после проверки рассылает его в НЦБ всех или нескольких стран-членов. Получив этот документ, каждое НЦБ дает правоохранительным органам команду о начале розыска. В случае задержания и ареста преступника НЦБ немедленно уведомляет Генеральный секретариат и НЦБ страны-инициатора розыска. Последняя, в свою очередь, сообщает о задержании преступника в заинтересованные органы своей страны [4, с. 35].

Срочный розыск организуется, как правило, по горячим следам. Он отличается от обычного тем, что просьбы о начале розыска минуют Генеральный секретариат и направляются НЦБ через специальную радиосеть Интерпола в НЦБ соседних или других государств, куда бежал преступник [4, с. 35].

В случаях когда у правоохранительных органов нет достаточных оснований для ареста или отсутствует договор с государством о выдаче преступников, целью международного розыска является установление за ними негласного наблюдения и контроля за их перемещениями. В подобных ситуациях в Генеральном секретариате заполняется «зеленый циркуляр», в котором кроме обычных реквизитов содержится обращение к полиции «В случае его появления взять под наблюдение» [4, с. 35].

При смешанном розыске секретариат Интерпола рассылает два скрепленных вместе циркуляра: «красный» с пометкой такого, например, содержания: «При обнаружении преступника в европейских странах и США подвергнуть предварительному аресту в целях выдачи» (рассылается в страны, имеющие соответствующий договор); «зеленый» с пометкой «В других странах следить за его перемещениями и деятельностью. Во всех случаях извещать инициатора розыска и Генеральный

секретариат» (рассылается в страны, не имеющие с таким государством договора о выдаче) [4, с. 35].

Как показывает опыт, совершение большей части преступлений в сфере экономики так или иначе связано с «иностранными элементами» в значении этого термина с позиции международного частного права. Глобализация мировой экономики, открытие финансовых границ и создание еще в прошлом веке большого числа офшорных юрисдикций предоставляют правонарушителю довольно доступные и несложные механизмы вывода преступных доходов за пределы Республики Беларусь.

Интерпол предоставляет правоохранительным органам стран-членов эффективный и действенный механизм противодействия трансграничной преступности. Одним из направлений деятельности Интерпола, а также полицейских ведомств стран-членов организации является проведение мероприятий, направленных на пресечение экономических преступлений.

Полицейские ведомства стран – членов Интерпола используют каналы Интерпола для обмена оперативной информацией по подобному рода делам.

В рамках реализации принятых положений Интерпол принял активное участие в создании и функционировании международной информационной системы по вопросам противодействия отмыванию денег ИМОЛИН (IMOLIN – International Money Laundering Information Network). ИМОЛИН была создана на базе сети Интернет и состоит из базы данных законодательных и нормативных актов стран мира, электронной библиотеки и календаря по мероприятиям в сфере борьбы с отмыванием преступных доходов [5, с. 116].

Новаторский подход правового обеспечения противодействия легализации преступных доходов заложен в выработанной в рамках Интерпола системе ИМЛАСС (IMLASS – Interpol Money Laundering Automated Search Service), которая позволяет НЦБ и другим правоохранительным органам с помощью телекоммуникационной системы «i-24/7» осуществлять проверку информации по делам, связанным с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма [5, с. 117].

Показательное значение в плане создания целостного информационно-правового пространства деятельности Интерпола в части противодействия легализации преступных доходов несет в себе информационная система «Ай-Линк» (IO-Link), которая призвана объединить все существующие информационные базы Интерпола [5, с. 118].

Следует также упомянуть, что глава Национального центрального бюро Интерпола в Республике Беларусь А.С. Петран отметил следующую проблему: «Решение материалов проверки по экономическим преступле-

ниям, связанным с «иностранными контрагентами», является сложной задачей. Это связано с тем, что из НЦБ Интерпола других государств в Республику Беларусь поступает ограниченная информация в виде справочных сведений. В основном об иностранных коммерческих организациях, их руководителях или акционерах. Реже – о финансовой деятельности субъектов хозяйствования. Такие трудности возникли в связи с отсутствием договоров о правовой помощи с большинством государств. Кроме того, во многих странах исполнители запросов Республики Беларусь ссылаются на соблюдение коммерческой и банковской тайны» [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что взаимодействие оперативных подразделений органов внутренних дел с Национальным центральным бюро Интерпола в Республике Беларусь позволяет наиболее эффективно осуществлять деятельность по раскрытию экономических преступлений, особенно трансграничных. Несмотря на достаточную правовую регламентацию указанной сферы общественных отношений, а также освещенность в юридической литературе, основной проблемой в данной области является недостаточная осведомленность оперативных сотрудников органов внутренних дел о всех возможных направлениях взаимодействия с Национальным центральным бюро Интерпола в Республике Беларусь. Для решения указанной проблемы считаем целесообразным помещению соответствующей системы знаний в методические рекомендации и распространение их среди оперативных сотрудников органов внутренних дел, занимающихся раскрытием экономических преступлений.

Список использованных источников

1. INTERPOL – The International Criminal Police Organization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interpol.int>. – Дата доступа: 23.06.2020.
2. Устав Международной организации уголовной полиции Интерпола [Электронный ресурс] : 13 июня 1956 г., в ред. от 01.01.1986 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Положение о Национальном центральном бюро Интерпола в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : утв. приказом М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 28 февр. 2012 г., № 66 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Литвинов, А.Б. Роль и функции Интерпола при расследовании в сфере организованной преступности и коррупции / А.Б. Литвинов // Проблемы расследования преступлений и использования специальных знаний : респ. науч.-практ. конф. (Минск, 30 мая 2013 г.) : тез. докл. – Минск, 2013. – С. 33–36.
5. Водянов, А.В. Международно-правовая значимость включенности Интерпола в противодействие преступлениям, связанным с легализацией доходов,

полученных преступным путем / А.В. Водянов // Государство и право. – 2012. – № 11. – С. 114–119.

6. Интерпол с белорусским акцентом: 20 лет – на страже международной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tribunapracy.by/2013/12/interpol-s-beloruskim-akcentom-20-let-na-strazhe-mezhdunarodnoj-bezopasnosti>. – Дата доступа: 23.06.2020.

УДК 342.9

Н.Г. Букица, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.В. Гиммельрейх*

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ВИДЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ АКТОВ, ИЗДАВАЕМЫХ ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

С формированием форм и методов государственного управления, усложнением общественных отношений, являющихся предметом правового регулирования, правовые акты органов исполнительной власти обретают новые качества и особенности, меняется и усугубляется характер взаимосвязей между ними. В связи с этим наравне с ранее существовавшими проблемами правотворчества появляются новые современные задачи улучшения процесса выработки управленческих решений, принятия правовых актов и обеспечения их скоординированного функционирования. Последующее развитие системы правовых актов органов исполнительной власти должно основываться не только на количественном увеличении, так как это порождает все большие недостатки в правовом регулировании. В настоящее время необходим переход систем правовых актов органов исполнительной власти на качественно новый уровень развития, рассматривающий особенности взаимодействия актов между собой, их интегральные свойства и персональные закономерности функционирования.

Проблема актов органов исполнительной власти приобрела определенный интерес со стороны отечественных юристов советского периода. Таким образом, разнообразные аспекты данного вопроса исследовали такие правоведы, как В.М. Безденежных, Р.Ф. Васильев, М.М. Волков, И.И. Евтихий, Ю.М. Козлов, А.П. Корнев, Г.И. Петров, Л.М. Розин, С.С. Студеникин, Ю.А. Тихомиров, В.В. Черников и др.

Цель данной статьи – теоретико-прикладной анализ понятия, признаков, назначения и видового разнообразия административно-правовых и

административно-организационных актов органов исполнительной власти, поиск путей усовершенствования деятельности по разработке и изданию указанных актов. В некоторых случаях в юридической литературе акт управления рассматривается в качестве действия, в других случаях – как документ, в третьих – как форма исполнительно-распорядительной деятельности. Последнее понимание акта наиболее распространено. Но следует иметь в виду, что формой деятельности считается не сам акт, а его издание. В качестве синонимов правовых актов управления применяют другие названия – «акты государственного управления», «административные акты», «акты государственной администрации», «административно-правовые акты» [1, с. 16].

С помощью административно-правовых актов рассматриваются нормы высшей юридической силы, т. е. находящиеся в законодательных актах; формируются типовые правила поведения в сфере государственного управления; претворяются в жизнь различного рода социально-экономические программы; складывается организационно-правовой статус звеньев исполнительного аппарата, напрямую подведомственных Президенту Республики Беларусь или правительству; гарантируется механизм реализации конституционного статуса граждан и общественных организаций; устанавливаются необходимые ограничения и запреты, возлагаются специальные обязанности или предоставляются специальные права, реализуемые в сфере государственного управления; образуются основные линии взаимодействия различных участников управленческих отношений; осуществляется охрана установленного в сфере государственного управления порядка отношений; административно-правовые акты могут быть правовым основанием для принятия иных актов управления. Правовому акту управления (административному акту) присущи соответствующие характерные признаки: представляет собой управленческое решение; принимается в одностороннем порядке; юридически властное волеизъявление органа публичного управления; устанавливает обязательные правила поведения, нормы права в сфере государственного управления либо регламентирует конкретные (единичные) управленческие отношения; устанавливает границы должного поведения субъектов в сфере государственного управления; может быть издан полномочным субъектом исполнительной власти в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, законами, международными договорами и другими законодательными актами, указами Президента Республики Беларусь, постановлениями Правительства Республики Беларусь, законодательными и иными нормативными актами, нормативными актами вышестоящих звеньев исполнительной власти в интересах

обеспечения и исполнения содержащихся в них предписаний; представляет собой разновидность юридически значимых документов; имеет специальную форму и порядок принятия (утверждения).

Наравне с вышеназванными признаками правовых актов исполнительной власти целесообразно приостановиться на коррелятивных признаках, на которых акцентирует внимание ученый В.П. Уманская [2, с. 80–83], которые устанавливают компоненты системы с позиции подчиненности их функционирования единому целому. Коррелятивные признаки правовых актов определяют связь компонентов системы актов между собой, что дает системе свойство целостности. Наличие сложных корреляций между большим числом правовых актов выделяет их из всего массива законодательства.

Важным признаком считается неоднородность правовых актов органов исполнительной власти как по юридической силе, так и по юридическому значению правовых актов, она установлена большим числом субъектов управленческой деятельности, наделенных правотворческими полномочиями и отличиями в их правовых статусах. В зависимости от уровня полномочий правотворческого органа обуславливается юридическое влияние правового акта в иерархии актов. Важность правовых актов исполнительной власти предопределяется задачами, для которых они изданы, и правовыми последствиями, образующимися в результате принятия акта.

Иным коррелятивным признаком является множественность видов и разнообразие форм правовых актов исполнительной власти, что связано со сложностью и разнородностью управленческих отношений. Любая форма актов необходима с целью регулирования определенных управленческих ситуаций, а также обеспечивает должную юридическую силу правового регулирования и результативность применяемых мер влияния. Вследствие чего система правовых актов обладает возможностью использовать различные инструменты, а также механизмы правового регулирования и способна наиболее четко использовать средства управленческого воздействия.

Своевременность исследования, принятия правовых актов органов исполнительной власти также считается коррелятивным признаком, что выделяет их среди иных видов правовых актов, например, законодательных. Наиболее простой порядок издания правовых актов органов исполнительной власти представляет возможность гарантировать оперативность правового закрепления и претворения в жизнь управленческих решений. Значимым признаком также считается незамедлительный и эффективный характер реагирования правовых актов на перемену соци-

альных взаимоотношений и жизненных нужд в области государственного управления. Правовые акты исполнительной власти осуществляют правоприменительную функцию, что дает возможность изучить все вероятные итоги в контексте определенных установленных задач и использовать эффективные мероприятия по их выполнению. В отличие от законодательных актов итоги осуществления правовых актов органов исполнительной власти можно лицезреть практически сразу после их вступления в силу. В большинстве случаев они не имеют необходимости в дополнительном правовом регулировании, обеспечивающем их реализацию. В силу подобных характеристик правовых актов система правовых актов обретает подвижность и возможность немедленного реагирования в согласовании с меняющимися нуждами правовой действительности.

Особую значимость для формирования системы предполагает то, что правовые акты органа исполнительной власти обладают целенаправленной ориентацией. Это один из ключевых признаков любой системы управления. В правовых актах, по точному замечанию С.А. Кулинича, проявлен в насыщенной форме общественный круг интересов [3, л. 30]. Подчиненность интересам и задачам государственного управления гарантирует присутствие внутренних связей среди правовых актов, а также дает им единый вектор развития. Этот критерий появляется в силу того, что правовые акты считаются главной формой управленческой деятельности и средством осуществления государственной политики. Присутствие единой целенаправленной ориентации правовых актов связывает их в систему правовых актов, а также обуславливает направления ее улучшения.

Акцентирование, а также исследование признаков административных правовых актов дает возможность представить следующее определение.

Правовой акт управления – подзаконное одностороннее юридически императивное официальное волеизъявление исполнительных и распорядительных органов государственной власти (должностных лиц), облеченное в определенную форму, принятое по вопросам своей компетенции, на основании и во исполнение законов и подзаконных актов, обладающих значительной юридической силой, в целях прямого фактического исполнения задач, а также функций государственного управления.

Акты управления делятся по юридическим свойствам, сроку действия, территории действия, характеру компетенции органов государственного управления, издающих акты, органам, издающим правовые акты, форме выражения актов.

По юридическим свойствам акты управления делятся на нормативные, индивидуальные и смешанного характера. Нормативные акты управления включают в себя общеобязательные правила поведения, направленные на неопределенный круг лиц и многократное использование. Подобные акты, во-первых, издаются в развитие законов, во-вторых, могут определять стандартные правила в области государственного управления (например, таможенные правила), а также устанавливать статус органов исполнительной власти, являться сосредоточенными на охрану отношений в области государственного управления, т. е. обладать правоохранительным характером.

В зависимости от цели и характера все индивидуальные акты делятся на две категории: оперативно-исполнительные и правоохранительные. Данные акты отображают соответственно оперативно-исполнительскую и правоохранительную деятельность органа государственного [4, с. 256].

Смешанные акты управления – такие акты, в которых переплетаются нормы и индивидуальные установления (например, акт определяет положение какого-либо государственного органа, и в нем назначается руководитель этого органа). Согласно сроку действия акты могут являться: бессрочными – с неопределенным сроком действия; срочными – в акте указан срок действия, по истечении которого акт теряет силу; временными – действуют на протяжении конкретного короткого срока. В наименовании подобных актов указывается то, что они временные (временные инструкции); чрезвычайные – функционируют при наступлении специальных условий (например, какой-либо чрезвычайной ситуации) [5, с. 257].

По территории действия акты подразделяются на действующие в масштабе Республики Беларусь и действующие в масштабе административно-территориальной единицы.

Согласно характеру компетенции исполнительных органов, издающих акты, общие издаются органами общей компетенции (правительством, исполнительными комитетами) и владеют большей юридической силой, нежели межотраслевые, какими регулируются взаимоотношения, образующиеся в ряде отраслей государственного управления. Межотраслевые принимаются органами исполнительной власти межотраслевой компетенции. Отраслевые – акты министерств, госкомитетов, управлений, отделов.

По органам, издающим акты (по наименованию): указы и распоряжения Президента; постановления Правительства и распоряжения Премьер-министра; приказы, постановления, указания, инструкции министерств, государственных комитетов; решения исполнительных комитетов, местных администраций.

По форме формулировки (по способу выражения):
словесные (письменные, устные);
конклюдентные.

Исследование норм функционирующего законодательства предоставляет нам основания говорить, что абсолютно не для всех самостоятельных актов управления учтена письменная форма их внешнего выражения. Присутствие, а также значимость устной формы подчеркивается и в научной литературе [4, с. 23].

Юридическая значимость административных актов состоит в том, чтобы продемонстрировать их правовую значимость в юридической практике не только лишь органов государственного управления и регионального самоуправления, а также органов законодательной и судебной властей. Выявление юридического значения актов управления даст возможность дать ответ, например, на вопросы о том, с какой целью необходимы акты управления в системе фактического управления, могут ли они способствовать улучшению качества механизма правового регулирования. Исследование научно-теоретической литературы, которая посвящена определению сущности, а также содержанию либо назначению административных актов, дает возможность сделать соответствующие выводы.

1. Под административно-правовым актом подразумевается правовой акт, регламентирующий управленческие взаимоотношения либо разрешающий определенное управленческое дело (конфликт), определяющий новый законный статус субъектов права, владеющий государственно-властным характером, производимый субъектами общественного управления в одностороннем административном порядке уполномоченными органами, а также должностными лицами в согласовании с определенной процедурой (в границах управленческого процесса) с целью решения целей управления, реализации его задач, а также осуществления управленческих функций.

2. Выполненные исследования признаков правовых актов дает возможность обнаружить равно как собственно-целостные, а также и коррелятивные признаки административных актов.

Таким образом, собственно-целостные признаки правовых актов предполагают собою характеристики, отличающие их от других правовых актов и, соответственно, от иных любых документов. Они дают возможность рассуждать о приспособлении того либо другого акта к концепции правовых актов органов исполнительной власти. Данные признаки отображают присутствие взаимосвязей между правовым актом, а также системой.

Коррелятивные признаки, в свою очередь, демонстрируют взаимосвязи среди правовых актов, методы их взаимодействия между собой, вследствие каким система актов управления обретает вспомогательные качества, а также способна квалифицироваться как общее, целостное явление.

3. Ученые-административисты к главным типам административно-правовых конфигураций деятельности причисляют утверждение (издание) нормативных правовых актов, публикацию индивидуальных актов, завершение соглашений, осуществление других юридически важных действий, реализацию координационных событий (операций), реализацию материально-технических действий. При этом первоначальные четыре формы считаются правовыми, две последние установлено рассматривать неправовыми (координационными). Систематизация правовых конфигураций ведется согласно разным причинам: по содержанию их делят на правотворческие и правоприменительные; по целенаправленности – на внутренние, а также внешние; в зависимости от метода формулировки – на вербальные (письменные и устные), а также конклюдентные; правоприменительная работа, согласно содержанию и свойствам общепризнанных норм, используемыми органами управления, делится на регулятивную и правоохранительную.

4. Значимость правовых актов выражается в первую очередь в том, что они считаются главным методом претворения в жизнь государственной политики. Издаваемые правовые акты органов исполнительной власти весьма ценны в качестве механизма действия права. Они приводят условия норм законодательства вплоть до адресата и ориентированы на осуществление данных требований. В нынешних обстоятельствах в взаимосвязи со значимыми преобразованиями, осуществляемыми в государстве, правовые акты органов исполнительной власти получили особую значимость. Квалифицированная организация работы органов исполнительной власти, грамотное разделение их возможностей, применение нынешних управленческих технологий, с одной стороны, проявляет значительное воздействие на качество правовых актов, а с другой – от качества правовых актов зависит результативность правового регулирования и, как результат, реализация целей государственного управления.

Список использованных источников

1. Батычко, В.Т. Административное право : учебник / В.Т. Батычко. – М. : Таганрог, 2016. – 140 с.

2. Уманская, В.П. Система правовых актов органов исполнительной власти : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / В.П. Уманская ; Рос. прав. акад. М-ва юстиции России, 2014. – 410 с.

3. Кулинич, С.А. Правовые акты органов исполнительной власти : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / С.А. Кулинич. – МГЮА, 2006. – 182 л.

4. Васильев, Р.Ф. Правовые акты органов управления : учеб. пособие / Р.Ф. Васильев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 108 с.

5. Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. / под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учрежд. образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2013. – Ч. 1 : Административно-регулятивное право / И.В. Козелецкий [и др.]. – 438 с.

6. Законность актов органов управления / Р.Ф. Васильев, П.К. Евдокимов, И.Н. Иванов [и др.] ; под ред. проф. В.И. Новоселова. – М. : Юрид. лит., 1968. – 107 с.

УДК 343.985

П.М. Винников, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *С.А. Войтихович*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ – ВАЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Существуют доказательства того, что там, где есть взяточничество и коррупция, также имеют место быть и другие преступления. Эти обстоятельства способствуют мошенничеству с денежными средствами, киберпреступлениями (включая кражу интеллектуальной собственности). Взятничество – предложение, обещание, предоставление, принятие или вымогательство выгод, которые поощряют действия, могут рассматриваться как недопустимые, неэтичные или злоупотребление доверием. Стимулы могут принимать форму подарков, вознаграждений или других льгот (налогов, услуг, подарков и т. д.). В настоящее время в литературе изложено определенное количество мнений, охватывающих такие понятия, как коррупция и взяточничество. Т.И. Шукайло считает, что в последнее время одними из основных сфер хозяйственной деятельности, где наиболее часто выявляются факты коррупции, являются сфера освоения, обращения и использования государственных средств, инвестируемых в экономику, в том числе средств республиканского и местных бюджетов, целевых фондов; сфера закупок товаров (работ, услуг) для государственных нужд; строительство и ремонт за счет бюджетных средств, в том числе в сфере ЖКХ [1, с. 162]. Но нельзя не со-

гласиться и с точкой зрения А.В. Рака о том, что коррупция в той или иной степени существует во всех странах мира. Не является исключением и Республика Беларусь. Как показывает мировая практика, коррупция может проявляться во всех сферах жизнедеятельности в виде взяточничества, вымогательства, протекционизма, лоббизма, незаконного распределения общественных ресурсов и льгот [2, с. 136]. Одна из самых насущных проблем белорусского общества в целом и государственной службы в частности – коррупция. В.Ю. Евстратьев считает, что коррупция стала тормозом для ускоренной динамики развития страны, угрозой национальной безопасности, ведущим фактором низких темпов развития экономики, углубления социальной дифференциации общества [3, с. 84]. Коррупция – умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного [4]. Практика коррупции и взяточничество не всегда связаны с передачей денежных средств. Подарки, гостеприимство и развлечения могут считаться коррумпированными, если они призваны повлиять на решение должностного лица.

Говоря об историческом этапе, можно отметить, что во второй половине 60-х – конце 80-х гг. в СССР присутствовала неприкосновенность высоких партийных сановников, которая предопределила активное использование теневых механизмов для обеспечения развития незаконного предпринимательства. Масштабы взяточничества росли стремительно: в 1980 г. было выявлено более 6 000 случаев, что составило на 50 % больше, чем в 1975 г. В этот период стало очевидно преимущество однопартийной системы для развития коррупции и монополистического соединения органов власти с хозяйственными структурами. Появились первые организованные коррумпированные группы: в частности, группа в Минрыбхозе СССР во главе с заместителем министра насчитывала более ста человек.

Поскольку пребывание в чиновничьем кресле стало практически пожизненным, превалирует кумовство. Определенная часть лиц у власти стала распоряжаться государственной собственностью как личной. Типичными преступлениями были продажа дефицитной продукции, в том числе оборудования и материалов, подтасовывание плановых заданий, назначение на должности и сокрытие махинаций. Дела по взяточничеству нередко сворачивались, особенно если дело касалось высоких чиновников.

Исторический опыт свидетельствует, что лица, выполняющие государственные функции, постоянно были склонны к коррупционным поступкам. Они, в меру попустительства общественности, неправомерно присваивали общественные блага, не принимая участия в их производстве. Этот недостаток стал центральной чертой, которая присуща чиновничеству, неизменным интересом аппарата управления во все времена исторического развития и в любом обществе.

В основном в этот период применялись карательные меры борьбы со взяточничеством. Вместе с тем в Уголовный кодекс были введены новые типы наказаний – отказ в праве занимать некоторые должности и заниматься определенной деятельностью. Под руководством Ю.А. Андропова была проведена система «чисток» коррумпированных элементов в Азербайджанской и Грузинской ССР, развернута (но не доведена до конца) широкомасштабная борьба со взятками в торговле и промышленности.

В Докладе, подготовленном Региональным общественным Фондом ИНДЕМ, аналитики предлагали следующую схему развития коррупции в позднее советское время:

- уменьшение централизованного контроля;
- распад идеологических скреп;
- экономическая стагнация, падение уровня развития экономики;
- крах СССР и появление Республики Беларусь;
- смена централизованной коррупции «федеративным» множеством коррумпированных систем.

Некоторые ученые именно в данном периоде отечественной истории видят основы для заложения современной системы теневой экономики: командно-административная система управления привела к бесхозяйственности, ослаблению контроля над экономическими процессами в стране, что привело к дефициту в легкой промышленности и, как закономерное следствие, к развитому рынку подпольных товаров с его высокими ценами и неуплатой налогов [5, с. 43–46].

Феномен коррупции существовал всегда. Однако только в последние годы его понимание возросло на международном уровне. Фактически,

что касается конвенций о коррупции и планов действий, принятых отдельными государствами и группами государств, а также международными организациями в области международной торговли и особенно в области финансов, большинство из них делали определенные шаги в этом направлении в последние пятнадцать лет. Это означает, что коррупция сравнительно недавно стала признанным явлением и что ее негативные последствия распространяются в мировых масштабах. В то же время растет понимание необходимости борьбы с ней. С этой целью были внедрены методы эмпирического анализа и количественной оценки коррупции, которые позволят лучше понять динамику нелегальных практик, связанных с ней.

Такое недавнее изменение было вызвано, в частности, двумя важными историческими факторами: падением идеологических блоков после 1989 г. и глобализацией информации. Оба процесса способствовали тому, чтобы больше освещать проблему коррупции и сделать людей более осведомленными о ней. Открытие границ в результате процесса глобализации позволило коррупции расширяться с большей возможностью по отношению к прошлому, но также дает больше возможностей для борьбы с ней посредством более решительного и скоординированного международного сотрудничества.

Коррупция – явление, которое не ограничено политикой или географией. Она существует в богатых и бедных странах. Экономическое влияние коррупции трудно установить с точностью. Тем не менее мы имеем дело с огромным количеством ресурсов, которые отнимаются у экономики, производства и социальных программ. Расходы несут граждане: цена коррупции оплачивается с помощью денежных средств, предназначенных для законного использования обществом.

Коррупция охватывает все социальные сектора: ее нельзя отнести только к тем, кто работает в экономическом секторе, или только к государственным чиновникам, поражается все гражданское общество. Коррупция – явление, затрагивающее как отдельные государства, так и международные организации.

Распространению коррупции способствуют отсутствие прозрачности в международных финансах, существование финансовых убежищ, так называемых офшорных зон, и несоответствие между уровнем борьбы с коррупцией на национальном и международном уровнях. Этому также способствуют ограниченное сотрудничество между государствами в борьбе с коррупцией, чрезмерные различия в нормах различных правовых систем, отсутствие освещения в СМИ коррупции в некоторых частях мира и отсутствие демократии в различных странах.

Сегодня коррупция вызывает серьезную обеспокоенность, поскольку она также связана с незаконным оборотом наркотиков, отмытием денег, незаконной торговлей оружием и другими формами преступности.

Если коррупция наносит серьезный ущерб с материальной точки зрения и накладывает дорогостоящее бремя на экономический рост, еще более вредным является ее воздействие на нематериальные объекты, тесно связанное с человеческим аспектом жизни в обществе.

Борьба с коррупцией требует значительных усилий, эффективных результатов со стороны правоохранительных органов. В борьбе с коррупцией очень важно, чтобы ответственность за незаконные действия несли лица, причастные к коррупционным проявлениям.

На международном уровне борьба с коррупцией требует от людей совместной работы для повышения прозрачности экономических и финансовых операций, принятия и применения в разных странах единого законодательства в этой области.

Поскольку организованная преступность не знает границ, международное сотрудничество между правительствами также необходимо расширять. Ратификация соглашений против коррупции очень важна, и желательно, чтобы число стран, ратифицировавших и осуществляющих Конвенцию ООН против коррупции, увеличилось. Однако остается проблема конкретного применения этих соглашений, поскольку из-за политической мотивации они не наблюдаются во многих странах, даже в тех, которые их подписали. Необходимо также прийти к общему соглашению на международном уровне в вопросах для конфискации и возврата того, что было незаконно получено, т.к. в настоящее время нормы, регулирующие такие процедуры, существуют только в отдельных странах.

Многие надеются, что будет создан международный орган по борьбе с коррупцией, способный действовать автономно и будет проверять, были ли совершены коррупционные преступления на международном уровне.

В Республике Беларусь законодательство о борьбе с коррупцией основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из Закона «О борьбе с коррупцией», иных актов законодательства, а также международных договоров Республики Беларусь.

Изучая вышеуказанный нормативный правовой акт, можно сказать, что правоохранительные органы занимаются не только пресечением, но и предупреждением коррупции, об этом говорит гл. 3 Закона «О борьбе с коррупцией». В ст. 16 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» закреплено: «Государственное должностное лицо, лицо, претендующее на занятие должности государственного должностного лица, в

целях недопущения действий, которые могут привести к использованию ими своего служебного положения и связанных с ним возможностей и основанного на нем авторитета в личных, групповых и иных внеслужебных интересах, дают обязательство по соблюдению ограничений, установленных статьями 17–20 настоящего Закона, и ставятся в известность о правовых последствиях неисполнения такого обязательства».

Обязательство государственного должностного лица, лица, претендующего на занятие должности государственного должностного лица, оформляется в письменной форме кадровой службой соответствующего государственного органа, иной организации. Неподписание такого обязательства влечет за собой отказ в регистрации в качестве кандидата на должность государственного должностного лица, в назначении на должность государственного должностного лица либо освобождение государственного должностного лица от занимаемой должности в порядке, установленном законодательными актами.

Должностные лица кадровой службы соответствующего государственного органа, иной организации за неисполнение возложенных на них должностных обязанностей по оформлению письменного обязательства государственного должностного лица, лица, претендующего на занятие должности государственного должностного лица, либо несвоевременное ознакомление государственных должностных лиц с предъявляемыми к ним требованиями несут дисциплинарную ответственность в порядке, установленном законодательными актами [4].

Таким образом, на разных этапах общественного развития как наше, так и другие государства осуществляли борьбу с коррупцией, так как ее проявления всегда присутствовали в государственном секторе. Число коррупционных преступлений, выявляемых в Республике Беларусь, достаточно высоко, чему способствует высокая доля государственной собственности в стране. Выходом из такой ситуации может быть снижение степени влияния государства на экономику, что в мировой практике является одним из наиболее эффективных методов противодействия рассматриваемому негативному социально-правовому явлению.

Список использованных источников

1. Шукайло, Т.И. Коррупция как сдерживающий фактор социально-экономического развития Республики Беларусь / Т.И. Шукайло // Инновационное развитие экономики: предпринимательство, образование, наука : сб. науч. ст. – Минск, 2013. – С. 162–165.

2. Рак, А.В. Коррупция и государство: причины, следствия, меры противодействия / А.В. Рак // Актуальные вопросы экономики строительства и город-

ского хозяйства : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 23–24 апр. 2013 г. – Минск : БНТУ, 2014. – С. 136–145.

3. Евстратьев, В.Ю. Коррупция в России / В.Ю. Евстратьев // Социология и жизнь. – 2009. – № 4. – С. 84–87.

4. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Коновалов, В.А. Коррупция в российской истории и праве / В.А. Коновалов // «Белые пятна» рос. и мировой истории. – 2014. – № 6. – С. 61–88.

УДК 343.985

Я.А. Высоцкий, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Тукало*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНЫЙ ОПРОС»

Для эффективного проведения оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) «оперативный опрос», получения искомой информации, представляющей оперативный интерес, необходимо, наряду со знаниями юридической стороны ОРМ, обладать и знаниями психологических особенностей его проведения.

Оперативный опрос представляет собой общение как сложный многогранный процесс установления и развития контактов между людьми и группами, порождаемый потребностями совместной деятельности. Общение включает в себя как минимум три различные стороны: коммуникацию (обмен информацией), интеракцию (обмен действиями) и социальную перцепцию (восприятие и понимание партнера).

Умелое использование приемов и средств психологического воздействия при общении с лицом, обладающим оперативно значимой информацией, является показателями определенного профессионализма.

Сущностью оперативного опроса является общение с опрашиваемым лицом с целью получения оперативно значимой информации. В свою очередь, важнейшим элементом общения является установление *психологического контакта* с собеседником. Установление психологического контакта – самостоятельный этап оперативного опроса, от которого во многом зависит эффективность получения оперативной информации [4, с. 112].

Ю.В. Чуфаровский определяет психологический контакт «как стадию, в ходе которой определяются общие параметры беседы, её темп, ритм, уровень напряжённости, основные состояния собеседников и главные аргументы, которыми они будут убеждать друг друга в своей правоте» [4, с. 159–161].

Установление психологического контакта состоит из многих факторов, а именно – личности самого оперативного сотрудника; знания и умения в заведении диалога, навыков по поиску подхода к опрашиваемому лицу; ориентация и познания в различных сферах жизнедеятельности; личности опрашиваемого лица; осведомленности о возможных линиях его поведения; компрометирующих сведениях об опрашиваемом лице; непосредственно самой обстановки, в которой будет предстоящее общение [4, с. 156].

Установление психологического контакта не равнозначно даже опрашиваемым правдивых показаний. Наличие положительного психологического контакта – всего лишь первый шаг к правдивым показаниям, одно из условий, существенно облегчающих их получение.

Тактика и приемы установления психологического контакта зависят от характеристики личности как оперативного сотрудника, так и опрашиваемого, от целей беседы, а также от условий (места, времени, обстановки), в которых она протекает. При установлении контакта с опрашиваемым не может быть шаблона, штампа. Здесь нужен индивидуальный подход, с учетом свойств личности. Выбор способа установления психологического контакта с опрашиваемым во многом зависит от того, кем он является по отношению к подготавливаемому, совершаемому или совершенному деянию. Многое зависит от целей беседы, характеристики опрашиваемого, степени изученности имеющихся исходных данных и оценки сложившейся обстановки.

Проведение оперативного опроса, на первый взгляд, может показаться как «борьба» оперативного сотрудника с опрашиваемым. Такое представление, по меньшей мере, неверно. Опрос – один из видов информационного взаимодействия, межличностного общения и обмена информацией двух главных действующих лиц – опрашивающего и опрашиваемого.

Создание необходимых предпосылок и условий для такого взаимодействия – главная задача стадии установления психологического контакта. Она реализуется путем использования ряда психологических приемов. Рассмотрим наиболее эффективные из них.

«Разговаривание» собеседника. Выбор нейтрального материала для начала беседы, который может касаться погоды, самочувствия, маршру-

та движения транспорта либо вестись о биографии объекта беседы, его семейном положении, интересах и увлечениях.

Первоначальное накопление согласий. Накопление согласий в начале разговора способствует первоначальному сближению с опрашиваемым. Важно накопление согласий даже по второстепенным, «нейтральным темам» и несущественным вопросам. Пока эмоциональная напряженность опрашиваемого не снята и не сформировано поле взаимного интереса, говорить следует о вещах, составляющих область позитивных интересов партнера. Отвечая «да», опрашиваемый расслабляется, настраивается более благожелательно [4, с. 133–135].

Подстройка к позе. Следует сначала принять ту же позу, что у партнера – отразить позу партнера. Это называется подстройкой, отражением, присоединением, настройкой, отзеркаливанием. Главное в том, что нужно сделать какую-то часть поведения допрашивающего похожей на аналогичную часть поведения допрашиваемого. Подстройка к позе – первый навык активного, форсированного создания подсознательного доверия.

Нахождение значимого повода («Мы похожи»). Ускорению и развитию психического сближения способствуют нахождение и актуализация значимых общих интересов конфидендента и фигуранта. Образование общности «мы» в значительной степени нейтрализует воздействие ролевых статусов, снижает взаимную тревожность, подозрительность, настороженность, позволяет шире продемонстрировать взаимоприемлемые личностные качества [4, с. 141–142].

Создание обстановочных условий. Суть данного приема состоит в «создании» обстановочных условий (с учетом места, времени, возможных к использованию сил, средств и т. д.), максимально способствующих установлению первоначального оперативного контакта оперативника, конфидендента с фигурантом в «обществе себе подобных» (организация «временного соседства» в гостинице, общежитии, больнице, «подстава» такси и т. п.).

Активное слушание. Прием установления психологического контакта, в ходе которого опрашивающий не просто воспринимает информацию от собеседника, но и активно показывает понимание этой информации. При этом применяются такие способы активного слушания, как паузы, уточнения, парафразы, развитие мысли, сообщения о восприятии, положительные замечания в ходе беседы.

В процессе общения со всей наглядностью проявляется различие двух близких понятий: «слушать» и «слышать». К сожалению, достаточно часто люди, слушая, не слышат друг друга. Исследования показы-

вают, что не более 10 % людей умеют выслушать собеседника спокойно и целенаправленно. Есть два важных приема слушания: нереклексивное (не отражающее) и рефлексивное (отражающее) слушание [4, с. 97].

Нереклексивное слушание. Здесь нужно всего лишь как следует использовать такие несложные инструменты, как внимательное молчание и минимальная словесная реакция. Сигналы реакции могут быть самыми разными, лишь бы они не содержали оценки или суждения. Например: «А?», «Так-так», «Давай дальше», «Да?», «Понимаю». Нереклексивное слушание особенно ценно, когда люди хотят «выпустить пар», высказать наболевшее. Однако во многих случаях одной лишь словесной реакции мало, например, когда собеседник ошибочно принимает ее за ваше согласие. Тогда необходимо вступить в беседу и высказать вашу точку зрения, т. е. перейти к рефлексивному слушанию.

Рефлексивное слушание используется в ситуациях, когда говорящий нуждается не столько в эмоциональной поддержке, сколько в помощи при решении определенных проблем. Здесь могут принести пользу такие фразы: «Что вы имеете в виду?», «К сожалению, я не все понял» и др. [4, с. 99].

Психологическое воздействие является основной частью профессионального инструментария оперативного сотрудника в процессе установления контакта. Необходимо чтобы используемые психологические приемы применялись не только на интуитивном уровне, но и опирались на положения психологических наук [2, с. 50].

В оперативно-розыскной психологии под опросом понимается общение оперативного сотрудника с опрашиваемым, во время которого осуществляется регулируемое в рамках закона воздействие на мыслительную, эмоциональную и волевою сферу последнего с помощью психологических приемов с целью получения от него полной и правильной информации об интересующих фактах и событиях.

Необходимо отметить зависимость индивидуального стиля общения от индивидуальных свойств личности (интроверсия и экстраверсия), что особенно важно в профессии оперативного сотрудника. Под стилем понимается индивидуальная устойчивая форма коммуникативного поведения человека, проявляющаяся в любых условиях его взаимодействия с окружающими. Если оперативный сотрудник социальный интроверт, то общение с опрашиваемым происходит на ролевом уровне: профессиональная роль подменяет личность. Между сторонами устанавливаются чисто деловые отношения. Если оперативный сотрудник социальный экстраверт, то он стремится установить эмоционально-личностные отношения на опросе, и общение с оппонентом происходит на личностном уровне.

Важным элементом благоприятного установления контакта также является учет оперативным сотрудником особенностей психологических акцентуаций (психотипов) личности опрашиваемого лица.

Советские психиатры А.Е. Личко и А.П. Егидеса создали современную типологию личности, исходя из которой, в каждом человеке один из психотипов личности является преобладающим [1].

эпилептоид – любовь к порядку, организованность, энергетизм и агрессивность;

истероид – тотальная демонстративность и эгоизм;

гипертим – повышенное настроение, жажда деятельности, неорганизованность;

шизоид – интровертированность, интенсивная работа мысли, склонность к теоретизированию;

психастеноид – неуверенность и нерешительность;

сензитив – повышенная чувствительность, тревожность и мнительность;

гипотим – слабая энергичность и постоянно пониженный фон настроения;

конформный – зависимость от окружения;

циклоид – смена двух противоположных состояний – гипертимного и гипотимного [1].

Акцентуации характера – крайности нормы поведения, что приводит к появлению «слабых мест», которые могут быть как явными, так и скрытыми, либо проявляющимися в экстремальных ситуациях. Такой экстремальной ситуацией может быть оперативный опрос. Если опрашиваемое лицо пытается скрыть информацию об известных ему обстоятельствах совершенного преступления, оперативный сотрудник, воздействуя на «слабые места» собеседника, сможет достичь поставленных целей по получению скрываемой информации [1].

Наряду с навыками использования общих психологических приемов установления контакта и последующего получения информации от опрашиваемого лица, также необходимо владение основами профайлинга.

По мнению И.В. Сечко: «Характерные особенности личности участвуют в формировании индивидуального стиля поведения, который внешне проявляется в привычной для данной личности форме активности. Другими словами, между внутренними психофизическими проявлениями существует прямая закономерность» [3, с. 214].

Содержание профайлинга определяется как совокупность психологических методов прогнозирования поведения человека на основе диагностики наиболее информативных «маркеров» и характеристик

внешности, которые дают возможность получения объективной информации через вербальные и невербальные компоненты, используемые в межличностном общении и позволяющие определить нетипичные изменения в поведении, направленные на сопротивление установлению объективной истины [3, с. 214].

Через систему невербальных средств транслируется и информация о чувствах, испытываемых людьми в процессе общения. К анализу «невербалики» мы прибегаем в тех случаях, когда не доверяем словам партнеров.

Требует особого внимания психология и тактика проведения *окончания опроса*. С точки зрения психологии, этот элемент опроса очень важен, так как оперативный сотрудник совершает непростительный промах, если, получив необходимые ему сведения, резко обрывает беседу, начинает торопиться и явно теряет интерес к собеседнику. Такое поведение может обидеть опрашиваемого, вызвать недоверие к оперативному сотруднику, исключить возможность в будущем обращаться к нему за помощью, а иногда и побудить человека с ущемленным самолюбием противодействовать дальнейшим действиям оперативных сотрудников, вплоть до предупреждения разрабатываемых и проверяемых лиц о проявленном к ним интересе [4, с. 155–158].

Поскольку психология человека устроена таким образом, что особенно запоминается и производит сильное эмоциональное воздействие *окончание беседы*, нужно оставить у опрашиваемого лица благоприятное впечатление от беседы. Если цель опроса не скрывалась, опрашиваемого следует поблагодарить за данные им сведения. В тех случаях, когда он проявлял желание оставить втайне сам факт беседы, еще раз заверить, что это условие будет соблюдено.

На всех этапах опроса необходим тщательный учет основных положений психологии, использование которых во многом определяет успешное проведение этого эффективного мероприятия. Вместе с тем психологическое воздействие может и должно осуществляться в строгом соответствии с требованиями законности и в определенных пределах, исключающих психологическое принуждение (шантаж), и использование таких низменных побуждений, как месть, национализм, корысть [2, с. 107–108].

Так, установление психологического контакта выступает самостоятельной стадией, этапом ОРМ «оперативный опрос». Цель установления психологического контакта – создание «почвы» для эффективного проведения данного ОРМ и получения оперативно значимой информации. Приемы, используемые для установления психологического кон-

такта, являются важным инструментом для преодоления психологических барьеров у опрашиваемого лица, создание условий для проведения оперативного опроса.

Знание ключевых аспектов психологии общения, использование навыков установления психологического контакта способствуют получению достоверной информации оперативным сотрудником от опрашиваемого лица посредством визуальной психодиагностики, психофизиологических признаков, вербальных и невербальных реакций индивида, физиологических изменений.

Список использованных источников

1. Ганнушкин, Петр Борисович [Электронный ресурс] : Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ганнушкин,_Пётр_Борисович/. – Дата доступа: 15.06.2020.
2. Климов И.А., Ковалев О.Г. Психология оперативно-розыскной деятельности // Психология. Педагогика. Этика : учеб. для вузов / под ред. проф. Ю.В. Наумкина. – М., 2002. – 122 с.
3. Сечко, И.В. Профайлинг как способ борьбы с преступностью [Электронный ресурс] / И.В. Сечко // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию образования Могилев. ин-та МВД (Могилев, 2–3 апр. 2018 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Ю.А. Матвейчев (отв. ред.) [и др.]. – Могилев, 2018. – С. 214–215.
4. Чуфаровский, Ю.В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности : учеб. пособие / Ю.В. Чуфаровский. – М. : Проспект, 2009. – 208 с.

УДК 343.985

И.А. Гаманович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *Д.Н. Лахтиков*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ

Современный этап развития общества по праву называют эпохой высоких технологий. Доступность интернета, возможность быстрого поиска и обмена информацией не только облегчают жизнь современным людям, но и приводят к изменениям в их образе жизни. Информационные технологии получили широкое распространение и пронизывают

все сферы общественной жизни, оказывая существенное влияние на дальнейшее развитие государств и всего мирового сообщества. В Республике Беларусь приоритетной задачей является создание информационного общества, основанного на широком внедрении современных информационных технологий.

Однако развитие технологий и информационного пространства используется и в преступных целях, в последнее время отмечается рост числа преступных посягательств, в частности хищений, совершаемых с их использованием. Преступления, совершенные с использованием компьютерных технологий, имеют повышенную общественную опасность, так как наносят вред не только порядку законного использования интернет-пространства, но и правам и законным интересам личности, дезорганизуют деятельность органов государственной власти, дезинформируют в общенациональном масштабе, подрывают национальную безопасность.

Непосредственно компьютерная техника является не предметом хищения, а орудием его совершения, способом хищения с использованием компьютерной техники и используется для изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на компьютерных носителях или передаваемой по сети передачи данных; внесения различных корректировок в имеющуюся информацию, что затрудняет законное использование компьютерной информации; введения ложной информации в компьютерную систему [1, с. 16].

Кроме того, компьютерные технологии могут быть как методом, так и средством совершения преступления. Двойственность смысла в данном случае возможна в силу самой природы компьютерных технологий. Применительно к группе противоправных деяний, в которых компьютеры и другие средства вычислительной техники используются в качестве орудий или средств совершения корыстного преступления, законодательство ряда зарубежных стран специально выделяет элементы преступлений, защищающих имущественные отношения от преступных посягательств, совершаемых с использованием компьютера [2, с. 112–117].

Хищения с использованием компьютерных технологий возможны только при помощи компьютерных манипуляций. «Компьютерное хищение» предполагает перехват информации, несанкционированный доступ к носителям информации, манипулирование данными и управляющими командами. При манипулировании процессами ввода и вывода информации компьютер, согласно заложенной в него программе, идентифицирует преступника как законного владельца денежных средств.

Преступник не сам тайно снимает эти деньги, а компьютер, банкомат или другое электронное устройство передает их ему, внешне добровольно, но в связи с ошибкой в программе, которую преступник сознательно вводит в эту программу. В этом случае приобретение чужого имущества может произойти путем ввода, изменения, удаления или блокирования компьютерных данных, либо путем иного вмешательства в функционирование компьютерной системы [3, с. 23–24].

Важным элементом характеристики данного вида преступления является способ совершения преступления. В нем содержится уникальная информация о личности преступника и следах его преступной деятельности. Как правило, под способом совершения преступления понимается единая совокупность взаимосвязанных действий, направленных на подготовку, совершение и сокрытие преступления, осуществляемых в определенное время, в определенном месте и с использованием необходимых средств и орудий [4, с. 108].

Способ совершения хищения с использованием компьютерной техники можно рассматривать как систему умышленных действий по подготовке, совершению и сокрытию незаконного, безвозмездного завладения имуществом потерпевшего путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе или хранящейся на компьютерных носителях, охватываемых единым преступным замыслом, определяемым психофизическими качествами личности грабителя и избирательным использованием соответствующих средств, орудий, условий места, времени, а также с учетом возможных действий [5, с. 14–15].

Кодификатор рабочей группы Интерпола в общем виде хищения с использованием компьютерных технологий предлагает определить и классифицировать как компьютерное мошенничество, связанное с кражей наличных денег из банкоматов; компьютерные подделки – мошенничество и хищения из компьютерных систем путем создания поддельных устройств; мошенничество и хищения, связанные с игровыми автоматами; манипулирование программами ввода-вывода – мошенничество и хищения путем неправильного ввода или вывода из компьютерных систем; компьютерное мошенничество и кража, связанные с платежными средствами; телефонное мошенничество – доступ к телекоммуникационным услугам путем нарушения протоколов и процедур работы компьютеров, обслуживающих телефонные системы [6].

Методы подготовки, совершения и сокрытия целенаправленных кибератак в большей или меньшей степени использовались ранее, в том числе отдельно, как самостоятельные преступления, и используются для других, более простых, способов хищения. В результате при их ана-

лизе выясняются современные тенденции в методах хищения с использованием компьютерных технологий [7, с. 100–101].

Как правило, хищение с использованием компьютерных технологий при целенаправленных кибератаках имеет ряд специфических этапов для достижения намеченного преступного результата. На этапе подготовки ставится конкретная цель и получается необходимая информация о путях доступа и паролях к ее информационной системе. Проводится разработка стратегии атаки, различных схем и методов нападения. Осуществляются также поиск и создание необходимого программного обеспечения для сбора, обработки, внедрения, распространения, кражи и сокрытия следов преступления. Для получения конфиденциальных данных жертвы, сотрудников и лиц, имеющих доступ к информационной системе объекта атаки, обычно используются социальная инженерия, различные фишинговые ссылки, взлом оригинальных сайтов для изменения вредоносных программ и ссылок на них [8, с. 227–229].

В некоторых случаях вектором распространения вредоносных программ является не спам, а взломанные популярные сайты, в том числе финансовой и юридической тематики. На том или ином этапе промежуточными целями кибератак могут быть офис правления компании с плохой защитой компьютера от физического, логического и программного повреждения; дата-центры и функционирование многочисленных серверов, а также запущенных на них приложений; сеть поставщиков и партнеров; базы данных; офисные сети и мобильные устройства. На стадии совершения преступления, в частности проникновения в информационную систему, внедряются средства удаленного доступа, управления и администрирования как официально используемые, так и вновь создаваемые. Это может быть использовано для обмана конкретного человека – целевой фишинг, различные компьютерные программы, фрагмент программного кода или последовательность команд, использующих уязвимости в программном обеспечении для проведения атаки, инсайдерские знания, шпионские программы, другие методы социальной инженерии и всевозможные комбинированные методы [9, с. 132–134]. На заключительном этапе непосредственно реализуется главная цель нападения – завладение имуществом и его хищение. При этом используется программное или аппаратное устройство, регистрирующее различные действия пользователя, различные программы-шпионы, перехват необходимой информации и управление ключевой инфраструктурой, изменение данных и дальнейшее манипулирование финансовыми процессами. Преступная группа осуществляет ряд мероприятий по сокрытию и уничтожению следов хищения и его наличия как на программном уровне, так и физически [10].

Все вышеизложенное указывает на то, что разновидности способов хищений путем использования компьютерной техники детерминированы совершенствованием данной техники и технологий, причем способы защиты от преступных посягательств в настоящий момент отстают. Как правило, о фактах нового способа хищения становится всем известно постфактум.

Таким образом, преступления, совершаемые путем использования компьютерной техники, имеют свои отличительные особенности, значимые для их предупреждения, пресечения и раскрытия. Непосредственно хищение путем использования компьютерной техники возможно путем совершения компьютерных манипуляций, само завладение чужим имуществом в данных случаях может происходить путем ввода, изменения, удаления или блокирования компьютерных данных либо путем другого вмешательства в функционирование компьютерной системы. Тем не менее процесс совершения данного рода преступлений невозможен без предварительной подготовки, изучения и оценки обстоятельств, обстановки и непосредственно создания необходимых условий, облегчающих совершение преступления.

Самым эффективным решением задач, связанных с противодействием данному виду преступлений, являются: подготовка специалистов для борьбы с киберпреступлениями, кадров, что связано с необходимостью точного, быстрого реагирования, поиска, фиксации, изъятия и сбора доказательств в электронной форме; активное участие регуляторов в информационной сфере Республики Беларусь при сборе, обработке, аккумулировании поступающей информации о данных происшествиях, оказании технической помощи и участие в международном сотрудничестве с представителями иностранных государств в данной сфере; взаимодействие и постоянное сотрудничество трех групп специалистов: представителей правоохранительных органов, пострадавшей стороны, специалистов в области защиты информации и лиц, занятых в данной сфере какой-либо вспомогательной деятельностью.

Список использованных источников

1. Пасынков, А.В. Субъект хищения путем использования компьютерной техники / А.В. Пасынков // Вестн. Гродн. гос. ун-та им. Янки Купалы. Серия 4. – 2011. – № 1. – С. 82–85.
2. Хиллота, В.В. Уголовная ответственность за хищения с использованием компьютерной техники / В.В. Хиллота // Журнал рос. права. – 2014. – № 3. – С. 111–118.
3. Петров, С.А. Особенности квалификации хищений, совершаемых с использованием компьютерной техники / С.А. Петров // Рос. следователь. – 2008. – № 15. – С. 22–24.

4. Зуйков, Г.Г. Поиск преступников по признакам способа совершения преступления / Г.Г. Зуйков. – М. : ВШ МВД СССР, 1970. – 191 с.

5. Журавлева, Г.В. О некоторых особенностях квалификации хищений с использованием компьютерных технологий / Г.В. Журавлева, Н.А. Карпова // Журнал «Евраз. адвокатура». – 2018. – № 4. – С. 14–19.

6. Вопросы международного сотрудничества в борьбе с компьютерными преступлениями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/>. – Дата доступа: 15.02.2020.

7. Шкеле, М.В. Информационная безопасность как объект уголовно-правовой охраны / М.В. Шкеле // Журнал «Науч.-техн. ведомости С.-Петерб. гос. политех. ун-та». – 2010. – № 1. – С. 100–107.

8. Сердюк, П.Л. Особенности правовой оценки дистанционного мошенничества / П.Л. Сердюк // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2019. – № 4. – С. 226–230.

9. Закатов, А.А. Особенности первоначального этапа расследования хищений денежных средств, совершенных с использованием вредоносных компьютерных программ / А.А. Закатов, В.В. Намняев // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2017. – № 4. – С. 130–134.

10. Таргетированные или целевые кибератаки «Развитая устойчивая угроза» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php>. – Дата доступа: 20.02.2020.

УДК 340.1

Р.В. Герасименко, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

Д.А. Воронаев

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Современный мир постоянно меняется, вместе с ним происходят изменения в способах передачи информации. В центре данных трансформаций находятся средства массовой информации (СМИ), которые воздействуют на сознание населения. Молодежь особенно остро реагирует на информацию, предоставленную не всегда профессионально и достоверно. Сегодня СМИ в значительной степени утратили воспитательную функцию, сменив ее на функции развлечения и удовлетворения потребностей.

Средства массовой информации – это составная часть политической системы общества. Каково общество, такова и система массовой информации. В то же время СМИ осуществляют серьезное воздействие на общество, его состояние и развитие. Они могут содействовать прогрессу или тормозить его.

С появлением современных средств передачи данных – радио, телевидения и глобальной сети Интернет – мир становится все более информационно насыщенным и динамичным. В связи с тем, что современные технологии передачи данных совершенствуются, то и возможности массовой манипуляции получателями информации увеличиваются. Таким образом, массовая коммуникация или, другими словами, СМИ, стала показателем всей информационной среды общества, а СМИ, в свою очередь, актуальным средством и политическим инструментом. Исходя из этого актуализируется вопрос о том, что существует необходимость четкого разграничения информации дестабилизирующего характера с той, которая не окажет негативное влияние на население и их действия, ведь СМИ могут подорвать общественный строй государства.

Средства массовой информации оказывают влияние на правосознание людей, соответственно и на правовую культуру, независимо от того, хотим мы этого или нет. Данный процесс тесно связан с процессом правовой социализации личности, который начинается в достаточно раннем возрасте и продолжается на протяжении всей сознательной жизни человека.

СМИ – основной инструмент, через который люди получают информацию, в том числе ту, которая оказывает непосредственное влияние на правовую культуру: информацию о политической, экономической, социальной жизни страны, о принятых, отмененных, измененных нормативных правовых актах. Так, в соответствии со ст. 34 Конституции Республики Беларусь, гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды [1].

СМИ представляют собой учреждения, созданные для открытой, публичной передачи с помощью специального технического инструментария различных сведений любым лицам, – это относительно самостоятельная система, характеризующаяся множественностью составляющих элементов: содержанием, свойствами, формами, методами и определенными уровнями организации. Отличительные черты СМИ – публичность, неограниченный круг пользователей; наличие специальных технических приборов, аппаратуры; непостоянный объем аудитории, меняющейся в зависимости от проявленного интереса к той или иной передаче, сообщению или статье.

Мощный ресурс внушения, которым обладают СМИ, сегодня нельзя рассматривать только с негативной точки зрения. Насколько может быть

опасен этот ресурс, настолько же он может быть и полезен. Государство, осознавая это, прикладывает немало усилий для того, чтобы сформировать у населения нашей страны высокий уровень правового сознания: проведение благотворительных акций, разъяснение отдельных норм законодательства, проведение мероприятий по повышению статуса семьи в обществе и др. Одним из основных направлений государства в области повышения уровня правовой культуры является правовое воспитание. Сегодня это прежде всего формирование уважительного отношения к Конституции Республики Беларусь, другим нормативным правовым актам, суду и всей системе правоохранительных органов, формам и институтам демократии.

Из вышеизложенного необходимо определить, что правопорядок формируется в процессе социального управления. Главная задача, которая возложена на СМИ, заключается в сохранении и упрочнении существующей социально-политической системы общества, в обеспечении ее нормального функционирования. Считаю целесообразным со стороны государства осуществлять контроль за действиями СМИ для обеспечения качества и достоверности той информации, которая преподносится широкому кругу населения.

Подчеркнем, что СМИ, воздействуя на правосознание человека, призваны выполнять следующие функции:

- распространение правовых знаний;
- демонстрация методов правового регулирования и правоприменительной деятельности;
- распространение правовой культуры;
- порицание и осуждение противоправного поведения;
- развлечение.

Таким образом, через воздействие на каждого человека в отдельности оказывается целенаправленное влияние на общество в целом, а благодаря СМИ это становится возможным за счет формирования у широких слоев населения идентичных эмоций и направленности к действиям, в которых заинтересованы те субъекты, по указанию, поручению, заказу которых распространяется соответствующая информация.

Сущностным вопросом данной проблематики является уровень правовой культуры тех людей, которые публично распространяют информацию. Пересматривая широкий поток массовой информации, которая поступает по статистике в большинстве своем от СМИ, важно осознать, что СМИ, нацеленные негативно влиять на подсознание людей, могут использовать, например, стереотипные представления, которые внедряются в поток новостей, автоматически вызывая в массовом сознании

либо отрицательную, либо положительную реакцию на конкретное явление или событие.

Находясь годами под воздействием СМИ путем просмотра новостей, анализа веб-сайтов, участия в общественных или иных группах в социальных сетях, у человека формируются определенные, в какой-то степени, нерушимые барьеры, которые он не может преодолеть. К таким барьерам стоит отнести усвоение определенного «правильного» мировоззрения, стереотипов поведения в социальных группах, критика которые, можно вызвать грубую реакцию со стороны человека, на которого повлияли СМИ.

Важнейшим признаком личности является субъективное внутреннее отношение к окружающей действительности: установки, мнение, приоритеты, стереотипы. Оказывая влияние и формируя внутреннее отношение личности к окружающей среде, можно управлять человеком, что, с точки зрения права, является неприемлемым.

В соответствии с ч. 2 ст. 6 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставлять гражданам Республики Беларусь возможность ознакомления с информацией, затрагивающей их права и законные интересы, в порядке, установленном настоящим Законом и иными актами законодательства Республики Беларусь [2].

Информационная, образовательная и социальная деятельность позволяют СМИ выполнять функцию критики и контроля. Эту функцию в политической системе осуществляют не только масс-медиа, но и оппозиция, а также специализированные институты прокурорского, судебного и иного контроля. Однако критика СМИ отличается широтой или даже неограниченным кругом действия. Так, если критика со стороны оппозиции обычно концентрируется на политических партиях, поддерживающих их, то объектом внимания масс-медиа являются и президент, правительство, суд, и различные направления государственной политики, и сами СМИ. Их контрольная функция основывается на общественном мнении, в большинстве своем, воздействуя на молодежь, которая не осознает всю полноту происходящих в государстве процессов.

Однако СМИ, в отличие от государственных уполномоченных органов, не могут применять административные или экономические санкции к нарушителям, их контроль часто не менее эффективен и даже более строг, поскольку они дают не только юридическую, но и моральную оценку тем или иным событиям и лицам. Таким образом, СМИ подталкивают людей на совершение тех или иных действий, которые могут носить в том числе и противоправный характер.

В сфере функционирования средств массовой информации формулируется альтернативная концепция медиаобразования, которая делает достаточно неожиданный вывод об усилении влияния аудитории СМИ на сами источники информации и в целом и на журналистику. Как следствие, актуализируется вопрос о медиаобразовании потребителей информации, особенно молодежной ее части, что необходимо для ее самоидентификации и самовыражения. Наблюдается процесс взаимного повышения медиакомпетентности, медиаграмотности потребителей и производителей информационного продукта. Другими словами, изменяется в первую очередь сама аудитория, а вслед за ней эволюционируют и СМИ. Гармонизация отношений между СМИ и аудиторией становится следствием реализации функции медиаобразования. Благодаря этому аудитория, особенно молодежная, формирует навыки профессионального выражения своих интересов, которые оказываются в фокусе внимания СМИ. Медиаобразование, по сути, есть новая парадигма существования СМИ, их особая социальная функция, которая может быть последовательно реализована только совместными усилиями журналистского пула, власти и институтов гражданского общества в целом [3, с. 72].

С развитием глобальных информационных сетей в белорусском образовании наметились новые векторы развития, связанные с глобальными социокультурными процессами. Об этом говорится в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г., где главной целью развития культуры выступает доступ граждан страны к культурным благам и информационным ресурсам государственных, музейных, библиотечных и других фондов культуры, а также интеграция белорусской культуры в систему мировой культуры как равноправного участника глобальных социокультурных процессов.

Медиаобразовательный процесс будет способствовать развитию критического мышления аудитории, формировать навыки распознавания медиавоздействий и медиаманипуляций. В подобном ключе высказываются и Л.Д. Глазырина и С.И. Колбышева. Исследователи резонно полагают, что именно человек должен определять направление, характер и содержание процесса информатизации, выступать «заказчиком» новых информационных технологий и услуг. Для этого сначала необходимо научиться мыслить, не утратив в техногенном мире интеллектуально-эмоционального и духовно-нравственного напряжения [4, с. 218]. Уяснение обозначенных тенденций особенно актуально для педагогического сообщества в связи с необходимостью формирования навыков аудиовизуального восприятия у обучающихся, что позволит активизировать

процесс формирования нового, соответствующего времени, аудиовизуального (экранного) мышления современного человека, необходимого ему для успешной социализации в обществе.

Актуальность и перспективность теоретических и методических разработок медиаобразования в Беларуси очевидна, о чем может свидетельствовать всевозрастающий интерес к вопросам теории, методики и технологии медиаобразования, определению наиболее перспективных современных методических подходов, моделей, программ, разработке и внедрению в практику разнообразных методов и форм школьного и вузовского медиаобразования.

Таким образом, в настоящее время существует несколько разных теоретических подходов, связанных с проблемой негативного влияния медиасреды на формирование у подрастающего поколения девиантного поведения. Множеством теорий, рассматривающих СМИ, в качестве фактора, формирующего девиантное поведение подростков, подчеркивается дискуссионный характер выдвинутой нами проблемы негативного воздействия информационной среды на текущее поведение подростков. Основной идеей всех имеющихся теоретических подходов, связанных с влиянием информационной среды на поведение подрастающего поколения, является то, что личность подростков в большей мере склонна к восприятию влияния (в том числе негативного) информационной среды.

Так как сущность правовой культуры состоит в формировании, накоплении и усвоении правовых ценностей, обеспечивающих прогрессивное развитие человека и человечества в целом, исходя из вышеизложенного СМИ в течение некоторого периода времени могут искажать правовую действительность, а также подверженное влиянию СМИ население перестанет усваивать правовые ценности на должном уровне, что в итоге и приведет к низкому уровню правовой культуры. Следовательно, это может повлечь за собой совершение противоправных деяний. Исходя из этого необходимо ограничить все источники информации, которые могут носить негативную информацию, в которую входят порнография, насилие, иные виды критической информации, клеветническая информация, фальсифицированная информация.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

2. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Богданова, А.А. Система медиаобразования молодежи в Республике Беларусь / А.А. Богданова, Л.И. Петрова // Тр. БГТУ. Серия 4. – 2017. – № 2. – С. 71–78.

4. Глазырина, Л.Д. Основы медиатизации: значение media в социокультурном пространстве / Л.Д. Глазырина, С.И. Колбышева // Проблемы упр. – 2009. – № 3 (32). – С. 215–223.

УДК 343.985.7

К.Н. Главницкий, выпускник магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Р.В. Скачек*

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Элементы криминалистической характеристики убийств прошлых лет тесно связаны с рядом факторов, которые существенно влияют на процесс их раскрытия и расследования, а также на организацию этого процесса.

Вопросы, связанные с определением и анализом данных факторов, неоднократно рассматривались в криминалистической литературе. Одним из первых их выделил и описал В.П. Лавров [1, с. 9–11] применительно ко всему массиву преступлений прошлых лет.

Вместе с тем большинство авторов не уделяли достаточного внимания вопросу классификации указанных выше факторов, их анализу с точки зрения влияния на организацию процесса расследования. Соглашаясь с мнением, что изложены ниже, факторы оказывают как негативное, так и позитивное воздействие на раскрытие и расследование преступлений прошлых лет [2, с. 875–876], полагаем необходимым акцентировать внимание на их негативной стороне, поскольку ее преодоление играет ключевую роль в конечном успехе по уголовному делу.

По нашему мнению, классификация факторов, влияющих на раскрытие и расследование убийств прошлых лет, имеет прикладное и практическое значение, поскольку позволяет, во-первых, их систематизировать, во-вторых, выделить область принятия решений для устранения их негативного влияния.

Таким образом, упомянутые факторы, полагаем, возможно классифицировать на следующие группы:

1. Факторы правового порядка

Факторы правового порядка лежат в плоскости действующей процедуры уголовного процесса, закрепленной нормами Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Способ их преодоления – изменение норм УПК с целью создания правовых условий, способствующих раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет, в том числе убийств.

К числу указанных факторов прежде всего следует отнести особенности правового режима работы следователя по уголовному делу, предварительное следствие по которому приостановлено. В соответствии с ч. 3 ст. 247 УПК производство по уголовному делу, следствие по которому приостановлено, не допускается. Вместе с тем в силу ч. 2 ст. 247 УПК после приостановления предварительного расследования следователь обязан принимать меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а также по установлению местонахождения обвиняемого и его розыску или обнаружению безвестно исчезнувшего лица. Представляется, что такая деятельность следователя должна быть регламентирована соответствующими нормами УПК.

По мнению В.Е. Гущева, приостановление производства по уголовному делу всегда означает, что цели судопроизводства по данному делу не достигнуты, что органы дознания, следователь не выполнили своих процессуальных задач, в связи с чем от них требуются активные меры, направленные на устранение обстоятельств, вызвавших приостановление [3, с. 4].

Фактическая невозможность проводить процессуальные действия по уголовным делам, предварительное расследование по которым приостановлено, часто порождает у следователей мнение, что после принятия ими решения о приостановлении следствия, над раскрытием преступления должны работать исключительно органы дознания, а не сам следователь. Это приводит к тому, что после принятия указанных решений следователи в большинстве случаев практически самоустраиваются от дальнейшей работы по уголовному делу и принятию мер, о которых указано в ч. 2 ст. 247 УПК.

Некоторые авторы с негативной стороны выделяют отсутствие среди целей уголовного процесса цели раскрытия преступлений. По их мнению, произошедшие изменения в формулировке целей и задач уголовного процесса не могли не оказать влияния на деятельность по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет [4, с. 7–9].

По мнению Б.Я. Гаврилова, к негативным факторам рассматриваемого порядка следует также отнести несовершенство ряда положений уголовно-процессуального законодательства и периодически повторяющиеся ошибки законодателя при принятии законов [5, с. 13].

Например, согласно ч. 7 ст. 36 УПК следователь вправе давать поручения органам, уполномоченным законом осуществлять дознание, оперативно-розыскную деятельность, о проведении оперативно-розыскных мероприятий только по расследуемому, т. е. находящемуся у него в производстве, уголовному делу. Соответственно, по уголовному делу, предварительное следствие по которому приостановлено, дача таких поручений в силу приведенной нормы не может являться мерой, принимаемой следователем через орган дознания по установлению преступника или его местонахождения, а иных процессуальных инструментов взаимодействия с органом дознания закон следователю не предоставляет.

Наличие подобных казусов в УПК, отсутствие правовой регламентации работы следователя по уголовному делу, предварительное следствие по которому приостановлено, создают условия для злоупотребления соответствующими субъектами, вовлеченными в уголовный процесс, правом по оценке доказательств и признания в последующем их недопустимыми, несмотря на их относимость и достоверность.

2. Факторы организационного порядка

Данная группа факторов связана с недостаточностью ведомственного регулирования проблемы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет, в том числе убийств. Для устранения их негативного влияния достаточно принятия ведомственных, межведомственных нормативных актов, а также определенных управленческих решений.

К факторам организационного порядка следует отнести:

существующие критерии оценки деятельности следственных подразделений и органов внутренних дел, которые стимулируют не на реальное раскрытие преступлений, а на формирование показателей работы, являющихся предметом отчетности и объектом проверок вышестоящих подразделений Следственного комитета и органов внутренних дел соответственно, а также объектом прокурорских проверок, по результатам которых оценивается эффективность деятельности по борьбе с преступностью. Раскрытие преступлений прошлых лет не учитывается как положительный показатель в работе следственных подразделений, а окончание уголовного дела об убийстве прошлых лет влияет на формирование негативных показателей, поскольку срок расследования по всем таким делам превышает два месяца. Данные обстоятельства существенно снижают мотивацию работы по этим преступлениям;

отсутствие в системе Следственного комитета и органов внутренних дел специализированных подразделений по расследованию и раскрытию преступлений прошлых лет, в том числе убийств. Следует согласиться с Г.М. Савенко, который обращает внимание на то, что работа по приостановленным делам требует привлечения дополнительных сил, отвлекающих следователя от расследования по делам, по которым имеется подозреваемый, и которые определяют показатели работы следственных подразделений [6, с. 72–73];

противоречия и различные подходы в ведомственном законодательстве органов уголовного преследования. Наличие данного фактора приводит к различному пониманию одних и тех же вещей и явлений (например, вопрос о критериях раскрываемости, о котором было изложено выше). В связи с этим важной представляется работа по унификации ведомственного законодательства и объединению усилий на нормотворческом уровне с целью повышения качества деятельности заинтересованных органов в области раскрытия и расследования преступлений прошлых лет;

отсутствие надлежащего учета вещественных доказательств, следов и иных материальных объектов, изъятых в ходе предварительного расследования по уголовным делам об убийствах прошлых лет. Устранение данного фактора напрямую влияет на преодоление негативного влияния временного фактора, заключающегося в неустранимой утере изъятых по уголовному делу материальных объектов.

К рассматриваемой группе факторов можно отнести и различие официальных показателей уровня регистрируемой преступности и реального количества криминальных проявлений, подлежащих учету в качестве преступлений. Выделяя данный фактор, Б.Я. Гаврилов утверждает, что отсутствие адекватных данных о преступности приводит к недофинансированию органов внутренних дел и, соответственно, к их неполному материальному обеспечению [5, с. 10–15]. В этой связи, полагаем, следует отметить, что низкий уровень заработной платы в правоохранительной сфере способствует оттоку квалифицированных кадров и влияет на деятельность органов внутренних дел и следственных подразделений, что, как следствие, приводит к снижению уровня их профессионализма.

3. Факторы процессуального характера

Появление данных факторов связано с осуществлением процесса раскрытия и расследования убийства прошлых лет органом уголовного преследования, а также с рассмотрением дела судом в случаях вынесения им оправдательного приговора.

Следовательно, к факторам процессуального характера следует отнести:

наличие результатов проведенного расследования, оперативно-розыскной деятельности и судебного рассмотрения уголовного дела. Перечисленное затрудняет проведение дальнейшего расследования в силу субъективности и особенности оценки собранных доказательств лицами, ранее принимавшими участие в расследовании или рассмотрении дела в суде;

нарушения, ошибки и недостатки проведенного расследования. Данные явления накладывают отпечаток на всю дальнейшую работу по раскрытию и расследованию убийства прошлых лет, поскольку последствия таких ошибок часто бывают неустраняемы. Например, нарушение процедуры проведения отдельного процессуального действия является основанием для признания полученных в ходе этого действия доказательств недопустимыми.

4. Следственно-ситуационные факторы

Они возникают под воздействием обстоятельств объективного характера, в свое время затруднивших раскрытие преступления и вызвавших приостановление предварительного следствия. Их наличие обусловлено той или иной следственной ситуацией, сложившейся на определенном этапе расследования.

К следственно-ситуационным факторам считаем целесообразным отнести:

противодействие расследованию в самых различных формах и направлениях;

отсутствие очевидцев;

отсутствие предварительной связи между преступником и жертвой;

применение преступником уловок с целью сокрытия преступления, его следов и различных вещественных доказательств;

обнаружение преступления спустя длительное время после его совершения.

5. Психологические факторы

Психологические факторы относятся:

к психологии следователя, не сумевшего раскрыть преступление и принявшего решение о приостановлении предварительного следствия;

психологии следователя, которому поручено дальнейшее расследование убийства прошлых лет;

психологии преступника, сумевшего на время избежать разоблачения;

психологическим особенностям участников уголовного процесса, в частности, близких родственников умершего, свидетелей с их специфич-

кой восприятия, сохранения и воспроизведения доказательственной информации.

Негативное психологическое отношение следователя к уголовному делу об убийстве прошлых лет обуславливается прежде всего отсутствием детального правового регулирования его деятельности по такому делу и вызванным этим представлением о средствах и методах этой работы.

6. Временные факторы

Большой промежуток времени, прошедший с момента совершения преступления, увеличивает вероятность уничтожения материальных следов преступления и их объектов-носителей. К таким следам и объектам следует отнести как ранее необнаруженные и неизъятые следы и объекты, так и следы (объекты), приобщенные к материалам уголовного дела в ходе предыдущего расследования.

Очевидно, что с течением времени происходят существенные изменения в обстановке места происшествия. Это затрудняет, а порой делает невозможным проведение дополнительного или повторного его осмотра, проведение проверки показаний на месте, следственного эксперимента и других процессуальных действий. В полной мере это касается не только места совершения преступления, но и иных локаций, представляющих интерес для следствия (например, место жительства лица, подозреваемого в совершении преступления).

Например, *в ходе расследования автором в 2017 г. уголовного дела по факту совершенного в 2006 г. убийства с особой жестокостью Б. установлено, что дом, где было совершено преступление, в 2011 г. признан ветхим жильем и снесен местным сельсоветом* [7]. Данное обстоятельство лишило следствие возможности поиска необнаруженных следов преступления, а также проведения проверки показаний на месте с обвиняемым.

Следственной практике известны случаи, когда со временем не только исчезают непосредственные места совершения убийств, но и целые населенные пункты, где они совершались. Так, *самое «старое» из нераскрытых на сегодня в Республике Беларусь убийств прошлых лет совершено в 1951 г. в ныне не существующей деревне Роскачи Бобруйского района* [8].

Актуальной остается проблема поиска и установления местонахождения вещественных доказательств по переданным из органов прокуратуры для дальнейшего расследования в Следственный комитет уголовным делам об убийствах прошлых лет [9, с. 331]. К сожалению, требования ст. 97 УПК не всегда соблюдаются на практике. Следует констатировать, что частая передача уголовных дел от одного следователя к другому, из одного подразделения в иное и из ведомства в ве-

домство порой приводит к утрате следов, вещественных доказательств и иных материальных объектов, изъятых в ходе предварительного расследования. Проведенные исследования показали, что по 49 % уголовных дел об убийствах прошлых лет, находящихся в остатке следственных подразделений республики, перечисленные выше объекты полностью или частично утеряны.

Очевидно негативное влияние фактора времени и на идеальные следы. Чем больше времени прошло с момента совершения преступления, тем больше вероятность потери информации при ее передаче на допросе, ошибок или неточностей в показаниях, тем меньше их полнота. Получение новой информации по уголовному делу об убийстве прошлых лет нередко затрудняется выездом за пределы страны потерпевших, свидетелей, экспертов и иных осведомленных о важных обстоятельствах дела лиц.

Вместе с тем, полагаем, следует отметить и положительное влияние указанного фактора. Лицо, избежавшее разоблачения, часто не считает необходимым или не может длительное время проявлять осторожность, теряет самоконтроль. Информацией о совершенном преступлении, соучастниках преступник может делиться с лицами, входящими в круг его общения. Изменения во взаимоотношениях между людьми нередко устраняют мотивы сокрытия истины или лжи, которые действовали на момент первоначального расследования, приводят к явке с повинной.

Продолжая свою преступную деятельность, преступник оставляет новые следы, изучение которых в сравнении с имеющимися в делах о нераскрытых убийствах, способствуют раскрытию убийств прошлых лет.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. На организацию расследования уголовных дел об убийствах прошлых лет с негативной стороны влияют следующие факторы: правового и организационного порядка; процессуального характера; следственно-ситуационные; психологические; временные.

2. Для устранения негативного влияния на процесс расследования перечисленных факторов требуется принятие законодательных, организационных решений, а также решений методического характера, среди которых:

изменение существующих критериев оценки деятельности следственных подразделений и органов внутренних дел, направленное на стимулирование раскрытия и расследование убийств прошлых лет;

введение специализации следователей и сотрудников органов внутренних дел по расследованию и раскрытию убийств прошлых лет с освобождением их от выполнения функций по раскрытию и расследованию иных преступлений;

создание объединенного оперативного учета уголовных дел об убийствах прошлых лет, изъятых по ним материальных объектов и оперативной информации;

создание унифицированной межведомственной и ведомственной нормативной базы, регуливающей вопросы раскрытия и расследования убийств прошлых лет.

Список использованных источников

1. Лавров, В.П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет / В.П. Лавров. – М. : Тип. Высш. шк. МВД СССР, 1972. – 87 с.
2. Криминалистика : учебник / под ред. А.Ф. Вольнского, В.П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015. – 943 с.
3. Гуцев, В.Е. Процессуальные вопросы приостановления производства по уголовному делу на предварительном следствии и в суде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Е. Гуцев ; Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М., 1971. – 21 с.
4. Кулеева, И.Ю. Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет / И.Ю. Кулеева, Я.М. Мазунин. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 189 с.
5. Гаврилов, Б.Я. Раскрываемость преступлений – вопросы теории и практики / Б.Я. Гаврилов // Проблемы раскрытия нераскрытых преступлений прошлых лет : материалы межвуз. науч. семинара, Москва, 13 нояб. 2008 г. / Акад. упр. МВД России. – М., 2008. – С. 10–15.
6. Савенко, Г.М. Основные направления управленческой деятельности по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет / Г.М. Савенко // Проблемы раскрытия нераскрытых преступлений прошлых лет : материалы межвуз. науч. семинара, Москва, 13 нояб. 2008 г. / Акад. упр. МВД России. – М., 2008. – С. 71–75.
7. Архив Минского областного суда за 2018 г. – Уголовное дело № 28/2018.
8. Уголовное дело № 51060000368. – Упр. Следств. ком. Респ. Беларусь по Могилев. обл.
9. Антонян, Ю.М. Личность преступника / Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – М. : Норма-Инфра-М, 2010. – 368 с.

УДК 343.985

В.Л. Гнилякевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *А.М. Шинкевич*

ПРОВОКАЦИЯ ВЗЯТКИ И ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Одним из эффективных способов выявления и пресечения взяточничества являются надлежащим образом оформленные результаты оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), так как данный вид кор-

рупционной преступности отличается недостаточностью доказательственного материала. Одним из наиболее распространенных ОРМ по делам о взяточничестве является «оперативный эксперимент», результаты которого в большинстве уголовных дел данной категории, относящихся к труднораскрываемым, составляют основу их доказательственной базы [1, с. 27].

В отношении взяточников оперативный эксперимент проводится одновременно с совершением проверяемым лицом противоправных действий. По существу, происходит взятие преступления под контроль оперативных служб, вмешательство в процесс его совершения [2, с. 84]. Полученные в результате осуществления оперативных экспериментов доказательства, как правило, ложатся в основу обвинительных приговоров по уголовным делам в отношении взяточников. Однако данный вид ОРМ отличается неразработанностью теоретических проблем сущности и организационно-правовых особенностей его проведения при предупреждении, выявлении, пресечении и раскрытии фактов взяточничества.

Одна из проблем, с которой сталкиваются правоохранительные и надзорные органы при проведении оперативного эксперимента в отношении взяткополучателя, – разграничение правомерного поведения оперативных сотрудников и провокации с их стороны к совершению преступления. Мы солидарны с позицией В.Н. Курченко, который отмечает: «Главный вопрос здесь – от кого исходит инициатива. Например, если разрабатываемое лицо само требует, тем более само вымогает взятку без какого-либо провоцируемого вмешательства, совершает действия, направленные на ее получение, то последующая деятельность оперативных сотрудников правомерна. Совсем другое дело, когда в ходе оперативного эксперимента лицу, подозреваемому в преступной деятельности, различными способами предлагают либо даже навязывают взятку, создают условия, способствующие ее вручению, даже если лицо само никаких действий, направленных на получение взятки, не совершает» [3, с. 12].

В ходе осуществления оперативного эксперимента запрещаются активные действия, а именно:

искусственное создание ситуаций, исключающих возможность выбора со стороны проверяемого лица, совершить преступление или отказаться от противоправного действия;

создание условий, провоцирующих, подстрекающих, подталкивающих лицо к совершению противоправных действий, ставящих его в обстоятельства, затрудняющие удовлетворение своих запросов (потреб-

ностей) законными способами (формирование у лица отсутствовавшего ранее умысла на совершение преступления);

совершение действий, унижающих достоинство и честь, создающих опасность для здоровья и угрозы жизни участвующих в нем лиц и окружающих;

формирование возможности получения результатов (материалов) оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в целях дальнейшего искусственного создания доказательств совершения преступления.

Несоблюдение этих запретительных обстоятельств приводит к провокации преступления.

Для проведения оперативного эксперимента должна моделироваться та ситуация (обстановка), которая соответствует выявленным и установленным предположениям, что объект оперативного интереса сориентирован на реализацию сформированного у него установочного умысла на совершение коррупционной сделки в рамках исполнения своих служебных полномочий.

При проведении данного вида ОРМ правоохранительные органы в имеющиеся естественные условия вносят нужные им изменения, целью которых является изучение проверяемого лица, находящегося в этих условиях. Эти вновь возникшие условия, по сути, являются искусственными. Они не могут сложиться естественно, так как их возникновение в конкретное время и в конкретном месте связано с волей оперативного сотрудника, который проводит оперативный эксперимент (эти условия могли бы возникнуть совершенно в другом месте и в другое время без вмешательства правоохранительных органов). В соответствии со своими действительными намерениями и планами лицо, в отношении которого проводится ОРМ, реагирует на эти искусственно созданные условия, принимая их за подлинные.

В.М. Хомич считает, что в ходе оперативного эксперимента должна инсценироваться (а не искусственно создаваться) та обстановка, которая исходит из полученной оперативной информации о том, что лицо допускает, проявляет или склонно к решению тех или иных вопросов по службе на основе удовлетворения коррупционного интереса, но подтвердить это посредством публичных процессуальных действий невозможно. При этом ничего искусственного создавать не следует, желательно в ходе проведения оперативного эксперимента только максимально воспроизводить ту обстановку, которая соответствует той ситуации служебной деятельности, где зафиксирована (установлена) предполагаемая криминальная активность объекта оперативного эксперимента [4, с. 300].

При осуществлении оперативного эксперимента применяется метод ОРД – «от преступника к преступлению», который заключается в наличии достоверной информации о том, что должностное лицо занимается преступной деятельностью (требует или вымогает взятки, систематически их получает), но конкретный факт преступления предстоит установить «экспериментальным» путем. Преследуется конкретная цель: проверка и объективная оценка данных о том, что именно это лицо причастно к совершению преступления, а также получение новых сведений об этих обстоятельствах. Оперативный эксперимент проводится в отношении конкретных лиц, обоснованно подозреваемых в преступной деятельности, одновременно с совершением проверяемым лицом преступления дачи-получения предмета взятки [5, л. 112].

Стоит отметить, что в Уголовном кодексе Российской Федерации в ст. 304 предусмотрена уголовная ответственность за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. В Уголовном кодексе Республики Беларусь специальные нормы за провокацию отсутствуют, однако в ст. 16 закреплен институт соучастия в преступлении, включающий подстрекательство, – склонение лица к совершению преступления. Следовательно, если в ходе проведения оперативного эксперимента лицо, задействованное в роли взяткодателя, склонило разрабатываемого к получению взятки, его действия будут квалифицированы как подстрекательство к получению взятки, и оно будет привлечено к ответственности по той же статье, что и исполнитель (разрабатываемый).

Если должностное лицо, которое после предложения участника оперативного эксперимента получить (дать) материальные ценности либо приобрести выгоды имущественного характера вначале не соглашалось принять (дать) предмет взятки, но, в конечном счете, взяткодателю (взяткополучателю) удалось склонить его к принятию (даче) взятки, то в таком случае будет иметь место провокация взятки, которая должна квалифицироваться как подстрекательство к получению (даче) взятки.

Если должностное лицо получило взятку в результате провокации или проведения оперативного эксперимента, то оно осуществило это добровольно, т. е. в его действиях присутствовала вина, а значит, можно ставить вопрос о наличии признаков состава преступления. Целью провокации взятки является склонение должностного лица на основе собственного волеизъявления субъективно и объективно принять взятку за соответствующую услугу по службе и впоследствии изобличит его с поличным. В этих случаях ситуация получения взятки не инсценирует-

ся, взятку действительно получает (с его согласия) должностное лицо, но вследствие подстрекательства, в связи с чем возникают спорные вопросы разграничения провокации взятки и оперативного эксперимента.

Исходя из предложенного выше определения провокации взятки она предполагает такие активные действия, которые совершаются в целях заставить или возбудить волю и желание совершить преступление. Действия по созданию условий, в которых может проявиться преступный умысел, есть уже существующие желание и воля совершить преступление, не носят провокационного характера и не являются противозаконными, поэтому основным критерием отграничения правомерного оперативного эксперимента от провокации взятки является инициативность действий сотрудничающего взяткодателя или должностного лица. Предложение взятки за благоприятное решение вопроса со стороны сотрудничающего взяткодателя, безусловно, является провокацией взятки. Если инициатива о предложении дать взятку исходит со стороны взяткополучателя, то участник оперативного эксперимента действует в рамках закона, обратившись к нему за решением вопроса, входящего в его компетенцию, поскольку само предложение дать взятку со стороны взяткополучателя представляет собой приготовление к преступлению, т. е. умышленное создание условий для совершения преступления (ст. 13 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Проведение оперативного эксперимента в подобной ситуации не является провокацией, так как действия сотрудничающего лица не иницируют преступное поведение, а вмешиваются в уже начавшуюся реализацию преступного умысла. Оперативный эксперимент правомерен, когда субъект сам, без какой-либо инициативы со стороны лиц, пытающихся его уличить, начинает предварительную преступную деятельность, в которой его обоснованно подозревают и которую путем проведения оперативного эксперимента стремятся пресечь и таким образом выявить преступника и раскрыть уже совершившееся преступление. Иначе говоря, проведение оперативного эксперимента должно быть продиктовано стремлением поставить под контроль правоохранительных органов уже начавшиеся процессы, связанные с посягательством на объект уголовно-правовой охраны, и в конечном итоге выявить преступника.

Коррупционер не всегда доводит информацию о том, что ему необходимо от лица получить взятку, но своими действиями и поведением дает понять взяткодателю, что без дачи взятки здесь не обойтись. Если об этом заранее известно органам, осуществляющим ОРД, и имеются материалы ОРД, в которых зафиксировано пассивное поведение взяткополучателя, то в таком случае, по нашему мнению, инициативные дей-

ствия со стороны оперативного сотрудника по предложению взятки не должны считаться провокацией, так как инициативное поведение будет являться частью созданной на основе ранее полученных сведений о преступной деятельности гражданина обстановки, максимально приближенной к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина. Под пассивным поведением в данном случае понимаются действия разрабатываемого лица, заключающиеся в ожидании предложения взятки, а после поступления предложения – в согласии ее получить.

Считаем, что при проведении оперативного эксперимента оперативный сотрудник может осуществлять инициативные действия по созданию благоприятной обстановки, способствующей совершению преступления разрабатываемым, при условии наличия предварительно проверенных сведений о пассивном поведении разрабатываемого лица при совершении им ранее аналогичных преступлений с целью маскировки способа совершения преступления и невозможности изобличения его в преступной деятельности. При провокации предварительно проверенные сведения о пассивном поведении разрабатываемого лица отсутствуют и оперативный сотрудник, осуществляя инициативные действия, нацелен на искусственное создание доказательств.

Проанализировав определения понятий «провокация» и «оперативный эксперимент», можно выделить следующие их отличия:

Провокация:

это активная деятельность провоцирующего лица, которая носит целенаправленный характер. Лицо осознает, что в результате умышленно спровоцированных им действий могут наступить негативные для спровоцированного лица последствия и желает их наступления;

провоцируемое лицо не имеет изначального намерения осуществлять деяния, на провокацию которых направлены усилия провокатора;

деятельность провоцирующего направлена на побуждение провоцируемого лица к совершению определенно-конкретных действий, т. е. подстрекает его к этому (подталкивает, убеждает);

действия спровоцированного лица являются искусственно вызванными путем внешнего создания мотивации их осуществления;

провоцируемое лицо не знает о всей совокупности действий провоцирующего и его целях.

Оперативный эксперимент:

целью его проведения является изучение явления действительности (действий объекта, его личности), получение о нем новых знаний (сведений), в том числе и «изобличающего» характера. Конечная цель – установление истины;

необходимо обеспечение (в том числе и искусственное) естественности «поведения» наблюдаемого явления (объекта изучения) без какого-либо вмешательства в его деятельность, а, наоборот, следование его требованиям;

предполагается активность со стороны изучаемого объекта (активность может и отсутствовать, тогда эксперимент дает «отрицательный» результат);

изучаемое явление (деятельность объекта) точно учитывается и контролируется (этим эксперимент отличается от наблюдения, когда контроль отсутствует);

изучаемый объект не знает о факте наблюдения и контроля за его поведением.

Оперативный эксперимент является правомерным, реально осуществимым и эффективным ОРМ по выявлению и раскрытию дачи-получения взяток. Информация, полученная в результате проведения данного ОРМ, активно используется на стадии предварительного расследования и направлена на изобличение взяточников. Вместе с тем для обеспечения возможности использования результатов оперативного эксперимента при расследовании уголовных дел о взяточничестве необходимо соблюдение законности при его осуществлении. К одному из таких требований законности относится недопущение совершения провокационных и инсценированных действий со стороны лиц, участвующих в оперативном эксперименте.

Список использованных источников

1. Расследование и предупреждение взяточничества /А.Н. Ларьков (отв. ред.). – М. : 1983. – 167 с.
2. Корневский, Ю.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам : метод. пособие / Ю.В. Корневский, А.П. Токарева. – М. : ООО «Изд-во «Юрлитинформ», 2000. – 144 с.
3. Курченко, В.Н. Отграничение провокации от действий при пресечении преступлений / В.Н. Курченко // Законность. – 2004. – № 1. – С. 10–12.
4. Хомич, В.М. Оперативный эксперимент без провокации взятки / В.М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2009. – № 2. – С. 297–317.
5. Машков, С.А. Раскрытие и расследование фактов взяточничества с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. – М., 2003. – 221 л.

В.В. Годлевский, выпускник магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук

М.В. Губич

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КРИМИНАЛЬНОЙ МИЛИЦИИ

Эффективность управления общественной и государственной системой зависит от обеспеченности процесса управления информационными связями, состояния информационно-аналитических процессов. Информационно-аналитическая работа в подразделениях криминальной милиции ОВД в условиях противодействия организованной преступности, информатизации общественной жизни приобретает особое значение. Применение современных информационных технологий позволяет интегрировать и обрабатывать большие массивы данных о конкретных криминогенных объектах, получая при этом новые знания о способах их взаимодействия и взаимосвязи.

Применение компьютерных технологий в борьбе с преступностью позволяет внести новое наполнение как в традиционные направления деятельности подразделений криминальной милиции, так и непосредственно в ее информационное обеспечение. В частности, применение современных компьютерных технологий в аналитической работе позволяет не только накапливать и анализировать оперативную, статистическую информацию, но и непосредственно добывать ее с помощью информационных технологий, а также моделировать и прогнозировать развитие ситуации [1, с. 95].

ОВД и их подразделения нуждаются в своей деятельности в эффективных информационных потоках. Эта потребность обусловлена их принадлежностью к определенному звену системы органов государственного управления, а также уровню, занимаемому конкретным подразделением или службой, в системе МВД.

Информационные потребности подразделений криминальной милиции характеризуются следующими чертами. Во-первых, при определении информационных потребностей необходимо понимать, что информационные потребности подразделений криминальной милиции не могут быть постоянными и раз и навсегда четко определенными. Они часто предопределены изменяющимися внешними условиями, в которых подразделения функционируют, а также изменением первоочередности тех или иных задач, поставленных перед ОВД.

Во-вторых, в значительной степени на характер информационного обмена влияет и квалификация сотрудников. Именно этот фактор дает возможность сотрудникам получать необходимую информацию, т. е. с повышением квалификации сотрудника в подразделениях криминальной милиции возрастают и его потребности в актуальной и многосторонней информации, необходимой ему для профессиональной деятельности [2].

Информационно-аналитическая работа подразделений криминальной милиции достаточно многогранна и разнообразна. В ней существует несколько относительно самостоятельных направлений, изучение которых необходимо для успешного внедрения компьютерных технологий. Анализ видов информации и направлений имеет свою специфику, обусловленную целью и содержанием анализа, и особенностями информации. К этим направлениям относятся:

изучение состояния и динамики правонарушений за достаточно длительный период. В этом случае появляется возможность для оценки тенденций правонарушений за год, а также более длительные периоды. Цель рассматриваемого вида анализа состоит в получении прогностических выводов на длительный период. При этом можно сделать выводы о возможных изменениях этих тенденций и выработать на этой основе меры по противодействию, укреплению правопорядка и совершенствованию деятельности подразделений криминальной милиции. Необходимость указанного вида анализа определяется тем, что ОВД, как и любая другая социальная система, должны иметь свою стратегию, разработка которой невозможна без предварительного анализа закономерностей и тенденции развития преступлений и иных нарушений закона, факторов внешней среды, состояния оперативной обстановки, а также состояния и деятельности системы ОВД;

комплексный текущий анализ оперативной обстановки. Он может осуществляться за квартал, полугодие. Возможен также анализ нарастающим итогом. Цель рассматриваемого вида анализа состоит в выявлении изменений в состоянии правопорядка и установление факторов внешней среды, а также состояния и деятельности ОВД. В ходе текущего анализа оперативной обстановки в подразделениях криминальной милиции осуществляется изучение и исследование географических, политических, социально-экономических и демографических характеристик территории; времени, места и характерных обстоятельств преступлений; их латентность, причины правонарушений, условия, способствующие их совершению и меры по их устранению; характеристики лиц, совершающих преступления, и пр., а также состояние и результаты деятельности самого подразделения криминальной милиции.

Этот анализ в подразделениях криминальной милиции содержит оценку состояния правопорядка и характеристику изменений, прошедших в нем за неделю или месяц, он необходим для текущего управления подразделениями, решения проблем борьбы с преступностью на краткосрочный период; оценки результатов деятельности подразделения за неделю, месяц. В данном случае также возможны прогнозные оценки по изменению оперативной обстановки и возникновению чрезвычайных ситуаций [3, с. 82].

Результаты комплексного текущего анализа оперативной обстановки составляют основу для текущего планирования работы подразделений криминальной милиции, расстановки сил и средств, разработки комплексных мер и принятия важных управленческих решений;

текущий (непрерывный) анализ оперативной обстановки осуществляется за сутки или несколько дней. Целью данного вида анализа является обеспечение непрерывного оперативного руководства подразделением, что дает возможность вносить необходимые коррективы в планы повседневной работы, изменять расстановку сил и средств, проводить определенные меры по противодействию преступности [4, с. 12]. Таким образом, текущий анализ предназначен для изучения стихийных проявлений преступности и иных правонарушений, выработки и принятия неотложных мер по недопущению негативного развития обстановки. В случае непрерывного анализа имеет ограниченность объемов исходной информации, а также недостаточная глубина исследования.

Такой анализ обычно подготавливается к совещаниям руководителей подразделений ОВД. Текущий анализ проводится в виде оперативных сводок о преступлениях и происшествиях. В частности, в оперативных сводках проводится анализ преступности и раскрываемости, профилактики преступлений.

При этом важной особенностью оперативных сводок в ОВД является то, что никаких мер по преодолению сложившихся негативных тенденций не предлагается. Не осуществляется также прогноз оперативной обстановки;

частный анализ отдельных проблем состояния правопорядка и деятельности подразделений криминальной милиции осуществляется в подразделениях в случае недостаточности комплексного анализа для изучения динамики развития определенного вида правонарушений. Проблемы могут быть самые разные: высокий уровень преступности в экономической сфере, в области преступности наркозависимых лиц, недостатки профилактической работы среди подростков и несовершеннолетних и т. д. Результаты такого анализа могут быть использованы

в оперативных решениях, при проведении разного рода комплексных, типовых и разовых операций, оперативно-розыскных мероприятий [5, с. 63].

Изучение представленной классификации аналитической работы подразделений криминальной милиции позволяет определить основные направления внедрения информационных технологий для совершенствования аналитической работы в подразделениях криминальной милиции ОВД.

Во-первых, существует необходимость создания системных информационных баз и регламентации информационных потоков, упорядочение информационных правоотношений в подразделениях.

Вопросы информационного и аналитического обеспечения должны найти свое отражение в нормативных правовых актах и быть детально и наиболее конкретно определены в непосредственных функциональных обязанностях сотрудников.

Отметим, что порядок движения информационных потоков в подразделениях криминальной милиции определен не в полной мере. В частности, в подразделениях отсутствуют в положениях и должностных инструкциях работников «представляет информацию... в срок»; «получает информацию... в срок». Тем самым информационные потоки в подразделениях криминальной милиции не урегулированы в полной мере.

Во-вторых, важным направлением совершенствования информационного обеспечения в подразделениях криминальной милиции является максимально возможная стандартизация и унификация используемых документов, перевод их в электронный вид. Такая стандартизация и унификация дают возможность сократить разнообразие документов, ускорить процесс их подготовки, повысить степень восприятия для сотрудников.

Так, унификация различных документов по административным делам – актов, протоколов, постановлений и пр. – позволяет перевести все административно-процессуальное делопроизводство в электронный вид. Однако на практике многие документы по административным делам распечатываются на бумажном носителе и направляются в суд. После решения суда по специальной форме сведения об административном правонарушении вносятся в электронную базу. В результате этого нерационально используется время сотрудников органов внутренних дел. В целях совершенствования этого информационного процесса можно предложить занесение протоколов и иных по административным делам в электронную базу и принятие судом решений по ним в электронном виде. Такой порядок прохождения документов позволит сократить за-

траты времени на делопроизводство и осуществлять его практически полностью на безбумажной основе.

Аналитическая работа в подразделениях криминальной милиции может и должна быть организована в любом подразделении, так как уровень подготовки кадров в последние годы существенно вырос. При этом внедрение автоматизированных информационно-аналитических систем создаст реальные условия для совершенствования ОРД. Применение современных информационных технологий в борьбе с преступностью позволяет внести новое наполнение, как в традиционные направления ОРД, так и непосредственно в ее информационное обеспечение. В частности, применение современных компьютерных технологий в аналитической работе позволяет не только накапливать и анализировать оперативную, статистическую информацию, но и непосредственно добывать ее с помощью компьютерной техники, а также моделировать и прогнозировать развитие ситуации.

В последние годы благодаря развитию информационных технологий сотрудники подразделений криминальной милиции могут получать сведения посредством технологии инициативного поиска с использованием открытых источников (OSINT), в том числе в сети Интернет.

Сотрудники подразделений криминальной милиции постоянно используют в своей работе Единую государственную систему регистрации и учета правонарушений (ЕГСРУП). Эта система позволяет осуществлять регистрацию и учет правонарушений посредством их в хранения в едином государственном банке данных о правонарушениях. Однако эта система не позволяет проводить анализ и обобщение показателей о правонарушениях. В результате при значительных массивах имеющихся сведений в подразделениях криминальной милиции существует определенная разобщенность информационных потоков. Так, ресурсы ведомственных сервисов обеспечения деятельности до настоящего времени не централизованы. Как следствие – отсутствует возможность комплексного анализа накопленной информации в рамках единого аналитического механизма. В связи с вышеизложенным представляется необходимым создание на основе ведомственных сервисов обеспечения деятельности правоохранительных органов единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности.

Полагаем, целесообразно представляется принять меры по разработке и внедрению специального программного обеспечения по сбору, обработке и анализу данных. Считаем, следует рассмотреть опыт Следственного комитета Республики Беларусь по созданию единой автоматизированной информационной системы Следственного комитета

Республики Беларусь (ЕАИС СК). Ее предназначение – автоматизация работы подразделений Следственного комитета с использованием современных программных средств.

Необходимо отметить, что ЕАИС СК решает ряд конкретных задач на уровне современных технологий и стандартов, представляет собой основу для развития межведомственного информационного взаимодействия. ЕАИС СК предназначена для накопления, последующей обработки и хранения информации по вопросам деятельности Следственного комитета.

Основные возможности ЕАИС СК заключаются в автоматизации деятельности сотрудников Следственного комитета при проведении следственной работы; обеспечении высокой полнотой, точностью информационного обеспечения деятельности сотрудников Следственного комитета на основе сформированных информационных следственных материалов; повышении результативности труда сотрудников и соответствующем повышении результативности действий; проведении работ с использованием надежных технических средств и современных средств программного обеспечения; предоставлении возможности всем сотрудникам Следственного комитета в автоматизированном режиме использовать информацию, полученную в результате следственных действий, для решения служебных задач; повышении производительности труда сотрудников Следственного комитета [6].

Необходимо отметить, что для подразделений ОВД важным составляющим элементом в данном случае могла бы стать возможность автоматизированного представления аналитических данных по различным видам преступлений.

Одним из возможных и востребованных направлений совершенствования информационно-аналитической работы подразделений криминальной милиции является создание принципиально новых и синхронизация уже имеющихся автоматизированных информационных систем оперативно-розыскного назначения с возможностью сквозного поиска, т. е. создание единой поисковой информационной системы МВД. Так, например, в Украине создана и функционирует информационно-поисковая система ОВД Украины с целью объединения существующих в ОВД информационных подсистем в единый информационно-аналитический комплекс с использованием современных информационных технологий, компьютерного и телекоммуникационного оборудования и поддержки оперативно-служебной деятельности органов и подразделений внутренних дел, существенного укрепления их способности противодействию и профилактики преступности [7, с. 248].

В связи с постоянно возрастающими требованиями к качеству анализа поступающих в подразделениях криминальной милиции массивов информации возможно создание технических средств обработки информации, которые для выполнения поставленной задачи использовали накопленные знания и опыт специалистов той или иной сферы деятельности [7]. Основная идея при этом заключается в переходе от строго формализованных алгоритмов, предписывающих, как решать задачу, к логическому программированию с указанием, что нужно решать на базе знаний, накопленных специалистами предметных областей. Эту роль выполняют экспертные системы – сложные программные комплексы, аккумулирующие знания специалистов в конкретных предметных областях и тиражирующие этот эмпирический опыт для консультаций менее квалифицированных пользователей. Основу экспертных систем составляет база знаний, в которую закладывается информация о данной предметной области.

Применение экспертных систем в ОВД позволило бы распознавать криминальные ситуации, предлагать версии, искать возможные направления расследования преступлений, выявлять лиц, которые могли бы быть причастны к совершению преступления, давать практические рекомендации, прогнозировать совершение новых преступлений.

В деятельности подразделений криминальной милиции целесообразно разработать и внедрить следующие экспертные системы:

прогнозирования преступлений, предназначенная для определения зависимости между личностными качествами преступников и выбором места совершения преступления;

выявления скрытых преступлений (например, выявления признаков краж на производстве);

поиска и установления личности преступника, предназначенная для выдвижения типовых версий о личности преступника, базирующаяся на информации, полученной с места происшествия.

Применение экспертных систем при выполнении повседневных задач в подразделениях криминальной милиции значительно облегчит работу сотрудникам. Благодаря данным системам, за единицу времени будет анализироваться информации в десятки раз больше, чем в результате мысленной деятельности сотрудников, что сэкономит время для выполнения других важных задач при обеспечении общественной безопасности. Развитие подобных систем должно касаться не только технических аспектов их функционирования. Работа систем управления силами и средствами должна быть напрямую связана с постоянной готовностью личного состава, и прежде всего руководящего состава ОВД,

к поддержанию элементов данных систем в актуальном состоянии. Эта важная задача должна обеспечиваться путем совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков сотрудников милиции с целью формирования профессионально значимых качеств по использованию таких систем управления силами и средствами.

Таким образом, использование компьютерных технологий в информационно-аналитической работе подразделений криминальной милиции предлагаем осуществлять по следующим основным направлениям:

создание информационных баз и регламентация информационных потоков, упорядочение информационных правоотношений в подразделениях криминальной милиции;

максимально возможная стандартизация и унификация используемых документов, перевод их в электронный вид;

широкое внедрение и обучение сотрудников подразделений криминальной милиции технологии инициативного поиска с использованием открытых источников;

разработка и внедрение специального программного обеспечения по сбору, обработке и анализу данных, в том числе создание принципиально новых и синхронизация уже имеющихся автоматизированных информационных систем оперативно-розыскного назначения с возможностью сквозного поиска, т. е. создание единой поисковой информационной системы МВД, а также разработка и внедрение экспертных систем.

Список использованных источников

1. Балмасова, Н.М. Системный подход и оценка информационно-аналитического управления органами внутренних дел / Н.М. Балмасова // Право и образование. – 2009. – № 3. – С. 89–134.
2. Белов, О.А. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.А. Белов. – М., 2007. – 233 л.
3. Войтихович, С.А. Сущность информационно-аналитического обеспечения выявления экономических преступлений / С.А. Войтихович // Вопр. криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы. – 2016. – № 2 (40). – С. 80–87.
4. Голубовский, В.Ю. Теория и практика информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности подразделений криминальной милиции : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.Ю. Голубовский ; С.-Петерб. ун-т МВД России. – СПб., 2001. – 50 с.
5. Гуславский, В.С., Задорожный, Ю.А. Информационно-аналитическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений / В.С. Гуславский, Ю.А. Задорожный. – Луганск : Элтон-2, 2008. – 133 с.
6. Следственный комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/informatizatsija-sledstvija-raboty->

po-sozdaniju-avtomatizirovannoj-sistemy-v-aktivnoj-faze-5705/. – Дата доступа: 24.06.2020.

7. Мовчан, А.В. Некоторые аспекты совершенствования информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности / А.В. Мовчан // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 2 (22). – С. 247–251.

8. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 235 // АПС «БизнесИнфо». Беларусь / ООО «Проф. правовые системы». – Минск, 2020.

УДК 343.982.35

М.В. Горновский, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – *Р.В. Костевич*

ОТПИРАНИЕ ЗАМКОВ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АУДИОПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ

Замок – изделие, служащее для запираения объектов бытового и специального назначения, имеющее сложную комбинацию запирающих устройств, обеспечивающих блокировку [1]. К данному определению также можно добавить еще одно свойство – замок является устройством многократного действия. Как изложено выше, замок является изделием, служащим для запираения. Помимо замка существуют различные другие запирающие устройства – задвижки, крючки, защелки и т. д. Стоит отграничивать замок и другие запирающие устройства, так как они являются самостоятельными устройствами для запираения. Помимо замков и других запирающих устройств можно выделить дополнительные устройства для запираения – петли для навесных замков. Особенностью дополнительных устройств для запираения является то, что они, как правило, не используются отдельно от замка.

С течением времени, благодаря постоянному развитию в различных отраслях науки, а также в IT-сфере, развиваются замки и их структурные элементы для более удобного использования и установки, создания современных барьеров для борьбы с криминальным проникновением в жилище и другие сооружения и здания. Одно из самых значимых современных достижений в сфере производства замков – производство первого смарт-замка, иными словами, умного замка. В настоящее время предлагают достаточно большой выбор данных замков. Их производят как молодые компании, обычно пришедшие из информационно-

технологической сферы и производящие различные гаджеты и программное обеспечение (примером такой компании является корпорация Xiaomi), так и компании, которые производят замки различных видов для использования их во всем мире, например, компания Schlage. Schlage – предприятие по производству замков, которое было основано в 1920 г., с начала своего существования оно внесло большой вклад в производство замков, произвело многие замки с различными дополнительными функциями, которые стали примером для других компаний. В настоящее время это предприятие начало производство смарт-замков.

Смарт-замки можно подразделить на две большие группы: замки, которые служат умной накладкой на обыкновенный цилиндрический замок, как правило на цилиндрические замки штифтового типа, и цельные замки, которые включают в себя умную «начинку» и механизм, позволяющий запирать дверь. Для обеспечения конкуренции на рынке каждая компания по производству смарт-замков добавляет в свои замки различные дополнительные функции.

Существует основной ряд базисных функций, которые присущи для всех смарт-замков. К таким функциям можно отнести функцию интеграции в систему «Умного дома», т. е. это взаимодействие замка с различными элементами, подключенными к системе «Умный дом», управляющейся с помощью современного смартфона и других устройств. Отпирание такого замка у большинства производителей происходит с помощью:

сканирования отпечатка пальца;

технологии NFC (технология передачи данных между устройствами без непосредственного контакта, работающая на расстоянии примерно около 10 см);

разблокирования при помощи ввода заранее установленного пароля; индукционной карточки.

В случае невозможности отпирания с помощью информационных технологий, в большинстве замков предусмотрено отпирание механическим путем, т. е. при помощи ключа.

Развитие замков прямо пропорционально развитию различных сфер науки, что предоставляет возможность созданию более защищенных от отпирания, а также криминального проникновения в жилище и другие сооружения замков, в частности механизмов запираения в этих замках. Но и способы отпирания замков также развиваются и становятся более современными и облегченными в использовании, также упрощено некриминальное приобретение инструментов для обеспечения отпирания.

В настоящее время криминалистическая практика столкнулась со сложностями экспертизы (исследования), которые обусловлены тем, что

существует множество разновидностей замков. Существует классификация в зависимости от механизма запираения. Основные виды замков по классификационному признаку – механизму запираения: ригельные (реечные), цилиндрические, сувальдные, пружинные, смарт-замки.

Следует разграничивать два понятия: «отпирание» и «взлом». Разграничение этих понятий в криминалистике сделано с целью дачи подробной и определенной характеристики этих явлений и, разумеется, дифференциации [2, с. 184].

В русском языке понятие «взломать» трактуется следующим образом: «Ломать, вскрыть, разворотить (что-нибудь запертое, целое и т. п.)» [3, с. 80]. Под термином «отпереть» понимается «открыть (запертое)» [3, с. 477]. Помимо лексического значения слов данные понятия нужно разграничивать по признакам наружного повреждения и возможности использования замка и запирающего механизма после действий, связанных со взломом или отпиранием.

При производстве действий, связанных с отпиранием, замок и запирающий механизм, как правило, не повреждаются и продолжают функционировать. При отпирании возможность повреждения замка и запирающего механизма присутствует, но это повреждение не несет целенаправленный характер, а является лишь сопутствующим.

Взломом двери признаются действия, направленные на нарушение целостности двери или элементов ее конструкции с целью получения частичного или полного доступа в защищаемое дверью помещение [4]. При взломе повреждение замка и запирающего механизма – это целенаправленный процесс, после чего дальнейшее использование их невозможно.

При взломе не требуются узко специализированные, технические приспособления. Взлом возможен с использованием каких-либо строительных инструментов, например, молотка, топора, кусачек и др. Отпирание как способ криминального проникновения требует более качественной подготовки в отличие от взлома. Так, при отпирании в большинстве случаев есть необходимость использования специальных приспособлений, необходимость которых зависит от способа.

Современный способ, предназначенный для отпирания смарт-замка без непосредственного контакта с ним, – это отпирание при помощи аудиопреобразователя. Данный способ будет реализовываться лишь на умных замках, которые в своем функционале имеют возможность синхронизироваться с различными док-станциями, обладающими возможностью воспринимать звук в качестве команд. Примером такого замка

является современный умный замок August Smart Lock, который обладает возможностью синхронизироваться с док-станцией (умной колонкой) от компании Google: Google Home, обладающей возможностью использования умного ассистента, который, в свою очередь, воспринимает голосовые команды.

Под аудиопреобразователем понимается устройство, которое при контакте с плоской поверхностью любого жесткого материала заставляет эту поверхность резонировать (приходить в колебательное движение в силу резонанса) [5], тем самым преобразовывать вибрацию в звук [6].

Принцип работы данного способа отпирания заключается в том, что злоумышленник при проникновении может поместить аудиопреобразователь на дверь либо окно, которое находится ближе всего к док-станции, и включить заранее подготовленную (записанную) команду для отпирания. Тем самым док-станция с возможностью принятия команд, услышав данную команду, синхронизируется с замком, тот, в свою очередь, автоматически откроется.

Данный способ считается наиболее современным, для этого существует множество причин, главной из которых является развитие такого вида замков, как умный замок. Такой способ отпирания очень сложен для исследования, так как преступник имеет возможность не соприкасаться с замком, т. е. не имеет прямого контакта, также он имеет возможность обеспечить запираение замка таким же способом, что создает трудности при исследовании. При этом остаются следы современного характера, которые возможно обнаружить в программной составляющей системы «Умный дом». Как следствие – существует необходимость в привлечении специалистов IT-сферы.

И.В. Кантор разделяет все признаки воздействия посторонних предметов на три группы:

следы, оставленные при контакте посторонних предметов на внешних и внутренних деталях замка;

поломка и деформация деталей замка, а также их частей;

предметы и их части, которые не характерны для данного типа замка, – детали отмычек, следы слепковых материалов [7, с. 94].

К вышеперечисленным группам можно добавить определенную группу, которая будет включать следы, оставленные при отпирании умных замков, т. е. следы, которые будут находиться на информационных ресурсах, в том числе на различных серверах.

При исследовании криминального отпирания умного замка с использованием аудиопреобразователя в обязательном порядке должны быть зафиксированы следы, которые к отпиранию напрямую не относятся, но

имеют косвенное отношение. Примером таких следов могут послужить следы обуви, оставленные окурки и др. В первую очередь должны быть осмотрены окна, так как указывалось ранее: злоумышленник при проникновении может поместить аудиопреобразователь на дверь либо окно, которое находится ближе всего к док-станции. Эти признаки имеют значение для определения круга лиц, причастных к проникновению.

При рассмотрении вопроса исследования замков и определения способа отпираания при использовании современных методов отпираания возникает проблема определения этого способа, так как в большинстве случаев явно видимые следы не остаются. Но есть ряд исключений, например при отпираании смарт-замка, если у него отсутствует питание, появляется возможность отпираания его как обычного штифтового замка. При этом в зависимости от способа могут остаться различные следы. Например, при использовании бамп-метода появляются следующие признаки:

наличие на торцевой части скважины ключа характерных вдавленных следов от упора ключа, образуемых посредством нанесения по нему ударов;

следы статического давления зубцами бамп-ключа, находящиеся на всех штифтах цилиндра и не характерны для других способов отпираания;

при колебании штифтов посредством нанесения удара по бамп-ключу, на стыке между штифтами короба и штифтами цилиндра образуются соответствующие, характерные следы, образованные при соприкосновении, в момент удара, штифта цилиндра и штифта короба замка;

в результате продольного движения бамп-ключа на краях гнезда цилиндра образуются соответствующие соскабливания и зацепы.

Как указывалось выше, отпираание при помощи подбора ключа либо отпираание при использовании поддельного ключа конструктивно не отличается от отпираания штатным ключом, но это только при использовании максимально сходного поддельного или подобранного ключа.

Таким образом, становится понятно, что при использовании современных способов отпираания остается минимальное количество следов, которые помогают определить конкретный метод отпираания. Развитие замков прямо пропорционально развитию различных сфер науки, что предоставляет возможность создания более защищенных от отпираания, а также криминального проникновения в жилище и другие сооружения замков, в частности, механизмов запираания в этих замках. Но и способы отпираания замков также развиваются и становятся более современными и доступными в использовании, что усугубляется упрощением некриминального приобретения инструментов для обеспечения отпираания.

Список использованных источников

1. Здания и сооружения. Словарь. Часть 1. Общие термины: ГОСТ Р 58033-2017; введ. РФ 01.08.18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/556380967>. – Дата доступа: 04.03.2020.
2. Трасология и трасологическая экспертиза / А.Г. Сухарев [и др.]. – Саратов, 2010. – 420 с.
3. Ожегов, И.С. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / И.С. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
4. Двери защитные. Общие технические требования и методы испытаний на устойчивость к взлому и пулестойкость: ГОСТ Р 51072-97; введ. РФ 01.01.98 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200003959/>. – Дата доступа: 04.03.2020.
5. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://classes.ru/all-russian/dictionary-foreign-term-11341.htm/>. – Дата доступа: 04.03.2020.
6. Ferguson-digital [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ferguson-digital.eu/es/audio-devices-3/vibro-stereo-mobile-bluetooth-vibro-speaker/>. – Дата доступа: 04.03.2020.
7. Трасология и трасологическая экспертиза : учебник / И.В. Кантор [и др.]. – М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 376 с.

УДК 343.985

Н.А. Демьянов, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.А. Шаматульский

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И ИНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Доходная часть бюджета Республики Беларусь формируется в основном за счет налоговых поступлений. Это объясняет стремление государства и его органов к увеличению их собираемости и максимальному выявлению фактов уклонения от уплаты налогов, особенно совершенных преступным путем. В этой связи особо актуальным становится поиск и разработка наиболее оптимальных путей и средств выявления налоговых преступлений.

Так, процесс противоборства уклонению от уплаты сумм налогов, сборов невозможно представить без многоплановой организации взаи-

модействия между различными правоохранительными органами, государственными и иными организациями.

Под *взаимодействием* государственных органов в противоборстве налоговой преступности следует понимать основанную на законе и подзаконных актах, осуществляемую в конкретных организационных формах согласованную, совместную деятельность, направленную на выявление, пресечение, предупреждение и расследование налоговых преступлений.

Его также можно рассматривать как содействие субъектов оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности при выявлении и расследовании преступлений (в узком смысле) и как сотрудничество на уровне локальных отношений между следователем, оперативным работником, экспертом и т. д. при рассмотрении конкретных категорий дел (в широком смысле) [1].

Необходимость взаимодействия государственных органов при выявлении налоговых преступлений обуславливается следующими обстоятельствами:

объективная необходимость комплексного подхода к сбору, анализу и оценке информации о степени криминогенности обстановки в сфере налогообложения (так как ни один из органов в должном объеме, в виду сложности объекта, не обладает о нем всей полнотой информации);

высокая латентность налоговых преступлений;

расширение сферы налоговой преступности с превращением ее в транснациональную преступность;

необходимость максимально полного поступления налоговых платежей в бюджет путем использования сил оперативно-розыскных аппаратов отдельных органов.

Поскольку органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь (ОФР КГК) являются ключевыми правоохранительными органами, противоборствующими налоговой преступности, вопросы взаимодействия с иными правоохранительными и государственными органами целесообразно рассматривать в рамках их деятельности.

Так, ОФР КГК осуществляет взаимодействие в различных сферах: информационного обмена, выявления, предупреждения и пресечения налоговых преступлений, а также в их расследовании.

Информационное взаимодействие ОФР КГК строится прежде всего на ст. 6 Закона Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. № 414-З «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь» (далее – Закон «Об ОФР КГК»), согласно кото-

рой они осуществляют свою деятельность во взаимодействии с другими государственными органами, общественными объединениями, иными организациями, в том числе иностранными, и гражданами.

В свою очередь, государственные органы, иные организации и их должностные лица в пределах своей компетенции обязаны оказывать содействие ОФР КГК в исполнении возложенных на них обязанностей, определенных Законом «Об ОФР КГК» и иными законодательными актами [3].

Поскольку ОФР КГК является органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (ОРД), на него распространяется положение ст. 13 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД»), согласно которой органы, осуществляющие ОРД, при выполнении задач ОРД в пределах своей компетенции взаимодействуют между собой в соответствии с Законом «Об ОРД» и иными актами законодательства [4].

На основании изложенного, принимая во внимание весь обширный правовой механизм, регламентирующий взаимоотношения ОФР КГК и иных государственных органов в противоборстве налоговой преступности, целесообразно рассматривать организацию взаимодействия в четырех основных направлениях, реализующих данное правомочие: взаимодействие в рамках проведения проверки; взаимодействие при осуществлении ОРД; взаимодействие при осуществлении дознания; взаимодействие на уровне международного сотрудничества.

Взаимодействие в рамках проведения проверки осуществляется на основании положений Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 (далее – Указ № 510) и обособленно от иных направлений взаимодействия, поскольку, согласно п. 23 данного нормативного документа, его действие не применяется при осуществлении правосудия, а также уполномоченными государственными органами процессуальных действий, предусмотренных УПК, оперативно-розыскной деятельности [5].

Взаимодействие ОФР КГК в рамках проведения проверки осуществляется в зависимости от того, кто является инициатором ее проведения. Однако практика показывает, что в большинстве случаев при проведении проверки ОФР КГК пользуются помощью инспекции Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь (ИМНС), включая их работников в состав проверяющих, поскольку они являются более компетентными специалистами в области налоговых правоотношений. Стоит отметить, что в зависимости от обстоятельств, ОФР КГК также могут запрашивать содействие в проведении внеплановой проверки у

иных государственных органов, чьи опыт и знания могут быть полезными для составления акта (справки) проверки.

В то же время сотрудники ОФР КГК оказывают взаимодействие в проведении выборочных или внеплановых проверок, инициируемых органами Комитета государственного контроля Республики Беларусь, либо иных совместных проверок с их участием по взаимному согласованию.

В современных условиях при выявлении уклонения от уплаты сумм налогов, сборов наиболее эффективным с точки зрения получения наибольшего количества разноплановой информации о противоправной деятельности разрабатываемых лиц оказывается *взаимодействие* правоохранительных и иных государственных органов *при осуществлении ОРД*.

Отработка ОФР КГК данного направления взаимодействия, с одной стороны, может способствовать получению большому количеству оперативно значимой информации о лицах и фактах, имеющих оперативный интерес, поскольку ни один орган, осуществляющий ОРД, не может самостоятельно добывать и аккумулировать в себе все сведения, материалы и документы, содержащие следы противоправной деятельности. С другой стороны, ОФР КГК в виду отсутствия необходимых оперативных возможностей нуждаются в оказании им помощи в проведении отдельных ОРМ и иных мероприятий.

На практике выявление налоговой преступности имеет положительный результат при организации непрерывного взаимодействия ОФР КГК со следующими органами:

Инспекция Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь. В противодействии преступлений в сфере налогообложения ИМНС играют существенную роль, поскольку наделены широкими полномочиями по контролю за соблюдением налогового законодательства всеми плательщиками налогов. Они аккумулируют большое количество информации, касающейся произведенных налогоплательщиками обязательных выплат, а также, согласно перечню контролирующих (надзорных) органов, утвержденного Указом № 510, являются контролирующими органами, в компетенцию которых входит проведение налоговых проверок. Налоговые органы могут предоставлять ОФР КГК документы по уплате налогов (сборов), акты налоговых проверок, опросы лиц, изъятые в ходе проверок документы, имеющие оперативное значение, информацию о физических лицах, в отношении которых установлено значительное превышение расходов над доходами, информацией о выявленных в ходе проверок фактах минимизации сумм налоговых обязательств, а также

иные сведения, имеющие значение для решения задач ОРД. Права и обязанности налоговых органов и их должностных лиц по контролю за правильностью исчисления, своевременностью и полнотой уплаты налогов, сборов (пошлин) иных обязательных платежей в бюджет закреплены в ст. 107–108 Налогового кодекса Республики Беларусь [6].

Государственный пограничный комитет Республики Беларусь также является органом, осуществляющим ОРД. Организация их взаимодействия с ОФР КГК строится на основании ст. 13 Закона «Об ОРД» и иными нормативными правовыми актами. Отдельные сведения, содержащиеся в данном правоохранительном органе, могут иметь значение для выявления налоговых преступлений. Так, ОФР КГК организуют с ними взаимодействие с целью получения информации о таможенном оформлении товара, копий иностранных товаросопроводительных документов, документов производителя, контрактов и сделок на приобретение товара, о движениях товара, пунктах таможенного оформления и т. п. с целью выявления суммы завышения товара и уклонения налога на прибыль и др.

Департамент финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь может способствовать выявлению налоговой преступности путем предоставления проанализированной информации об экономической деятельности разрабатываемого субъекта хозяйствования (товарообороты, денежные обороты, контрагенты, должностные лица, финансовые потери, аффилированные организации, специальные формуляры банков и т. п.).

Органы внутренних дел и органы государственного контроля Республики Беларусь являются правоохранительными органами, в компетенцию которых входит осуществление ОРД. Они обладают широкими оперативными возможностями для выполнения различных по объему и сложности оперативно-розыскных и иных мероприятий. ОФР КГК в виду небольшого штата работников и узкой специализации не имеют достаточных сил и средств для выполнения отдельных задач, стоящих перед ОРД. В связи с этим им необходимо организовывать взаимодействие с указанными правоохранительными органами, поскольку они обладают специальными техническими средствами, квалифицированными работниками и опытом работы в проведении отдельных негласных ОРМ, а также способны своевременно предоставлять имеющуюся в их распоряжении оперативно значимую информацию.

Иные государственные организации в зависимости от складывающейся оперативно-розыскной обстановки также способны предоставлять оперативно значимую информацию, способствующую выявлению

нию уклонения от уплаты сумм налогов, сборов. К таковым относятся Оперативно-аналитический центр при Президенте, подразделения Министерства финансов, Министерства экономики, государственного Комитета по имуществу, операторы сотовой связи и многие другие организации в зависимости от обстоятельств выявления преступления в сфере налогообложения.

При осуществлении дознания организация взаимодействия ОФР КГК с правоохранительными органами и иными государственными организациями начинает носить гласный характер. Этому способствует ряд нормативных положений.

Например, гл. 10 совместного постановления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь от 26 декабря 2016 г. № 36 регламентированы особенности взаимодействия ОФР КГК и подразделений Следственного комитета при рассмотрении заявлений, сообщений о преступлениях.

Основное внимание на рассматриваемой стадии уголовного процесса ОФР КГК уделяет взаимодействию с налоговыми и следственными органами, а также с подразделениями, осуществляющими экспертизы.

Взаимодействие на уровне международного сотрудничества может осуществляться как в процессе осуществления ОРД, так и производства дознания. Отличительным является лишь форма, в которой содержится просьба органа иностранного государства оказать содействие. Так, до возбуждения уголовного дела: в процессе ведения ДОО, по которым требуется провести ОРМ, обменяться оперативной информацией либо по материалам проверок, имеет место форма запроса, в то время как после возбужденного уголовного дела – поручение.

В случае когда в ходе проверочных мероприятий усматриваются признаки налоговых преступлений, запрос направляется в рамках Соглашения о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с налоговыми преступлениями (3 июня 2005 г., г. Тбилиси) и иными международными договорами.

Обобщая вышеизложенное, следует, что ОФР КГК являются центральным органом, противоборствующим уклонению от уплаты сумм налогов, сборов. Важнейшим элементом противоборства выступает многоплановое и непрерывное взаимодействие с иными правоохранительными и государственными органами в виде обмена информацией, проведения совместных мероприятий и оказания содействия иного рода. В связи с этим ОФР КГК должны стремиться к дальнейшему нормативному закреплению отношений с различными государственными органами и усовершенствованию имеющихся взаимоотношений, налаживанию оптимальных и оперативных путей своевременной передачи

информации при помощи современных технических возможностей. Необходимо также стремиться оптимизировать деятельность оперативных сотрудников, снизить уровень налоговой преступности и достигнуть положительных результатов в выявлении преступлений, предусмотренных ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Последнее возможно реализовать путем разработки методических рекомендаций, содержащих различные направления взаимодействия государственных органов при выявлении налоговых преступлений, с бланками-образцами типичных запросов и ссылками на действующие нормативные правовые документы.

Список использованных источников

1. Взаимодействие контролирующих и правоохранительных органов при выявлении преступлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/1957041120746/pravo/vzaimodeystvie_kontroliruyuschih_pravoohranitelnyh_organov_pri_vyyavlenii_prestupleniy. – Дата доступа: 22.06.2020.
2. Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 2008 г., № 414-3 : принят Палатой представителей 24 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23.07.2019 г. // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800414>. – Дата доступа: 22.06.2020.
3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : 15 июля 2015 г., № 307-3 : принят Палатой представителей 26 июня 2015 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2015 г. // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500307&p1=1>. – Дата доступа: 22.06.2020.
4. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 : с изм. и доп. от 4 сент. 2019 г. : текст по состоянию на 15 марта 2020 г. // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=p30900510>. – Дата доступа: 22.06.2020.
5. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-3 : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С АНОНИМНЫМ СОДЕЙСТВИЕМ ГРАЖДАН В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблема правоотношений в оперативно-розыскной деятельности, связанных с анонимным содействием гражданам органов внутренних дел (ОВД) в решении задач ОРД, и применительно к институту содействия граждан ОВД всегда вызывала внимание со стороны ученых и правоприменительной практики. Среди ученых, которые посвятили свои работы данному вопросу, можно назвать следующих: А.И. Алексеева, И.И. Басецкий, В.Г. Бобров, А.Ф. Возный, Д.В. Гребельский, А.Г. Лепкарь, В.А. Лукашов, В.В. Сергеев, Г.К. Синилов и др.

Изучение научной литературы по анонимному содействию гражданам органам, осуществляющим ОРД, показало, что в Республике Беларусь эта проблема недостаточно изучена. Состояние регулирования правоотношений анонимного содействия не отвечает современным тенденциям обеспечения информацией органов, осуществляющих ОРД.

Анонимное содействие граждан ОВД в сфере предупреждения, раскрытия преступлений и розыска скрывающихся преступников (и «пограничных» с ними вопросов) всегда было, есть и, вероятно, еще долго будет иметь место с учетом современных условий деятельности оперативных подразделений, в которых складывается разностороннее отношение граждан к оказанию помощи ОВД в борьбе с правонарушениями в различных формах ее проявления.

Анализ нормативных предписаний и изучение деятельности оперативных подразделений позволяют нам заключить, что существует настоятельная необходимость в совершенствовании правоотношений в оперативно-розыскной деятельности, связанных с анонимным содействием гражданам ОВД в решении задач ОРД.

После принятия Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») вопросы, связанные с регулированием анонимного содействия граждан ОВД, не содержат законодательного закрепления. Эта проблема не утратила своей актуальности и в настоящее время, поскольку научные изыскания в данной области продолжают. Можно лишь отметить, что в ст. 15 Закона «Об ОРД» закреплено, что органы, осуществляющие ОРД, имеют право привлекать граждан с их согласия к подготовке проведения ОРМ

и (или) участию в них; устанавливать на безвозмездной или возмездной основе сотрудничество с гражданами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе [1]. При этом законодатель не указывает на необходимость установления или предоставления персональных данных этих граждан. Несмотря на то что вышеперечисленные категории граждан желают сохранить в тайне сведения о своей помощи правоохранительным органам, сотрудники оперативных подразделений вынуждены собирать такие сведения, о чем свидетельствует ч. 1 ст. 8, абз. 14 ч. 1 ст. 16 и ч. 1 ст. 39 Закона «Об ОРД».

Как известно, **правоотношение** – общественное отношение, урегулированное правовой нормой. Правоотношения возникают между гражданами, предпринимателями, государственными органами, предприятиями, фирмами, кооперативными и иными организациями. Традиционно правоотношения рассматриваются как определенная правовая связь между сторонами (субъектами) правоотношений. Признавая наличие в правоотношении двух сторон.

Законодательное регулирование, а именно ст. 9 Закона «Об ОРД» выделяет три категории участников ОРД, которые выступают субъектами оперативно-розыскных правоотношений:

граждане, привлеченные органами, осуществляющими ОРД, к подготовке проведения ОРМ и (или) участию в них;

граждане, оказывающие или оказывавшие содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД;

граждане, обладающие специальными знаниями, привлекаемые к участию в ОРМ в качестве специалиста.

Вышеперечисленные лица могут принимать участие в ОРД при условии предоставления своих персональных данных. Это вытекает из обязанностей, закрепленных в ст. 10 Закона «Об ОРД».

В данной статье не указано лицо, которое в дальнейшем осуществляющее анонимное содействие органам внутренних дел в решении задач ОРД». Как известно из теории оперативно-розыскной деятельности, под анонимом понимается лицо, которое скрытно, без личного представления оказывает помощь оперативным сотрудникам. Анонимная помощь определяется как вид содействия оперативным подразделениям ОВД в борьбе с преступностью, которое осуществляется путем анонимного предоставления информации, когда лицо, ее предоставляющее, не желает раскрывать свои персональные данные и участвовать в дальнейшем в уголовном процессе. Представляется, что такое содействие должно способствовать подготовке и проведению оперативно-розыскных меро-

приятый (ОРМ) по предупреждению и раскрытию преступлений, розыску скрывающихся преступников и без вести пропавших, установлению личности неопознанных трупов [2].

Как самостоятельный вид содействия выделяют Е.Н. Хазов и А.В. Богданов, отмечая, что анонимное содействие – это вид содействия оперативным подразделениям ОВД в борьбе с преступностью, которое осуществляется путем анонимного представления информации, когда лицо, ее представляющее, не желает раскрывать свое имя и участвовать в дальнейшем в уголовном процессе.

В таких правоотношениях, которые возникают между лицом, предоставившим анонимную информацию и сотрудником оперативного подразделения, осуществляющим ОРД, правам одного из субъектов не соответствуют юридические обязанности другого. Представляется, что именно такой вид правоотношений характерен для отношений между анонимом и ОВД.

В целом анонимная помощь определяется как вид содействия оперативным подразделениям ОВД в борьбе с преступностью, которое осуществляется путем анонимного предоставления информации, когда лицо, ее предоставляющее, не желает раскрывать свое имя и участвовать в дальнейшем в уголовном процессе. Вместе с тем выборочные исследования позволили выявить многие сходные признаки анонимного и конфиденциального видов содействия.

При этом чем больше и достовернее будут сведения о гражданине, оказывающем помощь оперативному сотруднику, тем более качественно оперативный сотрудник может использовать его возможности. К анонимной информации (независимо от форм ее получения) сотрудники оперативных подразделений ОВД относятся скептически, рассматривают ее именно как попытку оказать разовую помощь для решения собственных потребностей, а не потребностей оперативных работников. Именно поэтому в профессиональном сознании оперативных сотрудников возникают пробелы, свидетельствующие о недооценке того факта, что анонимная помощь может носить многократный, длящийся характер, способствовать решению задач ОРД [3, с. 221].

В.Г. Бобров также утверждает, что оперативно-розыскные правоотношения возникают между органами, осуществляющими ОРД, и лицами, оказывающими этим органам содействие. Думается, что подобные суждения справедливы и применительно к анонимному содействию, так как правоотношения – общественные отношения, возникающие между двумя и более субъектами, которые имеют субъективные права и юридические обязанности. В нашем случае субъектами будут выступать

лицо, предоставившее анонимную информацию, и сотрудник органов внутренних дел, осуществляющий ОРД.

Поскольку отношения в ОРД в сфере содействия граждан ОВД в решении задач ОРД регулируются оперативно-розыскным законодательством, которое носит комплексный характер, можно с уверенностью сказать, что отношения между анонимом и оперативным сотрудником органов внутренних дел – оперативно-розыскные правоотношения.

Достаточно отметить, что, по выборочным данным, из общего числа заявлений и сообщений, поступающих по почте, лишь от 5 до 10 % составляют письма анонимного характера; из них, по мнению опрошенных сотрудников, лишь каждое пятое имеет какое-либо отношение к вопросам предупреждения, раскрытия преступлений и розыску скрывающихся от правоохранительных органов лиц. При этом опрошенные сотрудники пояснили, что судят о таких фактах по существу, так как не располагают соответствующей базой для изучения.

В каком виде может быть предоставлена информация, в правовых актах не разъясняется; указывается лишь, что сотрудник «принимает информацию и оформляет ее рапортом». Каким образом следует оформить информацию, предоставленную анонимно, правовыми актами не регламентируется. Здесь следует учесть, что анонимным способом могут быть предоставлены аудио-, видеоматериалы, фотоснимки, копии различных документов, почтовой и телеграфной корреспонденции, а также иные материалы и предметы, могущие оказать существенную помощь в пресечении, раскрытии преступлений, розыске скрывающихся преступников и лиц, пропавших без вести.

Как правило, анонимная информация в оперативные подразделения ОВД поступает в устной форме по телефону или в письменной – в виде письма без указания обратного адреса, реже – в процессе непосредственной встречи с сотрудником органа, осуществляющего ОРД, или через посредника. Несомненно, могут иметь место и другие способы передачи анонимной информации, например, передача SMS-сообщения, подбрасывание либо почтовое отправление носителя информации (диск, флеш-накопитель и т. п.) с необходимыми сведениями, подбрасыванием вещей, предметов и документов, имеющих значение для оперативного сотрудника, которые впоследствии могут стать вещественными доказательствами по уголовному делу.

Так, отдельные ученые считают, что «институту анонимного содействия» присущи свои специальные признаки, к которым они относят безымянность автора, предоставившего информацию, что исключает его непосредственное общение с оперативным сотрудником. Г.А. Рука-

вишников отмечает, что нежелание раскрывать свои данные даже перед оперативным сотрудником является существенным признаком, отличающим анонимное содействие от конфиденциального и тем более от гласного [4, с. 123]. Необходимо также отметить инициативный и односторонний характер такого содействия, за анонимом остается право выбора способа передачи информации.

В заключение следует отметить, что между лицом, оказывающим анонимную помощь ОВД в решении задач ОРД, и сотрудником оперативного подразделения, осуществляющим ОРД, существуют оперативно-розыскные правоотношения, которые регулируются оперативно-розыскным законодательством.

Признавая наличие оперативно-розыскных правоотношений, которые регулируются оперативно-розыскным законодательством, требуют изменений и дополнений в Законе «Об ОРД» и иных локальных актах.

На наш взгляд, чтобы институт анонимного содействия начал развиваться, необходимо внести соответствующие изменения и дополнения в Закон «Об ОРД», законодательно закрепив в отдельной статье рассматриваемый вид содействия граждан – «анонимное содействие». Закон «Об ОРД» предлагается дополнить статьей, регламентирующей возмездное и безвозмездное анонимное содействие ОВД, осуществляющим ОРД, предусмотрев сохранение гарантий анонимности лица, желающего в целях решения задач ОРД предоставлять информацию ОВД без указания сведений о лице, ее предоставляющем, также во всех локальных актах Министерства внутренних дел Республики Беларусь более подробно и детально раскрыть термин «анонимное содействие», «правоотношения, возникающие между анонимом и сотрудником ОВД», предусмотрев на законодательном уровне сохранение во всех случаях анонимность лица, предоставившего информацию, а также гарантии получения денежного вознаграждения.

Необходимо также активизировать непосредственно работу сотрудников органов внутренних дел, которая будет направлена на информирование граждан, общественных объединений и т. д., по поводу содействия ОВД. Способы информирования могут быть различные, и сам сотрудник органов внутренних дел выбирает как оповестить общественность на предмет содействия ОВД (СМИ, Интернет-портал, радио, непосредственные выступления перед гражданами и т. д.).

Считаем эффективным способом размещение в средствах массовой информации, а также сети Интернет рекламы о возможности гарантированного анонимного содействия правоохранительным органам на возмездной основе с указанием способа установления контакта. Это

приведет к налаживанию устойчивых каналов поступления оперативной информации, развитию института анонимного содействия граждан и развитию отношений, связанных с анонимным содействием граждан в решении задач ОРД.

Список использованных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Волюнкин, Е.Н. Некоторые проблемы использования анонимной информации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / Е.Н. Волюнкин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2008. – С. 28–29.
3. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 832 с.
4. Рукавишников, Г.А. К вопросу о сущности анонимного содействия граждан органам внутренних дел / Г.А. Рукавишников // Право и государство: теория и практика. – 2008. – № 2. – С. 122–124.

УДК 366.542

В.В. Иванов, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.Н. Яхновец*

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЕМУ ТОВАРА

В соответствии со ст. 290 Гражданского кодекса Республики Беларусь принятые субъектами гражданских правоотношений обязательства должны исполняться надлежащим образом. В случае нарушения данных обязательств, субъекты правоотношений вправе использовать правовые средства защиты, которые закреплены в различных отраслях права [1].

Формирование национального (внутригосударственного) права, начинается в конституционном праве. Истоки других отраслей права находятся в конституционном праве. Многие нормы данной отрасли получают свое дальнейшее развитие в других отраслях права [7]. В этой связи целесообразно обратиться к рассматриваемому вопросу в соотношении с конституционным правом. Как правило, внедрение конституционных положений на практике происходит посредством принятия законов, иных нормативных правовых актов, которые конкретизируют конституционные нормы и содержат механизм их реализации [8, с. 26]. Реализация норм конституционного права есть непосредственный ре-

зультат правового регулирования, конкретное его проявление [9, с. 23]. Исходя из изложенного необходимо отметить, что имеет смысл исходить из конституционно-правовых норм, как основополагающих, при рассмотрении поставленного вопроса. Например, конституционная норма, гарантирует гражданам защиту права собственности (ст. 44 Конституции Республики Беларусь), получила свою полную реализацию в иных отраслях права.

Говоря о гражданско-правовых средствах защиты, следует отметить, что это обязательство, в силу которого одна сторона (потерпевший) имеет право требовать от другой стороны (причинителя вреда) восстановления прежнего состояния, существовавшего до причинения вреда или возмещения убытков. Рассматриваемые обязательства, по сути, представляют собой правовую форму реализации гражданско-правовой ответственности, к которой на основании закона привлекается причинитель вреда [2, с. 472]. Вред, причиненный недостатком товара, недостоверной или недостаточной информацией о товаре, подлежит возмещению, если он возник в течение установленного срока годности или срока службы товара, а при отсутствии таковых – в течение десяти лет со дня производства товара [3]. Необходимо отметить, что продавец освобождается от ответственности в случае, если докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или нарушения потребителем установленных правил пользования товаром, результатами работы, услуги или их хранения [4]. Вышеизложенное гражданско-правовое поле в части ответственности за причинение вреда является внедоговорной ответственностью. *Внедоговорная ответственность* – реакция на нарушение прав субъектов, которые не связаны договорами, либо на нарушение, которое выходит за пределы отношений, которыми связаны субъекты. Опосредующие эту реакцию охранительные отношения называются внедоговорными; основаниями их возникновения являются деликты и иные правонарушения, не связанные с договорными обязательствами. Они имеют относительно самостоятельный характер, их нормативная основа – институты возмещения вреда [5]. Определяя применение мер ответственности за причиненный вред, закон исходит из общего принципа, который в литературе обычно именуется «принцип генерального деликта». Согласно этому принципу причинение вреда одним лицом другому само по себе является основанием возникновения обязанности возместить причиненный вред. Следовательно, потерпевший не должен доказывать ни противоправность действий причинителя вреда, ни его вину. Их наличие презюмируется [6].

В случае реализации товара ненадлежащего качества, если его недостатки не были оговорены продавцом, потребитель вправе по своему

выбору потребовать защиты своих прав в рамках Закона «О защите прав потребителей». Следует отметить, что в данном законе в части регулирования возврата недоброкачественного товара регламентируется право потребителя вернуть товар за счет продавца без потребительской упаковки. Кроме того, закрепляется право замены недоброкачественного товара товаром надлежащего качества, соразмерного уменьшения покупной цены товара, незамедлительного безвозмездного устранения недостатков товара, возмещения расходов по устранению недостатков товара. Указанные нормы защищают потребителя при реализации ему товара ненадлежащего качества, несмотря на то, что в законодательстве отсутствует дефиниция, которая устанавливала бы, что нужно считать товаром ненадлежащего качества. Тем не менее Закон «О защите прав потребителей» закрепляет дефиницию качества товара, а именно, качество товара – это совокупность свойств и характеристик товара, определяющих соответствие товара установленным и (или) обычно предъявляемым к товару такого рода требованиям (безопасность, функциональная пригодность, эксплуатационные характеристики, надежность, экономические, информационные и эстетические требования и др.). Исходя из представленной дефиниции качество товара определяют установленные и (или) обычно предъявляемые требования к безопасности, функциональной пригодности, эксплуатационным характеристикам, надежности, экономичности, информативности, эстетичности и другим требованиям. На наш взгляд, другими требованиями следует считать требования, предъявляемые к товару и указываемые непосредственно в договоре. Следует отметить, что *безопасность товара* – совокупность свойств и характеристик товара, при которых товар не является вредным и не представляет опасности для жизни, здоровья, наследственности, имущества потребителя и окружающей среды при обычных условиях его использования, хранения, транспортировки и утилизации. В свою очередь, функция товара заключается в его способности соответствовать запросам потребителей благодаря присущим ему характеристикам. Например, потребительская функция пищевых продуктов – это их способность поставлять организму жизненно необходимые для обмена вещества. К эксплуатационным характеристикам следует отнести информацию, содержащуюся в нормативных документах, устанавливающих требования к качеству товара. Эксплуатация представляет собой совокупность подготовки, использования и дальнейшей утилизации товаров, закрепленных в нормативных документах, устанавливающих требования к качеству товара. Нормативные документы, устанавливающие тре-

бования к качеству товара, представлены техническими нормативными правовыми актами в области технического нормирования и стандартизации, санитарными нормами и правилами, гигиенических нормативов, а также другие технические нормативные правовые акты, устанавливающие требования к качеству товара, технические регламенты Таможенного союза, технические регламенты Евразийского экономического союза. Приведенные суждения о том, что собой представляют эксплуатационные характеристики, исходят из определения слова «эксплуатация» и дефиниции «нормативные документы, устанавливающие требования к качеству товара», указанной в законе. В свою очередь, слово «надежность» в законе употребляется однажды, в дефиниции «качество товара». Полагаем, что обусловлено это тем, что лексическое значение данного слова исчерпывает необходимость его законодательного закрепления. Надежность, в свою очередь, реализуется путем установления гарантийного срока, срока годности, срока хранения, срока службы. К информационным требованиям относится обязанность продавца размещать информацию в соответствии с законом и иными актами законодательства, техническими регламентами Таможенного союза, Евразийского экономического союза, а также обычно предъявляемыми требованиями в розничной торговле. Экономические требования выражаются в том, что затраты покупателя на единицу срока службы изделия должны быть как можно меньше. Эстетическими требованиями следует считать требования к внешнему виду продукции. На наш взгляд, экономические и эстетические требования к товару представляется необходимым признать факультативными или дополнительными, поскольку отнесение указанных требований к качеству товара является спорным. Кроме того, в законе указанные требования более не упоминаются. Что касается экономических требований, то их следует отнести к эксплуатационным характеристикам и исключить из дефиниции. Относительно эстетических требований нужно отметить их исключительную субъективность в оценке, следовательно, представляется нецелесообразным регулировать отношения, возникающие из эстетических требований к товару. Таким образом, необходимо исключить из дефиниции и упоминание об эстетических требованиях к товару.

Следует отметить особенность национального законодательства в части дефиниции «качество товара». Отдельного внимания заслуживает включение в дефиницию качества товара информационных характеристик, т. е. обязательств по предоставлению информации. Товар, несоответствующий информационным характеристикам, необходимо

признать товаром ненадлежащего качества, хотя в законе отдельно для случаев непредоставления информации указано, что в случаях непредоставления необходимой и достоверной информации, потребитель вправе требовать от продавца расторжения договора и возврата уплаченной за товар денежной суммы. Встает вопрос: «Как применять указанный закон в случаях непредоставления установленной законом информации: как при продаже недоброкачественного товара или как незамедлительно непредоставленной информации о товаре?» Это говорит о юридической коллизии в законе.

Если товар недоброкачественный или ненадлежащего качества, если его недостатки не были оговорены продавцом, потребитель вправе по своему выбору потребовать:

- замены недоброкачественного товара товаром надлежащего качества;
- соразмерного уменьшения покупной цены товара;
- незамедлительного безвозмездного устранения недостатков товара;
- возмещения расходов по устранению недостатков товара;
- расторжения договора розничной купли-продажи с возвратом за товар денежной суммы.

Помимо гражданско-правового регулирования, надлежащее исполнение участниками своих обязанностей также обеспечивается уголовным и административным законодательством. Статья 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) и ст. 10.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) устанавливают ответственность за завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием. В свою очередь, ст. 10.7 КоАП устанавливает ответственность за противоправное извлечение имущественных выгод и причинение ущерба в незначительном размере (значительном размере – ст. 216 УК) [10]. Теория уголовного права и судебная практика выделяют следующие формы (видовые действия) причинения имущественного ущерба при отсутствии признаков хищения, где внешнее выражение причинения имущественного ущерба определяется следующим фактическим содержанием: незаконное пользование объектами гражданских прав, неуплата (непередача) должного, возложение виновным бремени своих расходов на потерпевшего, обращение лицом в свою собственность или в собственность иных лиц платежей, сборов и иных поступлений, которые должны были поступить в фонды государства или иных лиц [11]. Следует отметить, что размер ущерба определяется суммированием затрат на восстановление прежне-

го состояния. Отдельного внимания заслуживают ст. 257 УК и ст. 12.16 КоАП, устанавливающие ответственность за обман потребителей. Как правило, обман связан с качеством, количеством и стоимостью проданной продукции.

Таким образом, реализация прав участников гражданских правоотношений обеспечивается различными правовыми средствами. Представляется, что существующий комплекс мер достаточен для полной защиты прав и законных интересов граждан. В зависимости от причиненного имущественного ущерба может возникать гражданская, административная и уголовная ответственность, что подтверждает необходимость комплексного исследования данных правоотношений.

Список использованных источников

1. Шершень, Т.В. Гражданско-правовые средства защиты прав и интересов потребителей / Т.В. Шершень // Вестн. Перм. ун-та. – 3-й вып., серия 17. – 2012. – 198 с.
2. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / Д.А. Колбасин ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2016. – Ч. 2. – С. 655.
3. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г., № 90-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.06.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 янв. 1998 г., № 218-З (ред. от 17.07.2018) : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.11.2018 г. // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Илларионова, Т.И. Гражданское право : в 2 ч. / Т.И. Илларионова // Гражданское право : учеб. для вузов / Т.И. Илларионова, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. – М., 1998. – Ч. 1. – С. 431.
6. Корнеев, С.М. Гражданское право : в 4 ч. / под ред. Т.И. Илларионовой // Гражданское право : учебник / С.М. Корнеев. – 3-е изд., стер. – М., 2006. – Ч. 4. – С. 431.
7. Понятие и предмет конституционного права [Электронный ресурс] // учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Режим доступа: https://www.amia.by/book/umk/fzo/konst_pravo/p79aa1.html/. – Дата доступа: 15.05.2020.
8. Кодабович, В.А. Конституционное право Республики Беларусь : учеб. пособие / В.А. Кодабович, В.А. Круглова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2012. – 512 с.
9. Петров, А.П. Конституционное право : учеб. пособие / А.П. Петров. – Минск : Амалфея, 2011. – 688 с.

10. Авраменко, Е.А. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е.А. Авраменко [и др.] ; под ред. В.А. Кашевского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 736 с.

11. Электронные средства обучения [Электронный ресурс] // учреждение образования «Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы». – Режим доступа: http://ebooks.grsu.by/prestv_protiv_sobstv/3-prichinenie-imushchestvennogo-ushcherba-bez-priznakov-khishcheniya.html/. – Дата доступа: 03.06.2020.

УДК 343.615

А.М. Кайко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

Ю.Е. Духовник

ПОНЯТИЯ «ТЕЛЕСНЫЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ» И «ВРЕД ЗДОРОВЬЮ»: ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В условиях глобализации непременно встают вопросы интеграции и унификации в различных сферах деятельности государств, в том числе и правовой сфере. Однако прежде чем решиться на интеграцию и унификацию в правовой сфере, необходимо поэтапно соотнести различные правовые отрасли, правовые институты, правовые понятия, в целях поиска их достоинств и недостатков, уместности и неуместности для того или иного государства в зависимости от сложившихся правовых традиций и правовой реальности.

В связи с этим представляется небезынтересным провести сравнительный анализ понятий «телесные повреждения» и «вред здоровью» с целью определить их общие и отличительные содержательные черты в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации, а также определить перспективные направления совершенствования указанных законодательств.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь используется понятие «телесные повреждения», в то время как в Российской Федерации применяется понятие «вред здоровью». Указанные понятия тесно связаны с причинением вреда жизни и здоровью человека. Жизнь и здоровье – наиболее важные охраняемые государством блага человека. Уголовное законодательство отводит приоритетное место охране жизни и здоровью человека. Одной из задач как Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Беларуси), так и Уголовного кодекса

Российской Федерации (далее – УК России) является охрана человека, его прав и свобод.

Понятные «телесные повреждения» и «вред здоровью» в уголовных законодательствах Республики Беларусь и Российской Федерации выступают одним из видов общественно опасных последствий.

Анализ действующего УК Беларуси демонстрирует распространенность использования словосочетания «телесные повреждения» как общественно опасные последствия. Так, в диспозициях статей УК Беларуси (гл. 17–20, 22–24, 27–30, 32, 33, 36, 37), за исключением гл. 21, 25, 26, 31, 34, 35, 38, телесные повреждения содержательно отражены как общественно опасные последствия. Аналогичной частотой употребления словосочетания «вред здоровью» как общественно опасное последствие характеризуется УК России (гл. 16–19, 21–22, 24–27, 30–31, 33) и не используется в гл. 20, 23, 28–29, 32, 34.

В уголовном законодательстве Беларуси выделяются три вида телесных повреждений: тяжкие телесные повреждения, менее тяжкие телесные повреждения и легкие телесные повреждения. В российском уголовном законодательстве выделяются три разновидности вреда здоровью: тяжкий вред, средней тяжести вред и легкий вред. Исходя из отмеченных типов телесных повреждений и вреда здоровью определяют юридическую значимость последних и дифференцируют ответственность лица, их причинившего.

Значение использования словосочетаний «телесные повреждения» и «вред здоровью» в УК, как признака состава преступления, выражается в следующем:

указывает на материальную конструкцию соответствующего состава преступления;

закрепляет обязательный криминообразующий признак объективной стороны основного, квалифицированного или особо квалифицированного составов преступлений;

позволяет отграничить преступления от административных правонарушений;

влияет на определение степени общественной опасности совершенного преступления и на выбор судом соответствующей меры ответственности.

Нормативное определение понятия «телесные повреждения» содержится в Инструкции о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений, утвержденной постановлением Государственного комитета судебных

экспертиз Республики Беларусь от 24 мая 2016 г. № 16 (далее – Инструкция), и определяет их как возникшие в результате травмирующего воздействия физических, химических, биологических, психических и других факторов внешней среды объективно установленные нарушения анатомической целостности и (или) физиологических функций тканей, органов и (или) систем организма человека [1].

Вместе с тем правоприменители и научное сообщество Республики Беларусь обращают внимание на то, что не все противоправные деяния, повлекшие нарушения анатомической целостности и (или) физиологических функций тканей, органов и (или) систем организма человека могут быть связаны с травмирующим воздействием [2; 3]. Так, отдельные патологические состояния, ставшие следствием дефекта, например, оказания медицинской помощи пациенту, не могут быть определены как телесные повреждения в соответствии с Инструкцией [4, с. 163–164]. Подобного рода последствия находятся за рамками данного вида преступления, что позволяет уклоняться от уголовной ответственности при бесспорной общественной опасности таких деяний.

Приведем гипотетический пример. Так, например, лицо нарушило правила производственно-технической дисциплины или правила безопасности на объектах использования атомной энергии, в результате чего повысился радиоактивный фон, по причине которого у потерпевшего, подвергшегося этому воздействию, возникло патологическое состояние, характеризующееся причинением вреда здоровью. В приведенном примере отсутствует *травмирующее* воздействие на потерпевшего, что в правоприменительной деятельности не позволит определить подобного рода общественно опасные последствия через категорию «телесные повреждения», а это, в свою очередь, позволит виновному лицу либо избежать уголовной ответственности, либо понести ответственность в меньшем объеме без учета соответствующего квалифицирующего признака.

В данном контексте термин «вред здоровью», используемый в УК России, для описания таких общественно опасных последствий представляется более предпочтительным.

Так, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522, утвердившим Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (далее – Правила), под понятием «вред здоровью» понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды [5].

Исходя из вышесказанного понятие «телесные повреждения» в отличие от понятия «вред здоровью» существенно сужает содержание последствий до повреждений физической структуры организма и не учитывает отдельные последствия, не связанные с ними. В этой связи, считаем, стоит присоединиться к мнению ученых, полагающих, что понятие «телесное повреждение» является неполной юридической конструкцией [3, л. 26].

По указанной причине предлагаем использовать в законодательстве Республики Беларусь понятие «вред здоровью», в котором, полагаем, необходимо исключить указание на признак «травмирующее» воздействие, а также расширить понимание самих медицинских последствий в результате этого воздействия.

Представленное нами решение назревшей проблемы поддерживается в уголовно-правовой теории. Так, Т.Г. Терещенко было отмечено, что именно «вред здоровью» представляет собой наиболее правильное сочетание медицинского и правового аспектов. С точки зрения медицины, причиненные травмы (повреждения), болезни, патологии влекут определенные изменения в состоянии организма человека, т. е. вызывают расстройство здоровья, причиняют ему вред. Соответственно, более логично употреблять именно «вред здоровью» при описании состояния здоровья, нарушенного внешними факторами (в том числе и преступлениями), по сравнению с тем, которое имело место до совершения противоправного деяния [2, л. 43].

Опыт зарубежных стран также демонстрирует, что в УК Армении, Грузии, Казахстана и др. законодателями используется в качестве общественно опасного последствия термин «вред здоровью», а не «телесные повреждения» [6].

Одновременно, подвергая буквальному толкованию два рассматриваемых понятия, можно обнаружить, что определение понятия «телесные повреждения» в законодательстве Республики Беларусь, помимо нарушений анатомической целостности и (или) физиологических функций тканей, органов, предусматривает возможность причинения подобного рода последствий и для систем организма человека, в отличие от понятия «вред здоровью», используемого в законодательстве Российской Федерации. Под системами организма человека понимают совокупность органов человека, сходных по своему однородному строению, функциям и развитию. Представляется указанный подход более приемлемым, так как в данном случае понятие «телесные повреждения» является более полным и точно раскрывающим суть его содержания, чем понятие «вред здоровью», что следовало бы учесть российскому законодателю.

Таким образом, как видится, под понятием «вред здоровью» как в белорусском, так и российском законодательстве следует понимать нарушение анатомической целостности и (или) физиологических функций тканей, органов и (или) систем организма человека, а также заболевания и (или) патологические состояния, возникшие в результате воздействия физических, химических, биологических, психических или других факторов внешней среды.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

1. Понятия «телесные повреждения» и «вред здоровью» являются распространенным видом общественно опасных последствий в уголовном законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации. Их юридическое значение как признака состава преступления разнообразно и выражается в следующем: указывает на материальную конструкцию соответствующего состава преступления; закрепляет обязательный криминообразующий признак объективной стороны основного, квалифицированного или особо квалифицированного составов преступлений; позволяет отграничить преступления от административных правонарушений; влияет на определение степени общественной опасности совершенного преступления и на выбор судом соответствующей меры ответственности.

2. Отдельные общественно опасные последствия, наступившие в результате совершения общественно опасных деяний, не могут быть определены как телесные повреждения в соответствии с Инструкцией, что порождает ситуации правовой неопределенности. Наиболее эффективным путем разрешения названной проблемы является внесение корректировок в законодательство Республики Беларусь, выраженных в замене понятия «телесные повреждения» понятием «вред здоровью», а также закрепления в Инструкции определения указанного понятия.

4. Определение понятия «вред здоровью» в Правилах не содержит возможности нарушений анатомической целостности и (или) физиологических функций системам организма человека, в отличие от понятия «телесные повреждения», что, на наш взгляд, не в полной мере раскрывает содержание данного термина и требует устранения.

5. Под понятием «вред здоровью» как в белорусском, так и российском законодательстве следует понимать нарушение анатомической целостности и (или) физиологических функций тканей, органов и (или) систем организма человека, а также заболевания и (или) патологические состояния, возникшие в результате воздействия физических, химических, биологических, психических или других факторов внешней среды.

Список использованных источников

1. Инструкция о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений [Электронный ресурс] : постановление Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь, 24 мая 2016 г., № 16 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Терещенко, Т.Г. Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения: уголовно-правовая и криминологическая оценка : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.Г. Терещенко. – Минск, 2013. – 160 л.
3. Шаматульский, И.А. Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.А. Шаматульский. – М., 2015. – 247 л.
4. Духовник, Ю.Е. Общественно опасные последствия при ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей медицинским работником: проблемные вопросы уголовно-правовой оценки и пути их разрешения / Ю.Е. Духовник // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 февр. 2020 г.). – Минск : Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2020. – С. 163–164.
5. Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 17 авг. 2007 г., № 522 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
6. Уголовные кодексы государств – участников ОБСЕ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes/>. – Дата доступа: 25.05.2020.

УДК 343.985

В.И. Каралёк, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

О ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Преступность является тем дестабилизирующим фактором, который негативно влияет на общество и государство в целом. С целью борьбы с данным негативным явлением было принято множество нормативных правовых актов, в том числе Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД).

Стоит отметить, что принятие вышеуказанного закона в свое время стало огромным шагом для отечественного оперативно-розыскного законодательства в аспекте правовой регламентации осуществления оперативно-розыскной деятельности (ОРД), однако множество проблем так и не были решены. Современная социально-правовая действительность и рост преступлений с использованием новых, изощренных средств совершения уголовно наказуемых деяний диктует необходимость дальнейшего совершенствования оперативно-розыскного законодательства.

Вместе с тем Закон об ОРД на момент принятия в 2015 г. не разрешил все проблемы, касающиеся правовой регламентации действий сотрудников оперативных подразделений. Остаются актуальными вопросы осуществления разведывательной и контрразведывательной деятельности сотрудников органов государственной безопасности, требует совершенствования механизм осуществления прав граждан в рамках ОРД, требует расширения перечня и правовой регламентации оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). В связи с этим обозначим вышеуказанные вопросы в настоящей статье и предложим их возможные решения.

Первое, на что стоит обратить внимание, – это осуществление разведывательной и контрразведывательной деятельности в рамках Закона об ОРД. Этот вопрос является дискуссионным. В научной литературе часто отмечается, что отождествление разведывательной деятельности служб, ведущих внешнюю разведку, и ОРД правоохранительных органов, можно производить только с позиций дилетантизма [1, с. 107]. С данной точкой зрения действительно стоит согласиться, так как она предусматривает специфику каждой из вышеприведенных видов деятельности и, несомненно, требует самостоятельного законодательного урегулирования. Принятие законодательных актов, регламентирующих осуществление каждой из этих видов деятельности, видится более обоснованным, чем принятие единого закона, который неспособен должным образом охватить те правоотношения, которые возникают вследствие осуществления разведывательной и контрразведывательной деятельности органов безопасности и ОРД правоохранительных органов.

Отдельным вопросом в рамках осуществления ОРД является обеспечение прав и свобод граждан. Так, часть пятая ст. 19 Закона об ОРД предусматривает ряд ОРМ, проводимых по постановлению о проведении ОРМ с санкции прокурора. Как правило, это ОРМ, затрагивающие конституционные права и свободы граждан, организаций. Однако из данного правила приведено исключение в ст. 37 Закона об ОРД, состоящее в возможности проведения указанных ОРМ в случаях, не терпящих

отлагательства, с последующим получением санкции. Продолжительность проведения ОРМ в этом случае не может превышать 48 часов, по истечении которых инициатор обязан получить санкцию прокурора или его заместителя или прекратить проведение ОРМ [2, с. 100]. При этом если ОРМ было прекращено или приостановлено до истечения 48 часов с момента начала его проведения, то сведения, полученные при его проведении, могут быть использованы для выполнения задач ОРД лишь в случаях принятия прокурором или его заместителем решения об обоснованности проведения ОРМ без санкции [3]. Иными словами, предусматривается правило, согласно которому получение и последующее использование сведений, рассматриваемых как охраняемых законом тайна или полученных в ходе проведения некоторых ОРМ, возможно только с санкции прокурора или его заместителя. Однако возникает вопрос, может ли быть использована информация, полученная при проведении ОРМ, на которое прокурором или его заместителем впоследствии было отказано в даче санкции? Явного запрета в Законе об ОРД не предусмотрено. Таким образом, можно отметить правовой пробел, вследствие которого может быть причинен ущерб правам и свободам граждан. В связи с этим представляется необходимым часть четвертую ст. 37 Закона об ОРД дополнить нормой о запрете на использование информации, которая была получена в ходе проведения ОРМ, не терпящих отлагательства, с отказом прокурора или его заместителя в даче санкции [2, с.101].

Немаловажным с точки зрения совершенствования оперативно-розыскного законодательства является расширение перечня ОРМ. В ст. 18 Закона об ОРД предусмотрены такие ОРМ, как «контроль в сетях электросвязи», «оперативный осмотр», «сбор образцов». Исходя из содержания данных ОРМ можно сделать вывод, что они не позволяют в полной мере решать проблемные вопросы борьбы с преступлениями, совершаемыми в сети Интернет. Решение этих проблем возможно путем введения нового ОРМ «удаленный осмотр».

Содержание данного мероприятия можно определить как «негласное обследование компьютерной системы или сети и сбор хранящихся в них данных, при которых исполнитель не находится в месте расположения указанной системы или сети, проводимые с использованием специализированного программного обеспечения в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД» [4, с. 428].

Основными чертами ОРМ «удаленный осмотр» являются негласный характер проведения, обусловленный необходимостью преодоления мер противодействия раскрытию (расследованию) преступления, состоящих в применении криптостойкого шифрования или приемов анонимизации

пользователя; способ осуществления – удаленное проникновение и осмотр (копирование), при котором инициатор не находится в месте расположения обследуемого СКТ; средства получения информации – специальные программы, разработанные и используемые инициатором проведения мероприятия; информация, представляющая оперативный интерес, – файлы или данные, хранящиеся на обследуемом СКТ, подключенных к нему носителях информации или удаленных ресурсах, к которым имеется доступ с указанного СКТ [4, с. 423].

По аналогии с условиями проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права, полагаем, что для ОРМ «удаленный осмотр» необходимо законодательно предусмотреть обязанность вынесения постановления и получения санкции прокурора путем дополнения ч. 5 ст. 19 Закона об ОРД.

Таким образом, для повышения эффективности раскрытия преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, необходимо внесение дополнений путем введения отдельного ОРМ «удаленный осмотр».

Актуальным является законодательное урегулирование ОРМ «исследование предметов и документов». Так, в структуре любого ОРМ исследователи выделяют ряд элементов, одним из которых является его объект. Под объектом оперативно-розыскного мероприятия понимают то, на что направлено ОРМ. Объекты-носители доказательственной информации, а также иные объекты традиционно среди них указываются [5, с. 207]. Согласно наименованию оперативно-розыскного мероприятия объектом рассматриваемого ОРМ могут являться предметы и документы, представляющие оперативный интерес. Однако на практике оно проводится в отношении значительно более широкого круга различных объектов, например:

вещества, исследуемые с целью определения их природы происхождения или принадлежности к определенному виду, например к наркотическим средствам, психотропным веществам, их прекурсорам или аналогам;

растения, которые исследуются на предмет принадлежности к наркосодержащим культурам;

электронные файлы, изучаемые для отнесения их содержания к порнографическим материалам, а также для изучения зафиксированной в них информации, которая может представлять оперативный интерес (списки контактов в памяти сотовых телефонов, электронные билеты на проезд различными видами транспорта и т. д.).

Как видно, такие возможные объекты проведения ОРМ «исследование предметов и документов», как различные вещества, растения, электронные файлы не могут быть отнесены к категориям предметов

или документов. Приведенные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что название ОРМ не в полной мере соответствует реально сложившейся правоприменительной практике. Представляется очевидной необходимость изменения наименования рассматриваемого ОРМ.

В связи с тем что перечень объектов, подвергаемых исследованию при проведении вышеуказанного ОРМ, фактически не ограничен, стоит вообще исключить его из названия ОРМ. Для разграничения вышеуказанного ОРМ от других мероприятий необходимо придать новому названию явную причастность к ОРД. Следует также внести изменение в ст. 24 Закона об ОРД с целью расширения спектра объектов, подвергаемых исследованию в рамках ОРД.

Таким образом, предлагаем сделать следующие выводы:

целесообразно принять отдельный закон, регламентирующий осуществление разведывательной и контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности;

с целью совершенствования отечественного законодательства и совершенствования соблюдения прав и свобод человека в ходе осуществления ОРД часть четвертую ст. 37 Закона об ОРД дополнить путем внесения в нее запрета на использование информации, которая была получена в ходе проведения ОРМ, не терпящих отлагательства, с отказом прокурора или его заместителя в даче санкции;

для улучшения эффективности ОРД необходимо внесение дополнений в ст. 18 Закона об ОРД путем введения ОРМ «удаленный осмотр». Для недопущения нарушения конституционных и иных охраняемых законом прав следует установить комплекс законодательно закрепленных гарантий и требований к проведению данного ОРМ;

переименовать ОРМ «исследование предметов и документов» в «оперативное исследование», изложив его дефиницию в ст. 24 Закона об ОРД следующим образом: «Оперативное исследование представляет собой изучение объектов, полученных при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности». Внесение данных изменений, по нашему мнению, позволит более точно отразить содержание рассматриваемого ОРМ.

Список использованных источников

1. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. для юрид. вузов / под ред. В.Б. Рушайло. – СПб. : Изд-во «Лань», 2002. – 720 с.

2. Харевич, Д.Л. О совершенствовании некоторых норм Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / Д.Л. Харевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2019. – № 1. – С. 100–103.

3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Харевич, Д.Л. Юридическое содержание удаленного осмотра компьютерных систем или сетей / Д.Л. Харевич // I Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2018. – Ч. 2. – С. 422–429.

5. Бобров, В.Г. О некоторых вопросах оперативно-розыскных мероприятий / В.Г. Бобров // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В.И. Горобцов. – Красноярск, 2004. – Вып. 7. – С. 206–207.

УДК 343.143

К.В. Карпицкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ИНСТИТУТУ ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ?

Деятельность должностных лиц и уполномоченных на то органов при совершении какого-либо деяния, запрещенного уголовным законом, всегда должна выражаться в четкости и оперативности выполняемых действий для более быстрого и правильного разрешения данного дела. Нормативные установления, содержащиеся в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК), призваны помогать органам предварительного расследования и дознания в достижении целей уголовного процесса, одной из которых является защита прав и законных интересов граждан, пострадавших от преступлений. Вместе с тем следует отметить, что действующий УПК содержит в себе ряд моментов, практическая реализация которых порой влечет за собой появление затруднений в работе правоохранительных органов. Одним из институтов уголовного процесса, использование которого сопряжено с рядом проблем и трудностей, является институт понятий.

Исследованию данного института посвящены труды многих белорусских и российских ученых: С.А. Шейфера [1, с. 52], Ф.Н. Багаудинова [2], В.М. Быкова [3], А.В. Михайлова [4], М.А. Пешкова [5], В.Г. Ульянова [6] и др.

Так как институт понятий существует достаточно давно в белорусском законодательстве, у ученых сложились различные позиции относи-

тельно данного участника уголовного процесса. Стоит отметить, что позиции эти весьма противоречивы. С одной стороны, ученые предлагают сохранить данный институт, регламентировав более конкретно и точно процессуальный порядок участия понятого в следственных и процессуальных действиях [2], с другой стороны – высказываются мнения и достаточно категоричные оценки, характеризующие институт понятых как архаизм уголовного процесса, который требует если не полного устранения, то существенных изменений и переработки [4].

В действующем УПК отечественный законодатель посчитал необходимым и правильным сохранить институт понятого, определив данного участника в группу «иных участников уголовного процесса». Это свидетельствует о том, что в настоящее время данный субъект все еще играет довольно важную роль как при производстве следственных действий, так и в процессе сбора доказательств при производстве следственных действий.

Следует отметить, что исходя из определения понятого, которое содержится в ст. 64 УПК, основной задачей понятого в ходе участия в следственном действии является удостоверение своей подписью в протоколе следственного действия факта производства этого действия, его хода и результатов, а также данный участник уголовного процесса выступает в качестве пассивного контроллера «от народа» за деятельностью следователя, и лица, производящего дознание [7, с. 124]. Представляется, что законодатель, при сохранении данного института в действующем УПК, исходил из вполне логичных объяснений. Например, существование института понятых в некотором смысле направлено на обеспечение гарантий защиты прав и законных интересов граждан, попадающих в поле уголовного процесса. Однако необходимо отметить, что не следует считать данное решение полностью верным. В настоящее время все в мире развивается и уголовный процесс не исключение. Он также идет по пути модернизации законодательства и упрощения деятельности правоохранительных органов на досудебном этапе. Исходя из этого можно предположить, что в настоящее время данный институт не так эффективен, как это было в советское время и считается уже устаревшим. Тем более часто практически сотрудники привлечения понятого к проведению следственного действия рассматривают лишь как обязательное условие, которое в соответствии с действующим законодательством должно быть соблюдено, чтобы производство следственного действия было законным.

Следует отметить, что данный институт существует лишь в уголовно-процессуальном законодательстве стран бывшего СССР, что говорит об

определенной правовой преемственности социалистической системы права. Тем не менее во многих современных государствах институт понятых не является столь важным в уголовном процессе. Такие страны, как США, ФРГ, Франция и Великобритания полностью отказались от данного участника уголовного процесса [7, с. 125]. В этих странах предварительное расследование построено иначе. Правоохранительные органы осуществляют функции, которые направлены только на раскрытие преступления, установление виновного лица и похищенного имущества, а вот процессом доказывания полиция не занимается. Сотрудники полиции также имеют право выступать в суде в качестве свидетеля по тому делу, которым они занимались, если в этом будет необходимость. Данное право и возможность говорит нам о том, что в вышеперечисленных развитых странах суд и народ доверяют представителям власти и закона, не нуждаясь при этом в дополнительном контроле со стороны граждан и не привлекая их для удостоверения законности произведенных процессуальных и следственных действий.

Стоит отметить, что законодательство некоторых стран предусматривает возможность привлечения третьих лиц для удостоверения хода и результатов следственных действий. Однако случаи эти весьма редки и конкретно описаны в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, ст. 57 УПК Франции требует обеспечить обязательное участие проживающего в жилище лица при производстве обыска, однако в исключительных случаях, при отсутствии названного лица, обыск в жилище может быть произведен офицером судебной полиции с участием в обыске двух свидетелей, фиксирующих ход и результаты данного следственного действия [7, с. 126].

Представляется целесообразным обратить внимание на то, что уже в конце 2011 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в ходе встречи с руководством МВД России подчеркнул необходимость пересмотра института понятых в уголовном процессе: «Институт понятых сложился, когда не было других способов фиксации доказательств. Это рудимент прошлого, с учетом прошлого, с учетом мирового опыта нам действительно нужно его скорректировать» [7, с. 126]. Это высказывание вполне логичное и верное, так как данный институт на самом деле сложился в то время, когда не то что совсем не было иных технических или других средств, которые могли бы каким-нибудь образом зафиксировать производство того или иного следственного действия, но уровень их развития был другой и не в полной мере отвечал потребностям практики. С развитием техники и научных технологий появились средства видеофиксации, которые в разы превосходят свойства человека и с лег-

костью могут запечатлеть весь ход следственного действия без участия иных лиц.

В этой связи российский законодатель 4 марта 2013 г. принял Федеральный закон № 23-ФЗ, которым в ст. 170 УПК РФ были внесены изменения, касающиеся участия понятых в ходе производства некоторых следственных действий. Согласно данным изменениям при производстве большинства следственных действий следователь вправе привлекать к участию понятых по собственному усмотрению, однако применение в таком случае технических средств фиксации хода и результатов следственного действия стало обязательным. Подобные изменения наделили правом правоохранные органы, осуществляющие предварительное расследование, не привлекать понятых к участию в осмотре места происшествия, тем самым избавив лицо, производящее следственное действие, от дополнительной обязанности по поиску понятых на месте происшествия, что иногда приводило к тому, что поиск гражданина, который в будущем станет понятым длился больше, чем проводимое следственное действие, а то и вовсе к привлечению лица, несоответствующего требованиям, указанным в УПК, что влекло за собой фальсификацию доказательств.

Отечественное уголовно-процессуальное законодательство в части института понятых также было несколько скорректировано. Так, в УПК были внесены указания о том, что в случаях, не терпящих отлагательства, либо при отсутствии реальной возможности обеспечить участие понятых следственное действие должно производиться с применением звуко- и видеозаписи.

Очевидно, что дальнейшее совершенствование данного института просто необходимо. В то же время не все исследователи разделяют подобную точку зрения. Так, Ф.Н. Багаутдинов, обосновывая необходимость сохранения института понятых в российском уголовном процессе, пишет: «В современный период с учетом состояния нашего следствия, дознания и правосудия, которые еще далеки до идеального, рано отказываться от института понятых. Нарушений в ходе следствия допускается немало. Поэтому речь должна идти не об упразднении института понятых, а о его совершенствовании» [2, с. 50–53]. Мнения о не просто сохранении, а о модернизации данного института не единичны. Так, В.Г. Ульянов высказался против отмены обязательного участия понятых в ходе осмотра места происшествия: «Изъятие института понятых при проведении осмотра места происшествия, как мне представляется, повлечет за собой и нарушения баланса процессуальных возможностей сторон. Достигнутое с большим трудом равновесие процессуального

положения обвинения и защиты на стадии предварительного расследования и дознания может быть разрушено. Это повлечет за собой автоматически нарушение принципа состязательности сторон» [6]. Есть авторы, которые вообще предлагают сделать участие понятых обязательным во всех без исключения следственных действиях [3, с. 57–60]. Однако можно встретить более «мягкие» мнения о рассматриваемом вопросе. Так, С.А. Шейфер полагает, что полный отказ от института понятых является ошибочным, так как многовековая практика применения этого института продемонстрировала его эффективность в удостоверении объективности полученных доказательств. В то же время в случаях возникновения опасности для жизни и здоровья понятых в ходе участия в следственном действии допускается возможность его производства и в их отсутствии, но с обязательной фиксацией хода и результатов с помощью технических средств [1, с. 52].

Профессор Б.Ф. Багаутдинов высказал мнение о необходимости формирования банка сведений о потенциальных понятых [2, с. 253]. Поскольку органам предварительного следствия и дознания нецелесообразно полагаться в своей работе на случайных людей и тратить время на поиски понятых. При современном уровне развития средств связи и систем оповещения банк данных сведений о потенциальных понятых, по мнению ученого, позволил бы оперативно вызвать надлежащего субъекта для участия в качестве понятого в нужный час и нужное место. Аналогичное мнение, направленное на обеспечение качественного состава понятых, высказывает и исследователь М. Селезнёв. Он полагает, что институт понятых должен существовать на постоянной основе, как например, институт присяжных заседателей в Российской Федерации, а список понятых должен формироваться путем случайной выборки из числа граждан соответствующего населенного пункта. В.М. Быков предлагает ввести институт дежурных понятых в каждом органе дознания и следственном аппарате [3, с. 34].

В противовес мнениям о сохранении и модернизации статуса данного участника уголовного процесса высказываются мнения о необходимости исключения института понятых из уголовного процесса. Так, А.В. Михайлов считает, что «с переходом к состязательному процессу институт понятых потерял свою актуальность как уникальное средство обеспечения безусловной достоверности доказательств. Анализ практики участия понятых при производстве следственных действий выявляет ряд противоречий и даже несуразностей... В современном же состязательном процессе единственное мерило достоверности фактов – свободное убеждение судьи или присяжных, сформированное в ходе анализа

доказательств в суде» [4, с. 29–31]. Некоторые авторы и вовсе институт понятых именуют «правовым пиршеством», на которое у государства попросту нет экономических ресурсов [5, с. 162–167].

Таким образом, можно отметить, что мнения ученых-процессуалистов по вопросу сохранения института понятых разделились. Следует отметить, что у следователя, и лица, производящего дознание, при поиске, привлечении и участии понятых в том или ином следственном действии появляется ряд трудностей. Например, сложность с поиском данных лиц, несоответствие требованиям, которыми должен обладать гражданин, чтобы он смог стать понятым и нежелание самих граждан участвовать в данном действии.

Проанализировав трудности, которые возникают при привлечении граждан к участию в том или ином следственном действии в качестве понятых, а также учитывая мнения ученых и практику зарубежных государств, можно прийти к выводу: в настоящее время существует спектр проблем, которые в ближайшее время должны быть подвергнуты комплексному теоретическому рассмотрению и решены на законодательном уровне. Обозначенные проблемы порождают почву для поиска наиболее оптимальных путей реформирования данного института. При этом все более популярной становится идея о замене понятых техническими средствами звуко- и видеозаписи. Следует обратить внимание на тот факт, что институт понятых сложился в то время, когда отсутствовали иные способы фиксации доказательств. С учетом прошлого и мирового опыта он объективно нуждается в корректировке.

Таким образом, институт понятых в уголовном процессе Республики Беларусь является достаточно проблемным и объективно нуждается в реформировании. Представляется, что отказываться от данного института на современном этапе будет преждевременно, поскольку понятые все-таки выполняют ряд значимых функций и выступают дополнительным гарантом прав личности в уголовном процессе. Однако в дальнейшем видится целесообразным сделать акцент на минимизацию случаев участия понятых за счет расширения возможностей использования средств звуко- и видеозаписи в уголовном процессе.

Список использованных источников

1. Шейфер, С.А. Проблемы допустимости доказательств требуют дальнейшей разработки / С.А. Шейфер // Государство и право. – 2001. – № 10. – С. 47–54.
2. Багаутдинов, Ф.Н. Институт понятых: совершенствовать, а не упразднить / Ф.Н. Багаутдинов // Законность. – 2012. – № 4. – С. 50–53.
3. Быков, В.М. Участие народа в правосудии начинается с понятого / В.М. Быков // Мировой судья. – 2014. – № 6. – С. 57–60.

4. Михайлов, А.В. Институт понятых – архаизм российского уголовного судопроизводства / А.В. Михайлов // Законность. – 2003. – № 4. – С. 29–31.

5. Пешков, М.А. Участие понятых в некоторых следственных действиях в уголовном процессе Российской Федерации стало необязательным / М.А. Пешков // Новый юрид. журн. – 2013. – № 3. – С. 162–167.

6. Ульянов, В.Г. Обязательно ли участие понятых при производстве следственных действий? / В.Г. Ульянов // Право и политика. – 2012. – № 6. – С. 170–174.

7. Гарипов, Т.И. Институт понятых в уголовном судопроизводстве России: быть или не быть? / Т.И. Гарипов // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2017. – № 1. – С. 124–128.

УДК 343.985

Д.В. Ковалевич, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.А. Шаматульский

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Как известно, одной из отличительных особенностей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), является право последних на привлечение граждан к оказанию им содействия на конфиденциальной основе. В своей повседневной деятельности органы, осуществляющие ОРД, активно пользуются данным правом в целях выполнения задач ОРД. В научной литературе в широком смысле указанный способ действий получил название «Агентурный метод» [1]. Агентурный метод существует с самого начала формирования теории и практики ОРД и продолжает активно использоваться в настоящее время. В связи с этим можно с уверенностью утверждать, что данный метод успешно прошел проверку временем и по праву считается одним из самых эффективных и неотъемлемых элементов ОРД, без которого достичь каких-либо значимых результатов для решения задач ОРД будет весьма затруднительно.

Вопросы, возникающие в указанной сфере, достаточно подробно урегулированы действующим законодательством, однако, несмотря на это, в настоящее время все же остается ряд неразрешенных проблемных аспектов, которые требуют юридически грамотного решения. Ведь граждане, конфиденциально сотрудничающие с правоохранительными

ми органами в борьбе с преступностью, часто подвергают риску самое ценное: свою жизнь, здоровье и имущество, а значит нуждаются в тщательно продуманном и эффективном механизме защиты со стороны государства. В связи с чем предлагаем рассмотреть зарубежный опыт организации и функционирования института защиты лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, и сравнить его с законодательством Республики Беларусь. Ведь использование положительного опыта зарубежных стран в том или ином правовом явлении может помочь вычленив существующие проблемы в национальном законодательстве и определить пути их эффективного разрешения.

Так, на наш взгляд, интересным для изучения представляется исследование опыта правового регулирования мер по обеспечению безопасности лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, существующий в Соединенных Штатах Америки (США), Великобритании, Федеративной Республики Германии (ФРГ) и Италии.

Проанализировав законодательство США в сфере защиты лиц, следует вывод, что основное внимание уделяется материальной компенсации ущерба, причиненного лицам-конфидентам и их близким родственникам в результате преступного деяния, причем данная компенсация включает в себя не только прямые убытки, но и понесенные расходы на консультации и медицинскую помощь, юридические услуги и т. д. Например, в настоящее время участники программы защиты свидетелей получают материальную помощь первые несколько лет – от 60 000 \$ до 130 000 \$ в год, в среднем на человека.

В.В. Агафонцев, анализируя Закон США «О защите жертв и свидетелей преступлений», отмечает его весьма высокую социальную направленность, так как эти нормы предусматривают обязательную помощь потерпевшему и свидетелю в судебном разбирательстве, в том числе представление в случае необходимости транспортного средства для посещения суда, услуги по кратковременному присмотру за детьми, временному ведению домашнего хозяйства и многое другое.

Согласно положению одного из основных правовых актов, регламентирующих государственную защиту свидетелей в США – Акта об усилении безопасности свидетеля, принятого Конгрессом США 12 октября 1984 г., основная роль при организации и применении мер по обеспечению безопасности свидетелей отведена Министру юстиции [2]. В таком случае Министр юстиции правомочен предусматривать смену места жительства и защиту свидетелей, представителей федерального пра-

вительства во время официальных процессов, касающихся организованной преступной деятельности или других серьезных преступлений, если он допускает вероятность совершения насильственного преступления против конфидента, участвующего в уголовном процессе. Кроме того, он имеет право на выдачу защищаемому лицу законно оформленных новых документов, обеспечение его жильем, оказание помощи в перевозке домашней мебели и другой личной собственности на новое место жительства, а также на обеспечение защищаемого лица необходимым прожиточным минимумом. При этом дополнительно предусмотрена обязанность Министра юстиции оказать помощь в поиске работы и обеспечить всеми видами других (иных) услуг для самостоятельного проживания защищаемого лица, его семьи и близких родственников в случае возникновения необходимости.

Так, можно отметить положительные стороны мер по обеспечению безопасности, применяемых к конфидентам в США. В частности, заслуживает внимания социальная направленность данного процесса и его централизованность. Иными словами, стоит отметить, что Федеральная программа по защите свидетелей предусматривает правовую и социальную защиту, которая в значительной степени расширена по сравнению с действующим законодательством Республики Беларусь. Наличие такой обширной социальной и правовой защиты, в свою очередь, положительно влияет и на ряд иных вопросов, например, касающихся побуждения (мотивации) граждан к более активному содействию органам, осуществляющим ОРД.

Институт защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД, в Великобритании весьма сходный с вышерассмотренным аналогичным институтом в США.

Однако, что касается опыта Великобритании, в 1990 г. правительством была принята Хартия жертв преступлений, в которой освещались вопросы обеспечения безопасности свидетелей. Данным правовым актом предусматривалась выплата денежной компенсации (причем минимальная выплата жертвам преступного поведения составляет 1 000 фунтов стерлингов), а для реализации данной задачи было создано специальное ведомство, находящееся в прямом подчинении Министерства юстиции [3]. Кроме того, в Хартии жертв преступлений детально прописана сумма денежных средств, которые получал гражданин за каждое увечье, смерть и другие последствия.

Таким образом, подводя промежуточный итог анализа законодательства стран с англосаксонской правовой системой, можно отметить, что данные страны:

отдают преимущественное право материальной стороне рассматриваемого вопроса;

предоставляют весьма обширный социальный пакет гарантий защищаемых лиц, членов их семей и близких родственников;

создают отдельные централизованные органы, занимающиеся непосредственно вопросами защиты лиц-конфидентов.

Далее рассмотрим институт защиты лиц-конфидентов на примерах стран с романо-германской правовой системой.

Так, в Италии в 1984 г. была принята Программа по защите свидетелей, руководство которой было возложено на Министерство внутренних дел. 6 августа 1992 г. итальянский парламент одобрил Закон от 8 июня 1992 г. № 306 «О внесении срочных изменений в новый Уголовно-процессуальный кодекс и мерах по борьбе с мафиозной преступностью» [2; 4]. Законопроект был подготовлен Министерством юстиции и Министерством внутренних дел в связи со сложной на тот момент криминогенной обстановкой в стране. Основная направленность всех мер по защите лиц-конфидентов сводилась к обеспечению конфиденциальности сведений о сотрудничестве лица с правоохранительными органами. Это выражалось в следующем:

присутствие непосредственно в зале судебного разбирательства лица, согласившегося оказывать содействие на конфиденциальной основе, было не обязательно. Он мог давать показания «на расстоянии» – с помощью технических средств;

в случае возникновения необходимости (угроза жизни, здоровью и иное) перевод лица-конфидента из одного исправительного учреждения в другое;

предусматривался весьма строгий режим работы с документами, относящихся к свидетелям из числа конфидентов, направленный на обеспечение принципа конспирации;

использование документов прикрытия, а также обеспечения новыми личными документами с изменением общих анкетных данных и др.

Как итог – с течением времени вышеуказанные меры помогли весьма успешно сократить до минимума уровень мафиозной преступности в стране.

Далее рассмотрим институт защиты лиц-конфидентов на примере ФРГ. Вообще в ФРГ защита свидетелей длительное время не находила своего законодательного закрепления. Однако в 1989 г. Министерство внутренних дел и Министерство юстиции ФРГ образовали совместную комиссию для решения проблем борьбы с организованной преступностью. В ходе работы указанной комиссии были разработаны предложе-

ния по совершенствованию деятельности правоохранительных органов в сфере обеспечения безопасности свидетелей. Результатом данной деятельности стало принятие в 1990 г. Общих указаний федеральным и земельным министрам юстиции и внутренних дел по охране свидетелей, а также в 1998 г. Закона «О регулировании вопросов обеспечения защиты свидетелей, которым угрожает опасность» [5]. Данные нормативные правовые акты обеспечили создание специальных органов по охране свидетелей (координационные пункты охраны свидетелей), предусмотрев их цели, задачи и функции. Указанные подразделения были созданы при уголовной полиции земель и Федеральном управлении уголовной полиции. Координационные пункты охраны свидетелей самостоятельно определяли меры охраны свидетелей и координировали деятельность соответствующих подразделений полиции в указанной сфере. Данная практика охраны свидетелей позволяла исключить излишние контакты защищаемого лица с различными структурными подразделениями правоохранительных органов, тем самым обеспечивая их надлежащую безопасность, а также возможность беспрепятственного сотрудничества и содействия в раскрытии преступлений.

В.А. Казакова, анализируя законодательство ФРГ в области защиты свидетелей, выделила два типа применения мер по обеспечению безопасности свидетелей:

долговременная защита, обеспечиваемая всеми полицейскими методами, в том числе физическая охрана свидетеля в суде;

мероприятия, обеспечивающие недосыгаемость свидетеля в ходе следствия и судебного разбирательства, сохранение в тайне его местонахождения (исключение любых контактов со страховыми фирмами, банками, другими организациями). В обоих случаях защищаемым лицам оказывалась необходимая социальная помощь [5].

Проведя данное исследование, можно сформулировать следующие основные выводы.

Институт защиты лиц-конфидентов находит свое активное отражение в законодательстве зарубежных стран как с англосаксонской, так и романо-германской системой права. При этом можно отметить следующие основные положительные моменты:

наличие законодательно закрепленного весьма обширного социального пакета гарантий защищаемых лиц, членов их семей и близких родственников, который предусматривает больше социальных и правовых гарантий, нежели отечественное законодательство;

внушительный прямо закрепленный законодательством материальный аспект, который помимо возмещения причиненного вреда защищаемому лицу включает в себя и компенсацию понесенных расходов

данным лицом. Помимо всего вышесказанного, на наш взгляд, способствует побуждению (мотивированию) лиц оказывать конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД;

создание и функционирование отдельных узконаправленных специализированных централизованных органов, непосредственной компетенцией которых является обеспечение защиты лиц-конфидентов членов их семей и близких родственников.

В целом в законодательстве Республики Беларусь в части защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД, прослеживаются сходные позиции. Но, на наш взгляд, ряд некоторых вопросов может быть позаимствован и внедрен в отечественное законодательство с учетом особенностей нашей правовой системы и порядка функционирования правоохранительных органов в Республике Беларусь.

Так, на наш взгляд, отдельные нормы законодательства в части, касающейся защиты лиц, носят в некоторой мере усеченный характер, нежели отдельные нормы зарубежного законодательства в этой же сфере. Считаем, данные нормы подлежат более полной детальной регламентации отдельных положений действующего законодательства Республики Беларусь, особенно в частях, касающихся предоставления социальных гарантий (которые могут быть расширены в пользу лиц-конфидентов) и повышению, а также прямому закреплению и отражению в законодательстве сумм материальных выплат, полагающихся лицам-конфидентам, членам их семей и близким родственникам в случае возникновения необходимости. Это будет одновременно мотивировать последних к более активному содействию с правоохранительными органами, а также будет способствовать созданию централизованных органов, к непосредственной компетенции которых будут относиться вопросы по обеспечению безопасности лиц-конфидентов не только в подразделениях органов внутренних дел и органов государственной безопасности, которые наделены правом непосредственной реализации мер по обеспечению безопасности граждан, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе в соответствии с Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» [6], но и в каждом отдельном органе, наделенном правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность [7].

Список использованных источников

1. Лобзов, К.М. Агентурный метод в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-методологический анализ) // Оперативник (сыщик). – 2012. – № 1 (30). – С. 17.

2. Епихин, А.Ю. Законодательство зарубежных стран, обеспечивающее безопасность участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // ЛитМир. – Режим доступа: <http://www.litmir.me/br/?b=8421>. – Дата доступа: 15.06.2020.

3. The Criminal Injuries Compensation Authority [Электронный ресурс] / Уголовные травмы и компенсация. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/organisations/criminal-injuries-compensation-authority>. – Дата доступа: 15.06.2020.

4. Зайцев, О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.А. Зайцев ; ВНИИ М-ва внутр. дел России. – М., 1999. – 22 с.

5. Казакова, В.А. Новый закон об обеспечении социальной и правовой защиты свидетелей в ФРГ / В.А. Казакова // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 79–91.

6. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. Ковалевич, Д.В. Некоторые проблемные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности по обеспечению безопасности отдельных категорий защищаемых лиц / С.И. Бординович, Д.В. Ковалевич // I Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Ч. 2. – С. 336–340.

УДК 343.985

Е.С. Ковалевский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *А.Г. Желобкович*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНОГО СОТРУДНИКА В ТИПИЧНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ СИТУАЦИЯХ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

В процессе решения конкретных задач оперативно-розыскной деятельности (ОРД) оперативному сотруднику (ОС) приходится действовать в сложной, неординарной обстановке. Необходимо отметить, что характер преступной деятельности, с которой сталкивается ОС, определяется именно вышеназванной обстановкой.

Формирование понятия оперативно-розыскной ситуации (ОРС) требует уяснения сущности явлений, в связи с которыми она возникает. Толкование определения ОРС осуществлялось в работах И.П. Козаченко, И.И. Басецкого, А.С. Борщева, С.С. Овчинского, В.А. Лукашова, В.Г. Самойлова и ряда других авторов.

Каждая отдельно взятая ОРС отражает нетривиальность определенного этапа работы с оперативно-розыскной информацией. Во всех ситуациях также присутствует ряд признаков, которые соединяют ее с другими ситуациями такого же типа. Особенностью типовых ситуаций является то, что при них может использоваться набор средств, применявшихся при предшествующем разрешении аналогичных ситуаций. Наличие типовых ситуаций в теории ОРД, в значительной мере способствует скорейшему, более рациональному и поступательному выявлению взяточничества.

В.П. Шиенок аргументирует важность типологии ОРС двумя блоками причин: делением ситуаций на определенные классы, что создает необходимые гносеологические предпосылки для детального изучения теорией ОРД; потребностями оперативно-розыскной практики в получении научно обоснованных рекомендаций применительно к действиям в условиях ситуаций того или иного типа [1, с. 129].

Исходя из вышеназванной классификация ОРС приобретает веское значение.

Для более наглядного представления о классификации ОРС приведем в пример В.Г. Самойлова, который в своих научных трудах делит ОРС:

- по возможности достижения желаемого результата (благоприятные и неблагоприятные);

- по степени повторяемости (типичные и специфичные);

- по времени возникновения (начальные, промежуточные и конечные) и др. [2, с. 710–711].

Изучив теоретические аспекты, касающиеся понятия, классификации ОРС, считаем необходимым привести авторскую классификацию ОРС выявления взяточничества, которая, на наш взгляд, в полной мере охватывает весь процесс деятельности ОС с оперативно значимой информацией и взяточником. ОРС классифицируются в зависимости:

- от источника получения информации о взяточничестве: оперативные источники, заявления граждан, обращения должностных лиц;

- характера полученной информации: информация о конкретном эпизоде взятки; информация о совершенном факте взяточничества;

- поведения взятополучателя после задержания, на этапе проведения процессуальных, оперативно-розыскных мероприятий: вину признает, дает правдивые показания; вину отрицает, дает ложные показания.

Разберем далее по блокам деятельность ОС в типичных ОРС.

Предположим, что складывается, формируется такая ОРС, когда гражданин сам приходит в ОВД с заявлением о том, что определенное

должностное лицо требует от данного гражданина вознаграждение за совершение им действий, входящих в его компетенцию. В данном случае проводится опрос заявителя, при котором необходимо выяснить следующие обстоятельства: место формирования требования о даче взятки, время; характер личных, деловых взаимоотношений взяточника и заявителя; конкретизация вымогательства взятки со стороны должностного лица; что требует передать вымогатель в качестве предмета взятки, за какое конкретно действие (бездействие); согласие заявителя на оказание помощи ОВД в изобличении получателя взятки; предупреждение об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, а также любую другую информацию, которая может помочь в выявлении взяточничества.

Согласно ст. 1 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» ОС вправе осуществлять ОРД, гласно или негласно. Для установления достоверности полученной информации осуществляется негласная проверка представленных заявителем данных.

В случае обращения должностного лица с заявлением о предложении ему взятки, выясняются все те же обстоятельства, что и при первом случае, дополнительно истребуется должностная инструкция, приказ о назначении. Отличительная черта – выяснение мотива обращения должностного лица в ОВД, установление возможных фактов получения им взяток ранее и др.

При проверке анонимной информации, помимо вышеуказанных сведений, следует установить лицо, ее предоставившее. В этих целях организуется изучение окружения предполагаемого взяточника: знакомых, родственников, сослуживцев и иных лиц, обращавшихся к нему в связи со служебной деятельностью.

Следующий блок ОРС необходимо отождествлять с характером полученной информации. При получении информации о конкретном эпизоде взятки разрабатывается план тактической операции, которая включает два этапа. Первый этап – подготовительный. Он состоит из следующих действий:

- подготовка предмета взятки;

- инструктаж заявителя;

- изучение места происшествия;

- подготовка следственно-оперативной группы и инструктаж ее участников;

- подготовка технических средств;

- подготовка процессуальных документов;

- скрытое перемещение ОС к месту задержания, расстановка сил и распределение обязанностей;

- скрытое наблюдение за заявителем и взятополучателем.

Почти все служебные действия должностных лиц находят отражение в документах. Их проверка не только позволяет вскрыть новые факты взяточничества, но и расширяет информацию о круге лиц, виновных в даче взятки [3, с. 78]. В.В. Степанов предлагает все документы по делам о взяточничестве условно классифицировать:

- на фиксирующие организацию, структуру, характер деятельности организации;

- устанавливающие компетенцию должностного лица;

- регламентирующие порядок прохождения и разрешения вопросов и др. [4, с. 132–133].

При доскональном изучении служебных документов на факт взяточничества могут указывать такие данные, как наличие признаков подделки в документах; отступление от регламентированного правовыми актами порядка оформления документов; нарушение установленных сроков исполнения документа; несоблюдение действующих требований о полноте представляемых материалов, необходимых для принятия решения [5, л. 180].

Следующий блок ОРС касается поведения взяточполучателя после задержания, на этапе проведения процессуальных, оперативно-розыскных мероприятий (вину признает, дает правдивые показания; вину отрицает, дает ложные показания).

После установления характера полученной информации, ее проверки целесообразно проведение задержания. Алгоритм действий может быть следующим:

- задержание взяточполучателя;

- освидетельствование взяточполучателя. С помощью ультрафиолетовых осветителей на теле и одежде взяточполучателя выявляют красящее вещество, которым был обработан предмет взятки;

- осмотр места происшествия.

Осмотр предмета взятки начинается с исследования состояния его упаковки и выявления химических реагентов, а также следов рук взяточполучателя. После этого необходимо получить объяснение у задержанного лица.

В условиях взаимодействия ОС с задержанным возникает диалог. Умение использовать диалог для поисков и установления истины можно считать признаком высокой культуры ОС. Оперативно-розыскной практике известно большое количество разнообразных психологических приемов, однако при опросе лиц, которые признают свою вину, чаще всего необходимо применять следующие приемы:

- убеждение;

- максимальная детализация показаний;

- предъявление доказательств;

- использование эффекта внезапности;

- использование психологических особенностей и состояния личности.

Не рекомендуется при первом опросе лица, заявившего в совершенном преступлении, уделять внимание юридической оценке его действий. Основной акцент правильнее поставить на изучении фактической стороны происшедшего, и, в соответствии с этим, должна строиться тактика опроса подозреваемых, признающих свою вину.

Для избрания тактики опроса подозреваемого, отрицающего причастность к совершению преступления, необходимо учитывать следующее.

Наиболее распространенными мотивами дачи заведомо ложных показаний подозреваемых являются:

- уверенность опрашиваемого в невозможности раскрыть преступление;

- желание избежать ответственности за совершенное преступление или уменьшить свою вину, либо понести наказание не за совершенное, а за менее тяжкое преступление – действительное или мнимое;

- боязнь мести со стороны заинтересованных лиц;

- желание скрыть соучастников преступления или смягчить их вину в силу дружеских, семейных, родственных и иных связей; из корыстных побуждений;

- стремление оговорить соучастников из мести или в целях обеспечения собственной безопасности в будущем;

- недоверие опрашиваемого к ОС, личная неприязнь ОС к опрашиваемому.

Рассмотрим основные особенности опроса подозреваемого, отрицающего причастность к совершению преступления.

Отметим, что они состоят в применении следующих общих тактических примеров опроса:

- использование косвенного опроса;

- детализируются показания подозреваемого;

- получение подробных объяснений по установленным фактам;

- выявляются противоречия установленным фактам и пользуются противоречия в показаниях подозреваемого;

- различные комбинации предъявления опрашиваемому доказательств (сначала наиболее весомое, либо предъявление доказательств по нарастающей, от менее весомого к более весомому).

В случае абсолютного отрицания причастности к совершению преступления основной тактический прием опроса – использовать косвенный метод, т. е. выяснение обстоятельств, связанных с интересующими, но не напрямую, а посредством косвенных вопросов. Вторым рекомендуемым общим методом является детализация показаний подозреваемого.

Таким образом, мы изложили информацию о классификации ОРС при выявлении взяточничества и о разработке порядка действий ОС в данных ситуациях. ОРС при выявлении взяточничества необходимо классифицировать в зависимости от источника получения информации: оперативные источники, заявления граждан, обращения должностных лиц; характера полученной информации: информация о конкретном эпизоде взятки; информация о совершенном факте взяточничества; поведения взяточполучателя после задержания, на этапе проведения процессуальных, оперативно-розыскных мероприятий: вину признает, дает правдивые показания; вину отрицает, дает ложные показания.

Определение, научно-обоснованная классификация типичных ОРС, возникающих при совершении взяточничества, позволят выработать алгоритм деятельности сотрудников правоохранительных органов, детализировать их действия по сбору, систематизации информации с целью доказывания факта совершения рассматриваемого вида преступлений.

Следует также отметить, что довелось перечислить лишь приблизительно основные схемы выявления взяточничества в различных ОРС. Какие именно будут проводиться оперативно-розыскные и иные мероприятия, их последовательность, зависит от объема имеющейся информации и ее достоверности. Непосредственное планирование работы зависит от профессиональной подготовки и опыта оперативного сотрудника, организационных возможностей оперативного подразделения (наличие транспорта, технического обеспечения), профессионализма его сотрудников, психологического контакта оперативного сотрудника с заявителем и другими участниками оперативно-розыскной деятельности и многих других моментов, определяющих принятие решений оперативным сотрудником в конкретный момент ОРД.

Список использованных источников

1. Шиенок, В.П. Оперативно-розыскная тактика органов внутренних дел. Теоретические основы, правовые и организационные проблемы : монография / В.П. Шиенок ; под ред. И.И. Басецкого ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск, 1995. – 160 с.

2. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / Ю.С. Блинов [и др.] ; под ред. К.К. Горяинова [и др.]. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 848 с.

3. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / Ю.С. Блинов [и др.] ; под ред. К.К. Горяинова [и др.]. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 848 с.

4. Степанов, В.В. Расследование взяточничества : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / В.В. Степанов ; Саратов. юрид. ин-т. – Саратов, 1964. – 20 с.

5. Лямин, С.В. Использование криминалистических методов при расследовании взяточничества в правоохранительных органах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.В. Лямин. – Саратов, 2003. – 231 л.

УДК 343.985

И.Ю. Козлов, И.А. Бойко, курсанты уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *П.Л. Боровик*

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ, ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В последние годы преступность в сфере высоких технологий приобрела транснациональный, организованный, профессиональный и экономически направленный характер, став одной из угроз национальной безопасности нашей страны. Одной из проблем, стоящих перед сотрудниками органов внутренних дел, при раскрытии таких преступлений является установление личности субъектов преступления, которые нередко реализуют довольно продуманные приемы ее сокрытия. В связи с этим возникают проблемы в доказывании причастности к совершенным преступлениям конкретного лица, а также сложности в установлении всех эпизодов его преступной деятельности. Все это обуславливают необходимость проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) и процессуальных действий с использованием современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Теоретические основы развития новых направлений использования ИКТ в оперативно-розыскной и оперативно-служебной деятельности ОВД были даны в работах Н.Н. Ахтырской, В.П. Бахина, П.Л. Боровика, В.Б. Вехова, А.З. Игнатюка, С.М. Илюхина, Р.А. Калужного, В.И. Ки-

рина, В.Е. Козлова, В.П. Кувалдина, Д.Н. Лахтикова, Н.А. Лопашенко, А.С. Овчинского, В.С. Овчинского, С.С. Овчинского, А.Л. Осипенко и других ученых.

Обзор литературных источников показывает, что содержащиеся в них методические рекомендации по раскрытию преступлений оперативными подразделениями с использованием ИКТ носят отрывочный характер и ограничиваются, как правило, составами преступлений в сфере информационной безопасности (ст. 349–355 Уголовного кодекса Республики Беларусь) и хищения путем использования компьютерной техники (ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Считаем, что это не вполне оправданно. В литературе, посвященной данной проблематике, справедливо отмечается, что современный криминальный мир уже не представляет своего преступного функционирования без возможностей сети Интернет, поэтому проведение ОРМ с использованием ИКТ должно стать главенствующим в борьбе с новейшими угрозами в условиях функционирования государства [1, с. 67]. В этой связи особого внимания заслуживают результаты научных исследований С.С. Овчинского, который впервые, по нашему мнению, определил роль и место ИКТ в оперативно-розыскной деятельности (ОРД) правоохранительных органов. Осуществляя прогноз основных тенденций информационного обеспечения ОРД, ученый сформулировал следующую их совокупность:

формирование сетевой компьютерной разведки в новое самостоятельное направление деятельности правоохранительных органов;

выделение аналитической разведки в самостоятельное направление деятельности специализированных оперативных подразделений криминальной милиции;

аналитическое решение оперативных поисковых задач;

решение задач ОРД в условиях информационно-технического противодействия;

целенаправленное использование возможностей мультимедийных компьютерных технологий, средств массовой информации, интернета, радиозфира и телекоммуникаций в противодействии организованной преступности в сфере информационных технологий [2, с. 167].

Очевидно, что в современных условиях залогом эффективной деятельности по раскрытию преступлений является надлежащее ее информационное обеспечение, предоставляющее возможность оперативному сотруднику органов внутренних дел адекватно и уверенно ориентироваться в сложной современной информационной среде.

В последние десятилетия широкое распространение получила деятельность по получению информации из открытых информационных

источников. Для характеристики подобной деятельности активно используются понятия «компьютерная разведка», «компьютерный поиск», «аналитическая разведка в интернете», «компьютерный мониторинг», «киберразведка» и пр.

В контексте рассматриваемой проблемы следует отметить, что под термином «разведка» в широком смысле этого слова понимаем, с одной стороны, деятельность субъекта по добыванию сведений об имеющихся и потенциальных угрозах его существованию и интересам, т. е. о действующем или вероятном противнике, а с другой – организационную структуру, силы и средства для осуществления этой деятельности. Данная категория является чрезвычайно емкой, вобравшей в себя огромное многообразие деятельности как по тайному, так и по открытому получению самой разнообразной информации и по применению для этого самых разнообразных средств и методов. Более того, не будет преувеличением сказать, что понятие «разведка» в определенной степени отражает многовековой опыт борьбы за информацию, которая велась на протяжении всей истории человечества. Такое понимание разведки можно использовать в раскрытии содержания компьютерной разведки.

Некоторые ученые предлагают использовать компьютерную разведку в качестве оперативно-поискового мероприятия, заключающегося в целенаправленном поиске и извлечении информации из компьютерных систем и сетей, доступ к которым не ограничивается их собственником, владельцем или держателем или не связан с преодолением системы логической защиты, осуществляемым сотрудниками оперативных подразделений с целью получения сведений криминального характера [3, с. 110]. Соглашаясь, по существу, с такой позицией, нельзя не отметить целесообразность дальнейшего исследования данной проблемы. Полагаем, что в этой ситуации необходимо не только тщательно проработать организационные аспекты проведения соответствующих мероприятий, но и должным образом проанализировать правовую базу, на основе которой они будут осуществляться.

Рассматривая понятие компьютерной разведки, было бы также не лишним обозначить возможности внедрения и использования современных ИКТ на этапе проведения ОРМ с целью получения оперативно значимой информации.

Так, обозначая проблему выявления постоянных каналов получения оперативно значимой информации непосредственно в интернете, А.Л. Осипенко справедливо считает, что важным и актуальным является упорядочивание этих каналов и оптимизация поступающих из них информационных потоков. Ученый предлагает с позиции оперативно-

розыскной науки системно исследовать закономерности отражения оперативно-розыскной информации в интернете и особенности применения разведывательно-поисковых методов для ее обнаружения, получения, проверки и фиксации [4, с. 14].

Подчеркивая важность рассматриваемой проблемы, следует отметить, что особенности технологической среды информационного пространства оказывают влияние не только на способы совершения преступлений и специфику следов преступной деятельности, но и на выбор технических средств, которые применяются в процессе раскрытия преступлений.

Следовательно, особые условия проведения ОРМ в информационном пространстве интернета формируются под воздействием: уникальных свойств информационного сетевого пространства; необычных (по сравнению с традиционными) качеств высокотехнологичных преступлений; особенностей сетевой криминогенной среды.

Рассматривая специфику добывания оперативно важной информации в интернете в ходе осуществления ОРМ, следует выделить следующие криминогенные объекты:

- места сетевого общения криминально настроенных лиц;
- информационные ресурсы, которые содержат оперативно значимые сведения.

Оперативно значимая информация концентрируется на сетевых криминогенных объектах в виде:

- сообщений лиц, которые осведомлены об обстоятельствах подготовки и совершения преступлений (форумы, чаты, сообщения в интернет-мессенджерах);
- ссылок на сетевые адреса информационных ресурсов, содержащих оперативно значимые сведения;
- следов противоправной деятельности.

Повышение эффективности компьютерной разведки предполагает применение контент-анализа, представляющего собой аналитический метод исследования содержания информационных ресурсов с целью выявления и измерения характеристик социальных явлений, которые получили в них отражение. Применение контент-анализа в ОРД обеспечивает:

- обнаружение признаков присутствия в массивах информации;
- получение данных о планируемых событиях, которые требуют оперативно-розыскного реагирования;
- выявление сведений о криминальных событиях, которые получили отражение в анализируемых текстах сообщений.

Более сложной формой добывания оперативно-розыскной информации в информационном пространстве считается наблюдение за закрытыми для общего доступа местами общения криминальной направленности. Данное направление компьютерной разведки предполагает постоянное изучение сообщений, которые публикуются в чатах, конференциях, форумах, и обеспечивает возможность получать сведения о намерениях участников организованных преступных групп, узнавать детали замысливаемых деяний, устанавливать их связи между собой, следить за их перемещениями, выявлять признанных лидеров, вести подбор лиц для привлечения к сотрудничеству. В подобных местах постоянно появляются индикаторы, которые сигнализируют о криминальной активности конкретных субъектов: объявления о поиске поставщиков средств достижения противоправных целей, сообщения о подборе соучастников противоправной деятельности и др.

Очевидно, что для решения оперативно-служебных задач неизбежно применение современных информационных новшеств в области поиска и фиксации информации при раскрытии и расследовании уголовных дел, в которых в качестве доказательств фигурирует электронная информация, получение и анализ которой без использования информационных технологий затруднено или практически невозможно.

В связи с этим целесообразно выделить основные задачи, решаемые оперативными подразделениями с помощью информационных технологий:

- обеспечение органов дознания и следствия информацией оперативного и процессуального назначения;
- выявление и фиксация электронных следов и доказательств противоправной деятельности конкретных лиц, представляющих оперативный интерес;
- обеспечение документирования преступных действий лиц, представляющих оперативный интерес;
- обеспечение информационной безопасности субъектов оперативно-розыскной деятельности;
- использование средств компьютерной техники в качестве средств связи (электронная почта, мессенджеры).

Специфика решаемых задач в информационной среде накладывает отпечаток и на облик применяемых методов и средств. Так, основные актуальные и самостоятельные направления использования информационных технологий в ОРД ОВД могут быть сформулированы в следующем виде:

проведение разведывательно-поисковых мероприятий в информационной среде, в том числе в закрытом и неиндексируемом сегменте сети Интернет (компьютерная разведка);

установление физического местонахождения криминальной компьютерной информации и ее автора (телекоммуникационная разведка);

накопление, систематизация и анализ полученной информации для использования ее в деятельности оперативных подразделений ОВД (аналитическая разведка);

использование экспертных систем, позволяющих обрабатывать значительные массивы информации, содержащейся в средствах массовой информации и автоматизированных банках данных, выделяя из нее сведения, представляющие оперативный интерес;

идентификация лиц и документирование их преступных действий с использованием аппаратно-программных средств оперативной информации, получаемой в ходе осуществления компьютерной разведки;

обеспечение комплексной информационной безопасности подразделений ОВД (осуществление мероприятий по защите информации ограниченного распространения, информационно-техническое противодействие криминальному проникновению в оперативно-служебную деятельность ОВД, защита оперативных подразделений от дезинформации и т. п.);

предупреждение и раскрытие преступлений, совершаемых с помощью информационных технологий.

В настоящее время востребованным и эффективным является создание программно-технического комплекса мониторинга информационного пространства социальных сетей, при помощи которого возможен поиск информации по ключевым словам и предложениям, анализ изображений, размещаемых в социальных сетях, а также осуществление контроля за действиями пользователей, ранее привлекавшихся к ответственности за совершение преступлений при помощи СКТ.

Обобщая изложенное, следует сформулировать следующие выводы: проблемы использования в раскрытии преступлений всего потенциала современных ИКТ – актуальные и ключевые. Их теоретическое осмысление – объективная потребность и необходимое условие эффективного противодействия высокотехнологичной преступности;

существенное повышение эффективности раскрытия преступлений может быть достигнуто путем широкого использования возможностей современных ИКТ, совершенствования организации и тактики их применения в ходе раскрытия преступлений.

Вышеприведенные обстоятельства обосновывают актуальность осуществления научных изысканий в обозначенной сфере и определяют задачи, связанные с выработкой соответствующих научно обоснованных практических рекомендаций.

Список использованных источников

1. Алябьев, А.А. Проблемы осуществления оперативно-розыскных мероприятий в информационном пространстве сети Интернет / А.А. Алябьев, А.В. Лагуточкин // Проблемы правоохран. деятельности. – 2013. – № 1. – С. 66–72.
2. Овчинский, С.С. Оперативно-розыскная информация / С.С. Овчинский ; под ред. А.С. Овчинского и В.С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 366 с.
3. Мовчан, А.В. Отдельные аспекты применения компьютерной разведки в оперативно-розыскной деятельности / А.В. Мовчан // Проблемы правоохран. деятельности. – 2014. – № 2. – С. 109–115.
4. Осипенко, А.Л. Новые технологии получения и анализа оперативно-розыскной информации: правовые проблемы и перспективы внедрения / А.Л. Осипенко // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2015. – № 2. – С. 12–18.

УДК 343.98

Е.А. Костюков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

В.И. Елётнов

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА В ХОДЕ ДОПРОСА

Любой вид допроса всегда начинается с установления психологического контакта, что предполагает состояние общения, которое может привести к наилучшим для обеих сторон результатам. Психологический контакт обуславливает получение доказательств, способствующих установлению объективной истины, высокой культуре судопроизводства.

По мнению некоторых авторов, установление психологического контакта представляет собой самостоятельную стадию допроса [1, с. 281]. Однако, на наш взгляд, ввиду своей ситуативности (может иметь место, а может и отсутствовать) и динамизма он представляет собой скорее условие для проведения допроса, а не его самостоятельную стадию.

Ученые-криминалисты полагают, что психологический контакт – особое психологическое состояние, при котором люди желают и могут

воспринимать сведения, исходящие друг от друга, что применительно к допросу проявляется в желании допрашиваемого давать истинные, правдивые показания [2].

С целью установления психологического контакта в ходе допроса может применяться совокупность тактических приемов и средств, направленных на создание благоприятных условий общения между следователем и допрашиваемым, необходимых для достижения взаимопонимания, готовности к обмену и передачи требуемой информации [3, с. 68].

Исследуя тактические приемы, свойственные для установления контакта, криминалисты в целом выражают сходные мнения. Различия касаются лишь отдельных нюансов терминологического характера.

Например, Н.И. Порубов пишет, что тактическими приемами в этой стадии допроса являются «беседа», «снятие напряженности», «устранение эмоционального и смыслового барьера», «проявление понимания» [4, с. 134].

А.В. Дулов в их числе называет приемы: возбуждение интереса допрашиваемого к допросу; обращение к закону; разъяснение значимости необходимой информации; ознакомление с обстоятельствами, влияющими на степень вины и др. [5, с. 317–319].

В.Ю. Шепитько подразделяет данные тактические приемы на две группы: направленные на уточнение сведений анкетно-биографического характера; беседу на отвлеченную или интересующую тему; демонстрацию следователем осведомленности о личности допрашиваемого, его интересах; стимулирующие установку на необходимость общения: разъяснение важности правдивых показаний; убеждение в важности оказания помощи органам расследования; разъяснение последствий совершенного преступления; демонстрация фотоснимков, связанных с совершенным преступлением, и др. [6, с. 137–140].

Устанавливая контакт с лицом, потенциально способным сотрудничать со следствием, следователь должен с учетом субъективных и объективных факторов формирования показаний. Содержание и процесс формирования показаний допрашиваемого во многом определяются переживаемыми им отрицательными эмоциями, наиболее существенной из которых является стресс. В случаях когда отсутствует фактор неотложности, обычно рекомендуется предоставить потерпевшему определенное время для снижения влияния стресса, при этом следует применять группу тактических приемов, направленных на преодоление психической травмы, вызванной преступлением и доведение потерпевшего до состояния, при котором он будет способен дать достоверные и

полные показания (серии тактических приемов «настройка», «беседа», «перефраз») [7, с. 19–20].

Ситуации, в которых осуществляется установление психологического контакта, могут быть различными. На основе анализа криминалистической литературы можно выделить следующие основные ситуации, возникающие в ходе установления психологического контакта с допрашиваемым: допрашиваемый обладает искомой информацией, но скрывает ее; допрашиваемый располагает требуемой информацией, но умышленно ее искажает; допрашиваемый добросовестно сообщает всю известную ему информацию, однако она не соответствует действительности; допрашиваемый не обладает информацией [8].

Рассмотрим особенности установления психологического контакта в ситуации, когда *допрашиваемый обладает искомой информацией, но скрывает ее*.

В данном случае, если допрашиваемый имеет статус свидетеля, необходимо его успокоить, создать обстановку, в которой следователь не располагает сведениями по совершенному преступлению. При этом следователь осознает, что свидетель обладает информацией о преступлении, но по той или иной причине ее не рассказывает. Следователь первоначально задает вопросы, напрямую не связанные с делом, и выясняет круг его общения, иные данные. Если в ходе допроса выяснится, что имелись другие очевидцы преступления, следователь проводит допрос с ними, выясняет известные им обстоятельства и проводит повторный допрос свидетеля, скрывающего важную информацию.

При повторном допросе следователь указывает свидетелю на обстоятельства, которые ему были известны и узнает причину недосказанности. Если свидетель будет ссылаться на то, что забыл, то следователь заранее должен подготовить вопрос, который поставит его в тупик. В деле должны присутствовать вещественные доказательства, играющие не в пользу свидетеля. В результате такого психологического воздействия следователь может выявить информацию, которую скрывает свидетель и установить причину ее сокрытия [3, с. 78].

Широкое распространение имеют ситуации, когда допрашиваемое лицо в принципе настроено положительно в отношении следствия, но боится давать правдивые показания по причине возможной мести. В таких случаях на этапе установления психологического контакта, а также на протяжении последующего допроса следует разъяснить данному лицу предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры обеспечения безопасности, а также рекомендовать воспользоваться отдельными мерами, наиболее эффективными в данном случае [9].

В криминалистической литературе ученые описывают также приемы психологического воздействия, связанные с преодолением боязни свидетеля давать показания. Среди указанных тактических приемов психологического воздействия выделяют особую разновидность стимулирования положительных качеств допрашиваемого – привлечение к допросу третьих лиц. Пример положительного влияния третьего лица на допрашиваемого содержится в работе В.Т. Томина: «несовершеннолетний, проходивший по делу свидетелем, утверждал, что он ничего не видел. Следствие располагало иными сведениями. Изучая личность свидетеля, оперативный работник выяснил, что тот мечтает о профессии летчика. Следователь принял решение пригласить на допрос заслуженного летчика, офицера военно-воздушных сил, попросив прийти его в форме и при всех наградах. Результат был положительный: боявшийся до этого подросток назвал лиц, оказавшихся убийцами» [10, л. 140].

Все приемы необходимо использовать исходя из конкретной ситуации и личности свидетеля.

Помимо этого проблемным вопросом является установление психологического контакта в ходе допроса обвиняемого.

В отношении этой категории допрашиваемых следователям рекомендуется заранее подготовить вопросы и имеющиеся вещественные доказательства. В случае когда обвиняемый отрицает свою причастность в совершении преступления, следователю необходимо опираться на имеющиеся у него в наличии факты и вещественные доказательства. В дальнейшем следователь должен разработать сценарий допроса обвиняемого. Если по делу проходит свидетель, который в своих показаниях прямо указывал на обвиняемого, как на лицо, совершившее преступление, то следует устроить между ними очную ставку. Если и после очной ставки обвиняемый отрицает свою вину, то следователь должен разработать сценарий психологического воздействия на него, подбирая показания, доказательства, прямо указывающие на причастность обвиняемого в совершении преступления [11, с. 201].

В случаях когда *допрашиваемый располагает необходимой информацией, но умышленно ее искажает*, следователь должен обладать несколькими источниками информации, не противоречащими друг другу.

При этом рекомендуется разработать сценарий психологического воздействия на допрашиваемого. В ситуации когда следователь располагает достаточной информацией для уличения допрашиваемого во лжи, возможно применить приемы «Пресечение лжи» и «Психологическое обезоруживание» [12, с. 29].

В практике встречаются случаи, когда *допрашиваемый добросовестно сообщает всю известную ему информацию, однако она не со-*

ответствует действительности (по причине проблем со здоровьем допрашиваемого, неблагоприятных условий восприятия события и других независимых от него факторов).

В таких ситуациях следователь может применить метод ассоциаций или метод отвлечения внимания.

Метод ассоциаций состоит в том, что допрашиваемое лицо на каждое предъявляемое ему слово должно реагировать любым другим приходящим ему в голову словом. Большое разнообразие реакций может свидетельствовать о скрываемом преступлении. Реакции на невинные по содержанию слова изменяются, увеличиваются паузы.

Метод отвлечения внимания заключается в следующем: если предложить допрашиваемому лицу непрерывно выполнять какую-либо однообразную работу и одновременно демонстрировать ему ряд раздражителей (вербальных или невербальных, в том числе предметов, имеющих оперативный интерес), то те раздражители, которые влекут за собой определенные ассоциации, будут отвлекать внимание от выполняемой работы сильнее, чем индифферентные, притом чем больше допрашиваемый будет подавлять психический эффект раздражителей, тем сильнее это будет отражаться на его работе [13, с. 95].

Случаи, когда *допрашиваемый не обладает искомой информацией*, также не освобождают следователя от необходимости установления психологического контакта, проведения допроса с учетом всех процессуальных особенностей и современных криминалистических разработок.

Помимо изложенных ситуационных особенностей установления психологического контакта следователь должен четко осознавать, что успешность данного «мероприятия» также зависит от его умения своевременно и точно избирать тактику и тактические приемы допроса, способности создать благоприятные условия допроса, и, наконец, от его общекультурной привлекательности [14, с. 219].

На основании изложенных в данной статье положений можно сделать следующие выводы:

установление психологического контакта – важнейшая составляющая проведения допроса, заключающаяся в двухстороннем воздействии, с одной стороны, лица, производящего допрос, и с другой – лица, обладающего информацией и могущего ее предоставить либо отказаться от ее предоставления;

в практической деятельности установление психологического контакта часто игнорируется лицами, производящими допрос (это подтверждается результатами анкетирования), что, на наш взгляд, недопустимо, и требует привлечения к данному вопросу большего внимания как со стороны ученых, так и со стороны практиков;

полагаем, некорректно мнение отдельных ученых, считающих установление психологического контакта самостоятельной стадией допроса, поскольку психологический контакт ввиду своей ситуативности (может иметь место, а может и отсутствовать) и динамизма, представляет собой скорее условие для проведения допроса, а не его самостоятельную часть;

ситуации, в которых происходит установление психологического контакта, могут быть различными. Вместе с тем наиболее типичными из них являются следующие: допрашиваемый обладает искомой информацией, но скрывает ее; допрашиваемый располагает необходимой информацией, но умышленно ее искажает; допрашиваемый добросовестно сообщает всю известную ему информацию, однако она не соответствует действительности; допрашиваемый не обладает информацией.

определяя тактические приемы, свойственные для установления психологического контакта, криминалисты в целом выражают сходные мнения, называя в их числе такие приемы, как устранение эмоционального и смыслового барьера; снятие напряженности; проявление понимания; возбуждение интереса допрашиваемого к предстоящему допросу; обращение к закону; разъяснение значимости требуемой информации и др. Однако для наименования данных приемов авторы часто используют различную терминологию, что может негативно отражаться на практике их применения.

Список использованных источников

1. Шурухнов, Н.Г. Криминалистика : учеб. пособие / Н.Г. Шурухнов. – М. : Юристъ, 2005. – 639 с.
2. Зорин, Г.А. Психологический контакт при производстве допроса : учеб. пособие / Г.А. Зорин. – Гродно : Изд-во Гродн. ун-та, 1986. – 130 с.
3. Мицкевич, В.В. Приемы установления психологического контакта сотрудников органов внутренних дел с гражданами при решении оперативно-служебных задач / В.В. Мицкевич. – М. : Академия МВД, 1989. – 148 с.
4. Порубов, Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве / Н.И. Порубов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Выш. шк., 1973. – 368 с.
5. Дулов, А.В. Судебная психология : учеб. пособие / А.В. Дулов. – Минск : Выш. шк., 1975. – 464 с.
6. Шепитько, В.Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике / В.Ю. Шепитько. – Харьков : Гриф, 1995. – 200 с.
7. Веселков, К.В. Проблемы психологии формирования показаний потерпевшего и особенности тактики его допроса на следствии (по конкретным категориям дел) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К.В. Веселков ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2002. – 23 с.

8. Юрова, К.И. Установление психологического контакта при допросе обвиняемых и свидетелей / К.И. Юрова, Е.С. Сергеева // Виктимология. – 2018. – № 3 (17). – С. 63–66.

9. Брусницын, Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование) : монография / Л.В. Брусницын. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 464 с.

10. Дмитриенко, С.А. Обеспечение прав несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.А. Дмитриенко. – Волгоград, 2005. – 194 л.

11. Котов, Д.П. Установление следователем обстоятельств, имеющих психологическую природу / Д.П. Котов. – М. : Юстицинформ, 1987. – 264 с.

12. Шевченко, В.М. Психолого-педагогические аспекты установления контакта с подозреваемым (обвиняемым) при проведении допроса / В.М. Шевченко // Вестн. НовГУ. – 2017. – № 7. – С. 25–29.

13. Белкин, Р.С. Курс криминалистики / Р.С. Белкин – М. : Юнити-Дана ; Закон и право, 2001. – 837 с.

14. Зверев, В.О. Установление психологического контакта как организационно-тактическая особенность в деятельности следователя при производстве допроса подозреваемого / В.О. Зверев [и др.] // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2019. – Т. 24. – № 2 (77). – С. 219–226.

УДК 347.2/3

А.Н. Левчук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *Е.В. Ермоленко*

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ КРИПТОВАЛЮТЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

XXI в. – век высоких технологий и инноваций. Все сферы жизни общества изменяются, модифицируются и преобразуются. Информационные технологии все больше набирают популярность и проникают во все сферы общественной жизни. Экономика не стала исключением, поэтому преобразования коснулись и денежных средств, а конкретно, возникла новая цифровая валюта. Мы живем в условиях рыночной системы, где спрос рождает предложение. Логично, что современное информационное общество нуждалось в появлении нового финансового средства платежа, более инновационного, чем обычные деньги, – новой цифровой валюте, которой стала криптовалюта.

Предпосылки для возникновения совершенно нового вида финансов появились еще в конце XX в. В 1983 г. была предложена и опубликована концепция использования электронных денежных средств (авторы Стефан Брэндс и Дэвид Чаум). Данная концепция основала сферу экономики, в которой существует и реализуется криптовалюта. Немного позже компания DigiCash начала работать с криптографической системой для обеспечения своего рода неизвестных и анонимных сделок. В 1997 г. Адамом Бэком была разработана основа для системы блоков и целых цепочек блокчейна. Данная основа создала фундамент для появления криптовалюты. Современное упоминание о криптовалюте появилось в 2009 г. В это время некоторые IT-специалисты задумались о создании новой цифровой денежной единицы. Задумки не нашли бы своей реализации, если бы Сатоши Накамото в своей статье не изложил концепцию по созданию денежных единиц на основе криптографии, или так называемую «концепцию криптоденег». Данный деятель и считается прародителем криптовалюты и биткоина. В 2010 г. была запущена первая сеть криптовалют – сеть биткоина, а позже появились и электронные кошельки. Однако само понятие «криптовалюта» появилось в 2011 г. после публикации в журнале Forbes статьи о системе «Биткоин» *Crypto currency* (Криптографическая валюта) [1].

Криптовалюта – вид цифровой валюты. Она основывается и работает на методах криптографии и имеет децентрализованный выпуск и учет. Механизм работы системы этой валюты базируется на технологии блокчейн. Все данные о движении валюты не кодируются и являются общедоступными. Для сохранения цепочки блоков транзакций применяются компоненты криптографии (цифровая подпись, основанная на системе с открытым ключом). Ключевая особенность криптовалют – отсутствие какого-либо как внешних, так и внутренних контроллеров. В связи с этим государственные органы – налоговая служба, суды и т. д., а также банки не в состоянии осуществлять надзор над процессом оборота этих валют [2].

Принцип действия криптовалют основан на том, что в сети нет уполномоченного органа или должностного лица, который осуществляет контроль за операциями с криптовалютой. Для решения проблемы определения достоверности операций в условиях недоверия любому сообщению в сети была изобретена технология блокчейн, которая впервые стала применяться в системе «Биткоин». Процесс создания единиц новой валюты участниками системы называется «добычей» валюты, или «майнингом». Как правило, создатели криптовалюты ограничивают верхний предел ее эмиссии, однако бывают такие валюты, у которых

данный предел отсутствует, и возможен как дополнительный выпуск валюты, так и сокращение валюты в обращении (демиссия) [3].

В настоящее время далеко не во всех государствах дано легальное определение криптовалюты, в связи с чем отдельные ученые попытались выяснить, что представляет собой эта информационная новелла. Большинство мнений сходится на том, что криптовалюта представляет собой электронную валюту [4, 5]. Н.В. Макаручук, напротив, считает, что криптовалюта не обладает статусом платежного средства ни в одной юрисдикции [6]. А.К. Чурилов рассматривает криптовалюту как «товар» [7].

Основываясь на различных подходах ученых к пониманию криптовалюты, представляется возможным сделать следующее определение. Криптовалюта – разновидность электронных денег, функционирование которых основано на децентрализованном механизме эмиссии и обращения, и представляющая собой систему процедур, основанную на применении криптографии для создания и контроля новых единиц валюты и осуществления транзакций.

Исходя из проанализированных выше мнений различных ученых можно выделить ряд признаков, присущих криптовалюте.

Децентрализованность. Так, любая криптовалюта не имеет централизованного органа управления, эмиссии, контроля и т. д. Назовем образно «физически» криптовалюта – некий шифр, который вычисляется по определенному алгоритму. Однако вычисление таких шифров (т. е. эмиссия) осуществляется не единым органом, а группой, сообществом вычислительных мощностей (например, работающими в сети компьютерами). Децентрализованная система обеспечивает высокий уровень безопасности транзакций и хранения средств. Поскольку информация о всей истории транзакций хранится у каждого из пользователей, то такую систему невозможно обмануть или уничтожить.

Анонимность осуществления операций с криптовалютой. Анонимность криптовалюты – отсутствие необходимости предоставлять личные данные при покупке или продаже цифровых денег. Если хотите купить биткоины, то вам не потребуется предоставлять паспорт или другие документы. Пользователь электронного (виртуального) кошелька с криптовалютой имеет возможность рассчитывать в сети Интернет за самые различные услуги, в том числе и незаконные.

Криптовалюта не обеспечена никакими правовыми гарантиями. Как отмечал бывший глава ФРС США А. Гринспен: «Bitcoin – это «мыльный пузырь», – так как, по его мнению, биткоин-монеты не имеют никакой реальной ценности» [8].

Для более полного и объективного понимания криптовалюты как объекта правового регулирования необходимо обратить внимание на опыт зарубежных стран. Так, в ноябре 2015 г. Европейский суд (European Court of Justice) вынес решение, согласно которому Bitcoin необходимо считать валютой (средством платежа), а не товаром. По крайней мере, с точки зрения налогообложения. Таким образом, операции по купле-продаже Bitcoin за традиционные фиатные валюты не должны облагаться налогом на добавленную стоимость. В Норвегии, Финляндии и Германии криптовалюта облагается налогом на прирост капитала и налогом на роскошь. Криптовалюта в США является объектом права собственности и все операции с цифровой валютой подвергаются налогообложению. В связи с этим представляется необходимым установление правового режима процесса ICO (Initial coin offering), представляющего собой процедуру выпуска криптовалюты, продавая которую лицо получает дополнительные средства. В этой части выпуск криптовалюты в рамках ICO очень сходный с выпуском облигаций. Но в отличие от облигаций криптовалюта, выпущенная компанией или индивидуальным предпринимателем, никаких имущественных прав требования к выпустившему не предполагает, поскольку существует определенный правовой пробел в этой области. Возникший правовой пробел представляется возможным устранить путем урегулирования ICO по примеру правоприменительной практики, рассматривая выпуск криптовалюты с публичным предложением как своеобразный способ заключения договора займа.

В таких странах, как Алжир, Боливия, Вьетнам, Египет, Ирак, Марокко, Непал, ОАЭ, Пакистан обращение криптовалюты и любые операции с цифровой валютой запрещены.

В Европейском союзе криптовалюта была определена Европейским центральным банком как конвертируемая, децентрализованная виртуальная валюта. Документа, который бы напрямую регулировал процесс гражданского оборота криптовалюты, пока нет, в связи с чем европейским банкам было рекомендовано воздерживаться от проведения операций с криптовалютами до установления их правового режима. Однако уже были предприняты попытки урегулирования отдельных вопросов в отношении криптовалют. Так, в 2017 г. в Директиву ЕС о борьбе с отмыванием денежных средств были внесены изменения, направленные на снижение риска использования криптовалюты в целях отмывания доходов, полученных преступным путем [9].

Республика Беларусь пошла своим путем. Она стала одним из первых государств, сделавшим смелый шаг, – принятие нормативной базы для регулирования оборота криптовалюты. 21 декабря 2017 г. был подписан

Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет). Данный нормативный правовой акт содержит в себе широкий перечень предметов правового регулирования, такие как определение гражданского оборота криптовалюты, установление льгот и преференций для резидентов Парка высоких технологий и др.

В Декрете закреплено, что на территории Республики Беларусь физические и юридические лица, индивидуальные предприниматели вправе владеть токенами, осуществлять ряд операций с ними: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, создание и размещение собственных токенов в Республике Беларусь и за рубежом, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарить и завещать токены (для физических лиц). К основным понятиям, вводимым в правовой оборот, относятся: владелец цифрового знака (токена) – субъект гражданского права, которому токен принадлежит на праве собственности или на ином вещном праве; майнинг – отличная от создания собственных токенов деятельность, направленная на обеспечение функционирования реестра блоков транзакций (блокчейна) посредством создания в таком реестре новых блоков с информацией о совершенных операциях; лицо, осуществляющее майнинг, становится владельцем токенов, возникших в результате его деятельности по майнингу, и может получать токены в качестве вознаграждения за верификацию совершения операций в блокчейне.

Помимо правовых терминов Декрет также содержит ряд льгот для резидентов Парка высоких технологий:

налоговые (освобождение от НДС, налога на прибыль и офшорного сбора);

арендные льготы (сниженные цены) – таможенные льготы (при ввозе высокотехнологичного оборудования на территорию Беларуси);

отмена ограничений в части иммиграционного законодательства для лиц, работающих в Парке высоких технологий;

социальные льготы.

Таким образом, Декрет предоставляет правовую основу для легального оборота криптовалюты на территории Республики Беларусь. Помимо этого Декретом предусмотрен ряд льгот и преференций для резидентов Парка высоких технологий.

В 2017 г. в Беларуси создана собственная криптовалюта – Талер. Разработчики Талера – группа экономистов и IT-специалистов, которые действуют в частном порядке, и их главная идея – «отвязать» деньги от

государства. По замыслу авторов проекта, его внедрение в белорусскую экономику приведет к стабилизации финансовой системы, снижению уровня инфляции, ликвидации проблемы массовых неплатежей и снижению стоимости кредитов, облегчению (и удешевлению) денежного обращения в целом.

Талер основан на технологии блокчейн и алгоритме биткоина, т. е. является децентрализованной криптовалютой, у которой нет единого центра эмиссии. Жизнестойкость, целостность системы Талера, транзакции внутри системы и эмиссия новых монет обеспечиваются компьютерной сетью самих пользователей Талера. Таким образом, Талер является первой криптовалютой не только в Республике Беларусь, но и на постсоветском пространстве.

Стоит отметить, что создатели белорусской криптовалюты создали собственный сайт <https://taler.site/>, на котором каждый желающий может ознакомиться с порядком приобретения, «добычи» и применения Талера. Помимо этого на сайте размещена инструкция по установке электронного кошелька и настройке майнера.

Создатели Талера подчеркивают, что сами не производят его эмиссию. Технология блокчейн, положенная в основу системы, предусматривает децентрализацию эмиссии. Иными словами, эмиссия ограничена сложной математической формулой, а эмитентами на первых порах становятся сами пользователи созданной криптовалюты. Преимущество такой схемы – принципиальная невозможность инфляции [10].

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие выводы:

Беларусь – одна из первых стран на постсоветском пространстве, которая урегулировала оборот криптовалюты на законодательном уровне и является создателем собственной криптовалюты – Талер;

Криптовалюта – разновидность электронных денег, функционирование которых основано на децентрализованном механизме эмиссии и обращения, и представляющая собой систему процедур, основанную на применении криптографии для создания новых единиц валюты и осуществления транзакций.

Список использованных источников

1. Andy Greenberg Crypto Currency [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.com/forbes/2011/0509/technology-psilocybin-bitcoins-gavin-andersen-crypto-currency.html#6ebbf30c353e>. – Дата доступа: 16.06.2020.

2. Поппер, Н. Цифровое Золото / Н. Поппер // Невероятная история биткойна или, как идеалисты и бизнесмены изобретают деньги заново. – Диалектика, 2016. – С. 50–92.

3. Криптоправо в США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://7cn.ru/law-crypto-currencies/law-crypto-currencies-usa/56-kripto-pravo-v-ssha.html>. – Дата доступа: 16.06.2020.

4. Маличенко, И. Фискальная политика разных стран в отношении криптовалют [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bitcryptonews.ru/blogs/cryptocurrency/fiskalnaya-politika-raznyix-stran-v-otnoshenii-kriptovalyut>. – Дата доступа: 17.06.2020.

5. Вахрушев, Д.С. Криптовалюта как феномен современной информационной экономики: проблемы теоретического осмысления [Электронный ресурс] / Д.С. Вахрушев, О.В. Железов. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-fenomen-sovremennoy-informatsionnoy-ekonomiki-problemy-teoreticheskogo-osmysleniya>. – Дата доступа: 17.06.2020.

6. Отчет ФАТФ «Виртуальные валюты – Ключевые определения и потенциальные риски в сфере противодействия отмыванию денег/финансированию терроризма» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/today/anti-legalisation/fatf/Virtualnye_valyuty_FATF_2014.pdf. – Дата доступа: 17.06.2020.

7. Чурилов, А.К. К вопросу о правовой природе криптовалюты / А.К. Чурилов // Хозяйство и право. – 2016. – № 9. – С. 93–99.

8. Everyone Is Baffled By Alan Greenspan's Comment About Bitcoin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.businessinsider.in/Everyone-Is-Baffled-By-Alan-Greenspan-Comment-About-Bitcoin/articleshow/26873628.cms>. – Дата доступа: 18.06.2020.

9. Regulation of Crypto currency Around the World [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/world-survey.php/>. – Дата доступа: 19.06.2020.

10. Лавникевич, Д. Прокопович отдыхает / Д. Лавникевич // БелГазета. Новости Беларуси. Белорус. новости. – 2017. – № 39 (1115). – С. 49–52.

УДК 347.121.2

М.А. Мартинкевич, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Паращенко*

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С УЧЕТОМ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

В современном обществе непрерывно происходят процессы возникновения новых правоотношений, а также постоянное развитие уже

существующих. Одним из объектов таких отношений являются криптовалюты.

Криптовалюты – децентрализованная система, предполагающая асимметричное шифрование и применение различных методов криптографической защиты. Криптовалюты, основанные на пиринговой архитектуре, образуют сеть связанных работающих клиентских программ. Каждый обладатель программы принимает участие в поддержке сети, предоставляя мощности своего компьютера для обработки блоков информации.

Процесс обработки информации получил название майнинг (англ. mining – добыча полезных ископаемых). Каждый блок информации должен соответствовать определенным критериям правильности и сложности задания, для чего используются алгоритмы хеширования. Пиринговая архитектура системы напрямую зависит от наличия участников обработки данных. Если пользователи сети остановят работу, криптовалюта перестанет существовать.

В процессе обработки информации пользователи («майнеры») получают вознаграждение, в качестве которого выступает определенное количество криптовалюты.

Так, 31 октября 2009 г. был опубликован документ, который официально представил общественности новую криптовалюту. Название документа «Bitcoin P2P e-cash paper» [1]. Именно биткоин стал наиболее популярной и узнаваемой валютой в сфере криптовалют. Термин закрепился после публикации статьи о системе «Биткоин» *Crypto currency* (Криптографическая валюта), опубликованной в 2011 г. в журнале *Forbes*. Сам автор и создатель биткоина, чья личность неизвестна, как и многие другие, использовал термин «электронная наличность» (англ. *electronic cash*).

В настоящее время количество лиц, использующих криптовалюты, поддается только приблизительной оценке. Анализ доступных данных позволил предположить, что во всем мире криптовалюту используют около 24 млн пользователей. На сайте *coinspot.io* аналитики приводят следующее: «24 млн можно рассматривать как верхнюю границу числа пользователей биткоинов по всему миру» [2].

Возникновение новых объектов правоотношений требует создания нормативных правовых актов для последующего надлежащего правового регулирования отношений, связанных с такими объектами. Криптовалюты не стали исключением. Во множестве стран мира начали проводить работу по нормативному регулированию и определению криптовалюты как объекта правоотношений. В связи с этим на современном

этапе можем увидеть несколько совершенно различных позиций различных стран в области правового регулирования оборота криптовалют на их территории.

Полагаем, возможно выделить основные позиции государств в области правового регулирования криптовалют. Например, в Китае существует запрет на использование криптовалют, в Японии было принято решение нормативно закрепить криптовалюту как законное средство платежа, а в России и Украине законодатели не могут прийти к единому подходу в определении правового статуса криптовалют, в том числе существует множество мнений и предположений, к какому виду объектов гражданских прав следует отнести криптовалюту.

В настоящее время в Республике Беларусь правоотношения, связанные с криптовалютой, регулируются Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8).

Согласно Приложению 1 к Декрету № 8 [3] под криптовалютой понимается – биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена.

15 января 2019 г. в Минске начала работу первая национальная криптобиржа – *Currency.com*, в ближайшее время планируется запуск второй – *iExchange*. В Республике Беларусь также активно используются криптовалюты. Согласно статистике, граждане применяют их в качестве средства накопления и в меньшей мере для оплаты товаров и услуг.

Помимо того, что указано в определении, закрепленном в Декрете № 8, криптовалюты также используются и в гражданском обороте в качестве средства платежа за товары и услуги, иными словами используются при совершении сделок. Найти продавцов, готовых принимать оплату при помощи криптовалюты в любой стране, можно при помощи сайта *Coinmap.org*.

При законодательном закреплении термина «криптовалюта» в законодательстве Республики Беларусь стал актуален вопрос: «К какому виду объектов гражданских прав стоит относить криптовалюты?»

Гражданское законодательство Республики Беларусь содержит исчерпывающий перечень видов объектов гражданских прав. К таким объектам согласно ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) [4] относятся:

- вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права;
- работы и услуги;
- нераскрытая информация;

исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг;

нематериальные блага.

В п. 1 ст. 141 ГК закреплено, что белорусский рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Республики Беларусь.

Следует также отметить, что гражданское, а также финансовое законодательство Республики Беларусь устанавливает, что платежи осуществляются путем наличных и безналичных расчетов. Исходя из этого можем выделить, что нормативные правовые акты в этой области не выражают запрета на передачу и использование криптовалюты.

В настоящее время в Республике Беларусь, по данным криптобиржи CRYPTOCY.COM, количество пользователей превышает 37 000. Гражданам Декрет № 8 разрешает самостоятельно владеть криптовалютами, добывать их (так называемый майнинг), менять, покупать и продавать за белорусские рубли и валюту, а также дарить криптовалюту и завещать, причем ни одно из этих действий не будет считаться предпринимательством, а значит, его не нужно декларировать. Юридическим лицам для операций с криптовалютами нужно будет прибегнуть к помощи белорусского Парка высоких технологий (ПВТ). Его резиденты должны будут выступать как посредники, либо компаниям предстоит самим стать резидентами ПВТ.

В исследовании, проведенном евразийской экономической комиссией, приводится следующее: «Регулирование криптовалют в разных странах в качестве нового экономического явления постоянно меняется и корректируется. Каждый центральный банк руководствуется собственными подходами: от формального разрешения (включая рекомендации для индустрии о возможных рисках, исследования в данной области и пр.) или применения общих принципов регулирования в сфере платежей до полного запрета такой деятельности. Можно выявить следующую закономерность: в странах с высоким ВВП на душу населения, высоким уровнем проникновения банковских счетов и качественным государственным управлением создано благоприятное регулирование криптовалют. Запрет на криптовалюты чаще вводят страны с нестабильной экономической ситуацией или проблемами внутреннего рынка. Отказ от цифровых денег позволяет ограничить их хождение по стране, а соответственно – упростить контроль фиатных платежных средств» [5].

Исходя из вышеизложенного необходимо отметить, что криптовалюты являются цифровыми активами. Население должно быть знакомым

с цифровыми деньгами и готовым принять их в повседневной жизни. Страны должны иметь уполномоченные государственные органы, в компетенцию которых необходимо включить принятие новых разработок и технологии. Государства с неблагоприятным регулированием больше сосредоточены на существующих вопросах и склонны запрещать криптовалюты как нечто новое, а значит до момента возникновения возможности надлежащего правового регулирования принимают решение к ограничению, либо полному запрещению их на своей территории.

По мнению У.А. Меликова, «в случае криптовалюты следует применять нормы законодательства, комплексно исходя из конкретных правоотношений, складывающейся по ее поводу» [6]. На основании этого возможно предположить, что под криптовалютой следует понимать различные объекты гражданских прав, и одновременно возникает необходимость разработки нового определения «криптовалюты». В этой связи наиболее рациональным и подходящим представляется принятое в Германии отраслевое законодательство, где решили вопрос эффективного регулирования криптовалюты, руководствуясь принципом диверсификации.

В Немецком федеральном банке было принято решение не признавать за биткоином или другими криптовалютами статус валют в юридическом смысле, вместо этого было предложено использовать термин «криптотокен». В свою очередь, криптотокены было предложено разделить на три группы:

виртуальные валюты – предназначены для обмена или покупки товаров, работ или услуг;

токены безопасности – предоставляют владельцу право на получение прибыли с криптовалют и частично влиять на их эмиссию;

служебные токены – не дают права на получение прибыли, но дают доступ к товарам или услугам, которые будут разработаны в будущем, тем самым не участвующими в обороте в настоящее время.

В феврале 2018 г. Министерство финансов Федеративной Республики Германии издало руководство, согласно которому обработка всех операций, связанных с криптовалютой, должна сопровождаться вычетом налога на добавленную стоимость. Дополнительно необходимо отметить, что в соответствии с решением суда Европейского союза от 22 октября 2015 г., в случае если криптотокен используется исключительно в целях оплаты, то его необходимо определять как платежное средство, а не как услугу или товар, поэтому на него не распространяется обложение налога на добавленную стоимость.

Наиболее близким подходом к приданию криптовалютам дифференцированного статуса в настоящее время является Швейцария, но с уче-

том некоторых особенностей. Здесь также предлагается подразделять токены на три группы:

- криптовалюты – используются в качестве средства расчета;
- служебные токены – используются для доступа к продуктам или сервисам;
- токены-активы – долговые обязательства или права на претензии к эмитенту.

Что примечательно, юридически криптовалюты (или платежные токены) не признаются средством оплаты или валютой, однако Федеральный совет Швейцарии отметил, что они могут считаться таковыми, если стороны сделки добровольно решили провести расчет в криптовалюте.

Из вышеизложенного следует, что криптовалюта требует определения исходя из конкретных правоотношений, возникающих при их использовании, и принятия в качестве самостоятельного нового объекта гражданских прав, с нормативным закреплением для осуществления правового регулирования. Кроме того, из-за возрастающего распространения криптовалюты в мировых масштабах, при использовании криптовалют в гражданских правоотношениях необходимо учитывать опыт зарубежных стран для своевременного надлежащего правового регулирования и совершенствования законодательства Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Онлайн-энциклопедия BitcoinWiki.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru-bitcoinwiki-org.turbopages.org/s/ru.bitcoinwiki.org/wiki/История_Bitcoin. – Дата доступа: 20.06.2020.
2. Ресурс о цифровых валютах CoinSpot.io [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://coinspot.io/analysis/kriptovalyutnyj-rynok-v-12-grafikah-ili-rochemu-my-vsyo-eshhyo-v-1994-godu>. – Дата доступа: 20.06.2020.
3. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.10.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/Регулирование%20криптовалют%20в%20странах%20мира%20-%20январь.pdf>. – Дата доступа: 20.06.2020.
6. Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-v-sisteme-obektov-grazhdanskih-prav>. – Дата доступа: 20.06.2020.

УДК 342.9

В.Д. Матусевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.С. Кривонощенко*

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА ДВОЙНОГО ПОДЧИНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Значимой вехой в развитии системы построения и управления органами внутренних дел Беларуси сыграли решения II Всебелорусского съезда Советов (1920 г.). Один из основных итогов его работы – создание Совета Народных Комиссаров (СНК), первого правительства Республики, в составе которого был образован НКВД БССР – центральный орган отраслевого управления в области охраны общественного порядка. Однако, как и в РСФСР, Положение об НКВД принято не было, что негативно сказывалось на эффективности его деятельности, приводило к различным нарушениям и злоупотреблениям властью. Лишь в 1922 г. ЦИК и СНК РСФСР утвердили такое Положение, ставшее программным документом и для органов внутренних дел Беларуси. В нем содержался отдельный раздел, посвященный милиции [1, с. 16].

Первоначально функции центрального органа милиции республики выполняло Минское губернское Управление милиции, которое с созданием НКВД было преобразовано в Главное управление милиции НКВД БССР. Основной его задачей стало строительство аппарата милиции на местах. Правовой основой строительства белорусской милиции было Положение о рабоче-крестьянской милиции РСФСР (далее – Положение), утвержденное Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 10 июня 1920 г. В Положении содержались указания, направленные на укрепление организационной структуры милиции, неуклонную централизацию, пресечение местничества. Приказы и распоряжения Главного управления милиции являлись обязательными для всех органов милиции. Местные органы власти не имели права приостанавливать их выполнение. Положение определяло также компетенцию местных исполкомов и вышестоящих органов внутренних дел при назначении руководителей милиции. Начальники губернской и уездной милиции избирались местными исполкомами и вводились в составе коллегий их отделов Управления. Главное управление милиции имело право заявлять отвод начальникам губернской и городской милиции, а губернское Управление – началь-

никам уездной милиции. Тем самым Положение закрепляло принцип «двойного» подчинения милиции: по вертикали она подчинялась вышестоящим ведомственным органам, а по горизонтали – соответствующим Советам и их исполкомам [2, с. 42].

Что касается руководства милицией в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции, то по данному вопросу авторы излагали различные точки зрения. Так, М.П. Киссис утверждает, что «милиция выводилась из подчинения местных Советов, и передавалась в непосредственное ведение Народного Комиссариата внутренних дел» [2, с. 10]. По мнению некоторых авторов, из подчинения местных органов власти выходили только части милиции, которые находились в районах военных действий и привлекались к участию в них. Эти части переходили в полное подчинение военного руководства [3, с. 15].

С.В. Биленко в своем исследовании касается вопроса управления милицией в годы Гражданской войны. Он отмечает, что в этот период милиция подчинялась не только местным Советам и НКВД, но и чрезвычайным органам – революционным комитетам (ревкомам) [4, с. 34]. По мнению А.И. Курака, данное утверждение нуждается в уточнении. Анализ текста Положения о революционных комитетах, утвержденного постановлением ВЦИК и Совета Обороны РСФСР от 24 октября 1919 г., дает основание сделать вывод, что милиция могла находиться в одновременном подчинении у Советов и ревкомов лишь в местностях, не объявленных на военном положении. Здесь в случае осложнения оперативной обстановки ревкомы создавались без упразднения исполнительных комитетов, которые продолжали свою работу. Однако последние передавали ревкомам дела, касающиеся обороны и поддержания общественного порядка. Ревкомы имели право давать исполнительным комитетам обязательные к исполнению указания [5, с. 42].

Анализируя действовавшие правовые акты и точки зрения различных авторов по вопросу организации управления милицией в период Гражданской войны, можно сделать вывод, что учрежденный с образованием штатной милиции принцип ее «двойного» подчинения не распространялся на формирования, которые постоянно находились в действующей армии, и милицию, дислоцировавшуюся в районах боевых действий, на период ее привлечения к этим действиям. Эти милицейские подразделения находились в подчинении военного командования и ревкомов. Таким образом, как отмечается в науке, в годы Гражданской войны произошло некоторое ослабление роли не только местных Советов по руководству органами милиции, но и НКВД, т. е. как горизонтальной линии управления, так и вертикальной. Но после окончания военных

действий принцип «двойного» подчинения милиции местным Советам и вышестоящим ведомственным органам был восстановлен [5, с. 43].

С созданием СССР управление в области внутренних дел осталось в компетенции союзных республик. Данное положение было закреплено Договором об образовании СССР, а несколько позже – первой советской Конституцией (1924 г.) и принятыми в соответствии с ней Конституциями союзных республик, в том числе и Конституцией БССР (1927 г.). В качестве правовой базы проводимых преобразований продолжали выступать в основном акты союзных республик.

Последующий этап в развитии органов внутренних дел, совершенствовании управления ими был связан с XII съездом РКП(б) (1923 г.). Соответствующие мероприятия по выполнению его решений были осуществлены и в Беларуси. В числе важнейших из них следует отметить проведенную реорганизацию исполнительных комитетов уездного звена, что позволило повысить эффективность управления и в области внутренних дел. В соответствии с постановлением ЦИК БССР от 31 июля 1923 г. «О реорганизации аппарата уездных исполкомов», существовавшие отделы Управления уездных исполкомов, ведавшие работой милиции, были упразднены. Вместо них были образованы самостоятельные Управления милиции исполнительных комитетов. В результате проведенной реорганизации горизонтальное управление милицией стало более оперативным и эффективным. Упразднение «промежуточного» звена в руководстве милицией повысило ее статус, самостоятельность и авторитет [5, с. 42].

Важным событием в жизни органов внутренних дел Беларуси явилось принятие ЦИК и СНК БССР 3 ноября 1924 г. первого в республике Положения о Народном комиссариате внутренних дел. Одним из итогов проведенной в соответствии с ним реорганизации органов внутренних дел явилось совершенствование линии их вертикальной подчиненности. Главное управление уголовного розыска, который с конца 1922 г. был выделен из состава Главного управления милиции в самостоятельный орган с непосредственным подчинением НКВД республики, был снова объединен с Главным управлением милиции. Новый орган стал называться Управлением милиции и уголовного розыска НКВД БССР. Объединение милиции и розыска в единый орган ликвидировало дублирование в руководстве подчиненными местными органами, несогласованность в их действиях [6, с. 23].

Дальнейшее развитие и совершенствование института «двойного» подчинения органов внутренних дел Беларуси было связано с новым Положением о рабоче-крестьянской милиции и уголовном розыске БССР, утвержденным ЦИК и СНК БССР 27 февраля 1930 г. Данным

положением была определена линия вертикальной подчиненности органов милиции и уголовного розыска, а также закреплялась их горизонтальная подведомственность местным Советам и их исполкомам. Начальники окружных, районных и городских Управлений милиции и уголовного розыска, а также их помощники должны были назначаться на должность по согласованию с соответствующими исполнительными комитетами [5, с. 44].

После образования СССР возникла необходимость объединения усилий республик в деле обеспечения охраны общественного порядка в общесоюзном масштабе. Однако отсутствие общесоюзного органа привело к организационному разбою в системе и структуре органов внутренних дел, организации управления ими как в союзных республиках, так и между ними. В связи с этим было признано целесообразным возложить эти функции на ОГПУ при СНК СССР, а НКВД союзных и автономных республик – ликвидировать.

В связи с ликвидацией НКВД БССР центральным органом охраны общественного порядка в республике стало Управление милиции и уголовного розыска при СНК БССР. Основным правовым актом, определившим структуру органов охраны общественного порядка, направления деятельности и организацию управления ими, стало Положение о рабоче-крестьянской милиции, утвержденное ЦИК и СНК СССР 25 мая 1931 г. (далее – Положение). Оно явилось первым Положением, единым для милиции всех союзных республик.

Общесоюзное Положение сохранило принцип «двойного» подчинения органов охраны общественного порядка. Устанавливалось, что начальники местных органов милиции непосредственно подчиняются начальникам вышестоящих органов милиции и несут перед ними ответственность за состояние работы. Одновременно в своей деятельности они руководствуются указаниями соответствующих республиканских Совнаркомов и местных исполнительных комитетов.

Однако с начала 1930-х гг. в руководстве органами внутренних дел стала усиливаться линия их вертикального управления, что нашло отражение в принимавшихся в этот период актах. Так, 27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об образовании Главного Управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР», которое явилось первым общесоюзным органом по руководству всей милицией страны. Управление милицией было изъято из ведения республиканских Совнаркомов и передано ОГПУ СССР, его республиканским и местным органам [5, с. 45].

Логическим завершением мероприятий по организации единой общесоюзной системы органов внутренних дел явилось упразднение в

соответствии с постановлением СССР от 10 июля 1934 г. ОГПУ и образование союзно-республиканского Народного комиссариата внутренних дел. В результате органы внутренних дел и государственной безопасности были объединены в единый НКВД СССР (в последующем эти органы неоднократно объединялись и разъединялись).

Управление органами внутренних дел оставалось чрезмерно централизованным вплоть до середины 1950-х гг. Только после XX съезда КПСС (1956 г.) в истории страны наступил период так называемой «оттепели» и надежд на демократическое развитие общества, ослабление тоталитарного режима. Были приняты меры по укреплению законности, развитию демократических принципов организации и деятельности всех звеньев государственного аппарата. Коренные изменения коснулись и органов внутренних дел, устранялась чрезмерная централизация управления ими, восстанавливалось забытое в период культа личности из «двойное» подчинение. Местные органы милиции стали управлениями (отделами) внутренних дел исполкомов местных Советов депутатов [5, с. 45].

В период существования СССР каких-либо актов, которые бы затрагивали организационно-правовые формы управления органами внутренних дел ни на союзном уровне, ни в Беларуси не издавалось. В своей основе институт их «двойного» подчинения оставался неизменным. Однако, несмотря на довольно большое количество изданных правовых актов как союзного, так и республиканского уровней, в них так и не было выработано четкой компетенции местных органов власти в области руководства подведомственными органами внутренних дел. Их полномочия определялись в самых общих чертах, которые «автоматически» переносились из одного акта в другой. В то же время вертикальное управление органами внутренних дел регламентировалось четче и конкретнее, оно являлось более гибким, оперативно реагирующим на происходившие политические события и изменения, как в жизни государства и в самой системе ОВД.

Таким образом, историко-правовой анализ становления и развития системы управления органами внутренних дел в Республике Беларусь свидетельствует, что на протяжении советского этапа действовал принцип их двойного подчинения, что было обусловлено исторической традицией, политической системой и экономическими условиями развития. С провозглашением Республики Беларусь суверенным государством и учреждением принципа разделения властей данный принцип нашел свое отражение в введении территориальных органов внутренних дел в структуру исполкомов (местных администраций) в качестве управле-

ний (отделов). Вместе с тем проблема четкого правового определения их горизонтальной подчиненности, разграничения компетенции между вертикальным и горизонтальным управлением органов внутренних дел не утратила своей актуальности и в современных условиях.

Список использованных источников

1. Курак, А.И. Становление и развитие института двойного подчинения органов внутренних дел Беларуси (1917–1990 гг.): историко-правовой аспект : учеб. пособие / А.И. Курак. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 35 с.
2. Киссис, М.П. Основные этапы истории советской милиции : учеб. пособие / М.П. Киссис ; под ред. В.П. Сафонова. – М. : М-во охраны обществ. порядка РСФСР, 1965. – 30 с.
3. Еропкин, М.И. Развитие органов милиции в Советском государстве / М.И. Еропкин. – М. : Высш. шк. МООН, 1967. – 87 с.
4. Биленко, С.В. Советская милиция России (1917–1920 гг.) / С.В. Биленко. – М. : Академия МВД СССР, 1976. – 96 с.
5. Курак, А.И. Становление и развитие системы управления органами внутренних дел Беларуси (историко-правовой аспект) / А.И. Курак // Гуманитар.-экан. весн. : навуц.-тэарэт. часоп. – 2018. – № 3/4. – С. 39–46.
6. Князев, С.М. Муниципальная полиция зарубежных государств / С.М. Князев // Право и жизнь. – 2013. – № 5. – С. 46–54.

УДК 343.985.7

В.Н. Михневич, выпускник магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Ю.М. Юбка*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХИЩЕНИЙ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Одним из важнейших условий с целью успешного решения задач предварительного расследования для органов дознания и предварительного следствия является знание особенностей криминалистической характеристики конкретного вида преступлений. Разделяя мнение ведущих ученых о двух разноплановых понятиях криминалистической характеристики преступлений («научная категория» и «инструмент расследования»), полагаем целесообразным более детально остановиться на втором из них.

По нашему мнению, в криминалистической характеристике хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, совершенных

должностным лицом ЖКХ, как информационной составляющей организации расследования, необходимо выделить следующие элементы: информацию о личности преступника, способах совершения хищения, обстановке совершения хищения, следовой картине хищения. Остановимся более детально на рассмотрении каждого из них. При этом в криминалистике не сформировался окончательный подход к криминалистическому пониманию коррупционной преступной деятельности и отдельных разновидностей таких преступлений, в том числе в сфере благоустройства и коммунального хозяйства [1, с. 133].

Эффективная борьба с хищениями, совершаемыми путем злоупотребления служебными полномочиями, предполагает доскональное изучение *личности преступника*, механизма его внутренних свойств и качеств, отражающих специфику их взаимодействия с внешней средой. Каждый человек по своей природе уникален. При этом в рамках тематики работы необходимо определить наличие связей между признаками уникальности личности с совершенным преступлением, а также последующими способами его сокрытия.

В криминалистическую характеристику личности преступника необходимо включить уголовно-правовую и индивидуально-личностную характеристики.

В рамках уголовно-правовой характеристики необходимо отметить, что главным признаком наличия состава преступления, предусмотренного ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), является специальный субъект, а именно должностное лицо. Так, под должностным лицом согласно ст. 4 УК является лицо, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающее в учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей.

При этом к лицам, занимающим должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных обязанностей, необходимо относить лиц, осуществляющих руководство деятельностью учреждения, организации или предприятия, их структурных подразделений, расстановку и подбор кадров, организацию труда или службы работников, поддержание дисциплины, применение мер поощрения и наложение дисциплинарных взысканий. В свою очередь, к лицам, занимающим должности, связанные с выполнением административно-хозяйственных обязанностей необходимо признавать лиц, осуществляющих полномочия по управлению и распоряжению имуществом и денежными средствами, а также организацию учета и контроля за отпуском и реализаци-

ей материальных ценностей. Тем не менее при решении вопроса о наличии или отсутствии признаков должностного лица следует исходить не из названия должности, а из полномочий, которыми обладает это лицо [2, с. 92].

Основу индивидуально-личностной характеристики личности преступника составляют такие элементы, как пол, возраст, семейное положение, образование, должностное положение, трудовой стаж. При этом указанные элементы присущи каждой личности в целом и приобретают криминалистическое значение только после совершения преступления.

Половые особенности личности преступника в рамках рассматриваемой категории коррупционных преступлений не имеют весомого значения. Соотношение коррупционных преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства между мужчинами и женщинами идентично.

Вместе с тем половые особенности личности преступника следует использовать сотрудникам органа дознания для установления психологического контакта и получения последующей криминалистически значимой информации исходя из присущих ей психологических особенностей.

О возрастной характеристике преступника можно судить исходя из степени и интенсивности проявления криминогенной активности и особенностей преступного поведения представителей различных возрастных групп. В части коррупционных преступлений в системе ЖКХ возрастная характеристика преступника имеет прямое отношение к фактически занимаемой им должностью. Так, средний возраст преступника, совершившего должностное преступление в сфере ЖКХ, составляет более 30 лет. Данная характеристика основана на требовании наличия необходимого опыта у работника и наличия знаний о специфике работы предприятия перед предоставлением ему властно-распорядительных полномочий. Указанные обстоятельства также влияют на его семейный статус. Следует отметить тот факт, что наличие значительной возрастной разницы между преступником и сотрудником органа дознания создает дополнительные препятствия в ходе проведения проверки и расследования преступления в дальнейшем.

Необходимо также отметить, что требования должностных инструкций предопределяют наличие у преступника высшего образования. Более того, наличие высшего образования, а также опыта и знаний о специфике функционирования предприятия ЖКХ влечет за собой более высокий уровень маскировки совершенного хищения, т. е. придания внешней легальности совершаемым им хозяйственным операциям.

Требования, предъявляемые к должностным лицам, исключают наличие непогашенной или неснятой судимости. Вместе с тем не исключены

случаи наличия у должностного лица погашенной либо снятой судимости, либо большого количества фактов привлечения к административной ответственности, в том числе за нарушения норм законодательства, регламентирующей деятельность предприятия. Данная особенность также усложняет выявление и последующее доказывание виновности должностного лица ввиду наличия опыта общения с сотрудниками как проверяющих ведомств, так и органов уголовного преследования.

Исходя из специфики учреждений системы ЖКХ Республики Беларусь, а также практического опыта деятельности можно сделать вывод о том, что в абсолютном большинстве субъектов преступления, предусмотренного ст. 210 УК, является должностное лицо такой категории, как мастер, начальник участка, директор, в возрасте от 30 до 50 лет, имеющее опыт работы более 7 лет, высшее образование, ранее несудимое, вместе с тем имеющее большой опыт общения с контролирующими, в том числе правоохранительными органами. Более того, указанная категория лиц относится к интеллектуально-меркантильному типу личности. Такому лицу присущи осведомленность о противоправности и наказуемости совершаемого деяния, игнорирование правовых и социальных норм, целеустремленность, предприимчивость, изобретательность, коварство, приспособляемость к условиям, способствующим хищению. Перечисленные признаки отражаются в механизме преступления при его подготовке, совершении и сокрытии. Таким образом, приходится иметь дело с высокоинтеллектуальными противниками («беловоротничковая преступность»), которые нередко создают многоуровневые системы псевдолегализации своих противоправных действий [3, с. 111]. Указанные факторы значительно влияют на степень латентности совершаемых преступлений и уровень противодействия правоохранительным органам со стороны преступников.

Знание особенностей типа личности преступника в дальнейшем необходимо для организации проведения проверочных мероприятий и производства неотложных следственных действий с участием должностного лица, совершившего хищение путем злоупотребления служебными полномочиями в сфере ЖКХ.

Таким образом, под криминалистической характеристикой личности расхитителя по делам о хищениях путем злоупотребления служебными полномочиями следует понимать элемент криминалистической характеристики хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в сфере ЖКХ, представляющий собой систему данных об уголовно-правовых характеристиках (должностное положение, мотив, прежний опыт совершения преступлений, совершение преступлений группой

лиц), индивидуально-личностных и социально-психологических свойствах личности (возраст, пол, место рождения и жительства, лидерские способности, инициативность, предприимчивость, уровень образования, квалификационные требования и стаж работы в организации, круг общения, социальные связи, семейное положение и роль семьи, материальный достаток, поведение во время расследования), позволяющих установить следовую картину преступления, способ его совершения, причастных к нему лиц, а также решить тактические задачи расследования [4, с. 75].

Способ совершения преступления – наиболее значимый элемент криминалистической характеристики. Его значение обусловлено тем, что он содержит уникальную информацию как о личности преступника, так и о следах его преступной деятельности.

Следует отметить, что под способом совершения хищения путем злоупотребления служебными полномочиями должностным лицом ЖКХ, понимается элемент, состоящий из совокупности умышленных действий по подготовке, совершению и сокрытию незаконного, безвозмездного завладения с корыстной целью материальными ценностями бюджетной организации должностным лицом с использованием для этого своих служебных полномочий, охватываемый единым преступным замыслом, детерминированный экономико-правовой характеристикой юридического лица и психофизическими качествами личности расхитителя (расхитителей), вовлеченных им (ими) в совершение преступления работников организации: избирательным использованием им (ими) соответствующих особенностей учетной политики, документооборота организации, а также программных продуктов ведения финансово-бухгалтерской деятельности, расчетов с работниками и дистанционного управления финансовыми потоками.

При этом способ совершения хищения целесообразно рассматривать с двух основных позиций – подготовки и совершения хищения.

Так, подготовка к совершению хищения путем злоупотребления служебными полномочиями характеризуется подысканием предмета хищения – имущества или создание специальных резервов имущества для последующего похищения [5, с. 87].

Литературные источники свидетельствуют о следующих основных способах подготовки к совершению хищения путем злоупотребления служебными полномочиями:

интеллектуальный подлог, связанный с составлением подложных документов на несуществующие операции или их объем;

приписки за счет необоснованного списания средств за работу, которая фактически не выполнялась либо выполнялась не в полном объеме;

пересортица, связанная с созданием денежных излишков за счет их реализации (учета) имущества, как более дорогого, вследствие более высоких его качеств;

необоснованное списание сырья и материалов, которые в действительности использовались в меньшем количестве вследствие естественной экономии при соблюдении технологического процесса;

материальный подлог, основанный на фальсификации документов путем подчистки, исправления, дописки реквизитов документа и т. д.;

приписки за счет искусственного увеличения отдельных показателей работы с целью повышения премий, установления повышенного коэффициента заработной платы;

необоснованное списание подотчетного имущества как непригодного к использованию;

использование технологических способов в нарушение технологических (строительных) норм, приводящих к уменьшению затрат сырья, чтобы нормативное, а не фактическое списание затрат образовывало резерв материалов для последующего их хищения [6, с. 215].

В стадии совершения хищения путем злоупотребления служебными полномочиями могут быть реализованы следующие типичные способы:

завладение имуществом с помощью банковской платежной карточки работника или расхитителя:

обналичивание денежных средств через карт-счет работника или расхитителя;

осуществление оплаты платежей с помощью банковской платежной карточки работника или расхитителя;

получение (изъятие) денег в кассе организации:

неуполномоченным лицом;

расхитителем;

лицом, исполняющим обязанности кассира;

обналичивание денежных средств через расчетные счета коммерческих предприятий;

вынос или вывоз имущества на транспортном средстве:

подысканного имущества;

сырья, материалов или изготовленной из них продукции [6, с. 215].

При этом анализ материалов и уголовных дел о хищениях путем злоупотребления служебными полномочиями в системе ЖКХ свидетельствует, что наиболее часто встречаются следующие способы их совершения:

фиктивное трудоустройство граждан;

заключение фиктивного договора подряда;

излишнее начисление премий и иных выплат должностным лицом сотрудникам предприятия с последующей передачей денежных средств должностному лицу;

составление фиктивных нарядов-заданий на сотрудников предприятия с последующей передачей начисленных денежных средств должностному лицу.

Указанные способы совершения хищений путем злоупотребления служебными полномочиями должностными лицами предприятий системы ЖКХ являются наиболее встречаемыми. Более того, именно в механизмах их совершения находят отражение отдельные элементы в виде особенностей функционирования предприятий ЖКХ, что требует от сотрудников органа уголовного преследования четкой организации действий при проведении проверки по заявлениям (сообщениям) о преступлениях рассматриваемой категории. В этой связи полагаем целесообразным уделить более детальное внимание их рассмотрению для правильной организации проверки и процесса расследования в целях недопущения утери доказательственной базы.

Следует отметить, что способы совершения хищений путем злоупотребления служебными полномочиями на предприятиях системы ЖКХ обладают высокой степенью латентности, а также внешней легальностью, что затрудняет процесс их выявления со стороны сотрудников органа уголовного преследования.

Способы совершения хищений путем злоупотребления служебными полномочиями должностными лицами ЖКХ находятся в прямой связи с носителями информации, которые несут о них криминалистически значимые сведения.

Следовая картина рассматриваемого вида хищений структурно состоит из идеальных и материальных следов.

Если общекриминалистические следы (следы пальцев рук, транспортных средств, обуви и др.) не требуют детального рассмотрения, так как подробно изучены в различных частях криминалистической трасологии, то документальные следы являются специфическими и характерными, как правило, для отдельных форм хищений коррупционной направленности и, в частности, деяния, предусмотренного ст. 210 УК.

Для хищений, совершенных путем злоупотребления служебными полномочиями на предприятиях системы ЖКХ, наиболее распространенными являются следующие категории документов, формирующие систему источников доказательств:

документы, регламентирующие общий порядок функционирования предприятия системы ЖКХ: устав и коллективный договор. Указанная

категория документов регламентирует общий порядок функционирования предприятия ЖКХ, его основные задачи и направления работы, порядок оплаты труда и премирования;

кадровая документация. Данная группа является наиболее обширной категорией документов, содержащей материальные следы хищения;

бухгалтерские документы по выплате заработной платы, произведенной оплате за выполненные работы в рамках заключенного договора, произведенные премиальные выплаты;

документация по учету рабочего времени либо документация, подтверждающая фактическое выполнение работ в рамках заключенного договора подряда;

иная документация. К указанной категории документов следует отнести журналы выдачи инвентаря, ознакомления с правилами техники безопасности, прибытия на работу, а также документацию, регламентирующую порядок закрепления территории за бригадами предприятия ЖКХ для выполнения работ, а также журналы списания материалов;

программное обеспечение предприятий сферы ЖКХ. Так, в частности программы «1С: бухгалтерия» и «Кадровик» дублируют сведения, отраженные на бумажных носителях. Вместе с тем доступ в указанные программы имеет ограниченный круг лиц, что немаловажно при принятии мер по сокрытию следов совершенного преступления посредством уничтожения документов на бумажном носителе со стороны должностного лица.

Под **обстановкой** совершения хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в криминалистическом аспекте понимается система различного рода взаимодействующих между собой до и в момент преступления объектов, явлений и процессов, характеризующих место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды, особенности проведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления.

Организация работы в указанных выше структурных подразделениях имеет исключительные особенности и характерные черты функционирования коммунального хозяйства, которые предопределяют последующее совершение хищений должностными лицами. В своем большинстве подразделения предприятий ЖКХ структурно разделены на бригады. Количество бригад, а также их численность варьируется в зависимости от территории обслуживания. Так, районные подразделения пред-

приятий ЖКХ г. Минска включают от 5 до 10 бригад средней численностью до 15 человек. Данная особенность предопределяет изначально низкий уровень контроля со стороны руководителей предприятий ЖКХ за фактическим выполнением должностных обязанностей со стороны членов бригады. В указанном случае полный объем организационно-распорядительных обязанностей находится в ведении низшего звена руководителей предприятий системы ЖКХ, в частности, мастеров, что создает предпосылки для совершения хищений путем злоупотребления служебными полномочиями.

Немаловажным элементом обстановки совершения хищений путем злоупотребления служебными полномочиями на предприятиях ЖКХ является большая площадь обслуживаемой территории, что также предопределяет низкий уровень контроля со стороны руководителей. Более того, обширная территория обслуживания предприятиями ЖКХ и недостаточность материально-технической базы влечет за собой необходимость заключения дополнительных договоров на оказание услуг. Указанная особенность также влечет за собой дополнительную организацию мероприятий по контролю за выполнением проведенных работ должностным лицом ЖКХ.

На наш взгляд, основная причина совершения коррупционных преступлений в системе ЖКХ – отсутствие на предприятиях надлежащего внутривладельческого контроля, что позволяет должностным лицам злоупотреблять своими полномочиями [7, с. 279]. Существенным элементом характеристики обстановки совершения хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в сфере ЖКХ также является особенность иерархии должностных лиц в структуре подразделений, в которых наиболее часто совершаются хищения. Так, на примере районного предприятия системы ЖКХ иерархия должностных лиц выглядит следующим образом: директор – заместитель директора по благоустройству – начальник участка (участок включает в себя отдел по благоустройству, транспортный отдел, отдел зеленого строительства с соответствующими руководителями отделов). Указанная иерархия влечет за собой возможность совершения хищения путем злоупотребления служебными полномочиями группой лиц. Следует также отметить, что подобная иерархия должностных лиц наблюдается практически в каждом подразделении предприятий ЖКХ, особенно подверженных риску совершения преступлений коррупционного характера.

К основным элементам обстановки совершения преступления также следует отнести специфику графика трудовой деятельности сотрудников предприятий ЖКХ, а также зависимость графика трудовой деятельности от погодных условий. Завершая рассмотрение характеристики

обстановки совершения хищения путем злоупотребления служебными полномочиями на предприятиях ЖКХ, следует констатировать отсутствие автоматизированного контроля за прибытием сотрудников на рабочие места (наличие пропускного режима), а также низкий уровень организации и ведения документооборота.

Полагаем целесообразным сделать следующие выводы:

криминалистическая характеристика хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, совершаемых в сфере ЖКХ, представляет систему сведений о криминалистически значимых элементах изучаемого деяния, отражающая закономерные связи между ними и позволяющая органам уголовного преследования успешно организовать производство по материалам и уголовным делам в рамках досудебного производства;

систему сведений криминалистической характеристики хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, совершаемых в сфере ЖКХ, образуют следующие взаимосвязанные между собой элементы: личность преступника, способ совершения хищения, обстановка совершения хищения, следовая картина хищения;

знание основных структурных элементов криминалистической характеристики хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, совершаемых в сфере ЖКХ, позволяет органам уголовного преследования оптимизировать процесс производства по материалам и уголовным делам, успешно решать задачи по установлению признаков преступления и доказыванию виновности должностного лица, совершившего хищение.

Список использованных источников

1. Новикова, М.А. Коррупционные преступления в сфере благоустройства и коммунального хозяйства как объект криминалистического исследования / М.А. Новикова // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 2-2. – С. 132–137.
2. Хилюта, В.В. Должностное лицо как субъект хищения, совершаемого путем использования служебных полномочий / В.В. Хилюта // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Серыя 4, Правазнаўства. – 2014. – № 5. – С. 87–98.
3. Каменецкий, Ю.Ф. Экономико-правовая характеристика бюджетной сферы как элемент криминалистической характеристики хищений путем злоупотребления служебными полномочиями / Ю.Ф. Каменецкий // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2014. – № 2. – С. 109–113.
4. Каменецкий, Ю.Ф. Расследование хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере : в 2 ч. / Ю.Ф. Каменецкий, В.П. Шиенок. – Минск : СтройМедиаПроект, 2017. – Ч. 1 : Теоретические основы и информационное обеспечение. – 246 с.

5. Каменецкий, Ю.Ф. Хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере: историко-правовой и криминологический аспекты / Ю.Ф. Каменецкий // Законность и правопорядок. – 2017. – № 1. – С. 67–71.

6. Каменецкий, Ю.Ф. Характеристика способов совершения хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере / Ю.Ф. Каменецкий // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D, Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 5. – С. 214–218.

7. Пацкевич, А.П. Криминалистическая характеристика коррупционных преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь / А.П. Пацкевич // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 15–16 марта 2019 г. / Вост.-Сиб. ин-т МВД Рос. Федерации ; редкол.: В.Ф. Гольчевский [и др.]. – Иркутск, 2019. – С. 275–281.

УДК 349.6

В.О. Мурга, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *М.А. Кравцова*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА ОЗОНАРАЗРУШАЮЩИХ ВЕЩЕСТВ

Проблема истощения озонового слоя является глобальной и угрожает человечеству и всему живому на Земле. Следует отметить, что данная проблема имеет отношение не только к сфере охраны окружающей среды, но также тесно связана и с экономическими национальными интересами. Разрушение озонового слоя – один из факторов, вызывающих глобальное изменение климата на нашей планете. Последствия этого явления, названного «парниковым эффектом», крайне сложно прогнозировать.

В процессе поступательного развития современной цивилизации человечество постоянно преобразует окружающую среду с целью повысить качество жизни общества. Однако результатом подобных преобразований временами становятся непредвиденные пагубные последствия, которые не только влияют на жизнь и здоровье человека, но и являются прямой угрозой существованию всего живого.

В современных условиях достижение целей сиюминутной экономической выгоды все чаще приводит к резкому обострению экологической ситуации в мире, когда проблемы взаимоотношений человека и окружающей его среды приобретают глобальный характер.

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в своем ежегодном докладе справедливо отметил, что изменения в окружающей среде не признают национальных границ и представляют собой одну из самых серьезных проблем, связанных с глобализацией всех мировых процессов.

Озоновый слой – один из компонентов природной среды. В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» озоновый слой рассматривается как объект отношений в области охраны окружающей среды [1].

Опыт международно-правового регулирования озонового кризиса явился первым примером эффективного объединения усилий мирового сообщества для решения глобальной экологической проблемы. Этот факт делает необходимым изучение положений международно-правовых соглашений по защите озонового слоя (прежде всего Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г. и Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой, 1987 г.) и их реализации в международном и национальном праве. Всестороннее изучение данного опыта с выявлением всех позитивных и проблемных моментов делает возможным его дальнейшее использование при решении других экологических проблем [3].

Самые существенные этапы разрушения озонового слоя: миссии – в результате деятельности человека, природных процессов на Земле эмитируются (высвобождаются) газы, содержащие галогены (бром и хлор), т. е. вещества, разрушающие озоновый слой; аккумулятивное (эмитированные газы, содержащие галогены, аккумулируются (накапливаются) в нижних атмосферных слоях и под воздействием ветра, а также потоков воздуха перемещаются в регионы, которые не находятся в прямой близости с источниками такой эмиссии газов); перемещение (аккумулятивные газы, содержащие галогены, с помощью потоков воздуха перемещаются в стратосферу); преобразование (большая часть газов, содержащих галогены, под воздействием ультрафиолетового излучения Солнца в стратосфере преобразуются в легко реагирующие галогенные газы, в результате чего в полярных регионах Земного шара разрушение озонового слоя происходит сравнительно активнее); химические реакции (легко реагирующие галогенные газы вызывают разрушение озона стратосферы; фактор, способствующий реакциям, – полярные стратосферные облака); удаление (под воздействием воздушных потоков легко реагирующие галогенные газы возвращаются в тропосферу, где из-за присутствующей в облаках влажности и дождей разделяются, и таким образом из атмосферы полностью удаляются).

Рассматриваемая проблема как никогда актуальна в наши дни. Для дальнейшего сохранения озонового слоя необходимы следующие меры:

во-первых, продолжать наблюдения за озоновым слоем, чтобы оперативно отслеживать непредвиденные изменения; обеспечить выполнение странами принятых соглашений; во-вторых, продолжать работу по определению причин изменений озонового слоя и оценивать вредные свойства новых химикатов в отношении разрушения озона и влияния на изменение климата в целом. Достаточно важным представляется продолжать предоставлять информацию о технологиях и замещающих соединениях, позволяющую использовать холодильную технику, кондиционирование воздуха и теплоизоляционные пеноматериалы, не нанося ущерба озоновому слою.

Истощение озонового слоя – одна из важнейших экологических проблем Земли. Большинство стран мира, в том числе Беларусь, осознавая необходимость охраны защитного экрана планеты, приняли ряд соответствующих соглашений и нормативных актов. В частности, в нашей стране контроль над состоянием озоносферы был возложен на Национальный научно-исследовательский центр мониторинга озоносферы.

За изменениями толщины озонового слоя над страной следят специалисты Национального научно-исследовательского центра мониторинга озоносферы. Это учреждение появилось в июне 1997 г. и насчитывает 19 научных сотрудников.

16 сентября 1987 г. был подписан Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой. В ознаменование этого события в 1994 г. Генеральная ассамблея ООН специальной резолюцией объявила 16 сентября ежегодным Международным днем охраны озонового слоя. Во всем мире в этот день отмечают Международный день охраны озонового слоя. Такая традиция зародилась 21 год назад в честь дня разработки Монреальского протокола. Этот документ обязывает страны сократить, а со временем и вовсе отменить производство веществ, разрушающих озоновый слой. К настоящему времени договор подписали и выполняют 197 стран мира. Эта ситуация уникальна тем, что решение данной глобальной проблемы повлекло за собой принятие соглашения, которое объединило столько стран.

Беларусь активно включилась в процесс охраны озонового слоя в 1991 г., сразу после обретения суверенитета. 16 сентября в стране открылись выставки, проводились тематические конкурсы, лекции и семинары.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

озоновый слой – один из компонентов природной среды, объект отношений в сфере охраны окружающей среды. В соответствии с законодательством Республики Беларусь под ним понимается слой атмосферного озона, расположенный в стратосфере, поглощающий биологически

опасное ультрафиолетовое солнечное излучение. В данном определении не раскрыта еще одна важная особенность озонового слоя: он имеет большое значение для поддержания температурного баланса на Земле. В силу особых свойств озоновый слой не может являться объектом права собственности (как государственной, так и частной) и объектом права природопользования.

Проблема истощения озонового слоя требует глобального решения, если все страны будут работать сообща и будут нацелены на сохранение озонового слоя, то препятствия будут устранены;

деятельность по сохранению озонового слоя Земли переросла из научной и технологической в политическую проблему. Республика Беларусь последовательно подходит к выполнению своих международных обязательств. Несмотря на экономические проблемы переходного периода, наше государство активно участвует в подходах мирового сообщества по выводу озоноразрушающих веществ из обращения;

на национальном уровне отношения в области охраны озонового слоя в целях обеспечения благоприятной среды обитания человека, сохранения, улучшения и восстановления природных качеств озонового слоя урегулированы Законом Республики Беларусь «Об охране озонового слоя» [4]. Нормы данного закона согласовываются с нормами международно-правовых актов, составляющих нормативную правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, принятых на основе положений Венской конвенции об охране озонового слоя, Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой;

белорусское законодательство соответствует выработанным международным сообществом подходам к охране озонового слоя и базируется на принципах приоритета охраны жизни и здоровья человека.

Список использованных источников

1. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ : в ред. от 16.12.2019 г. № 269-3 // Бизнес-инфо. Беларусь / ООО «Проф. правовые системы», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Экологическое право : учеб. пособие / С.А. Балашенко [и др.] ; под ред. Т.И. Макаровой, В.Е. Лизгаро. – Минск : БГУ, 2008. – 379 с.
3. Венская конвенция об охране озонового слоя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml. – Дата доступа: 08.04.2020.
4. Об охране озонового слоя [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 нояб. 2001 г., № 56-3 : в ред. от 18.07.2019 г. № 201-3 // Бизнес-инфо. Бела-

реть / ООО «Проф. правовые системы», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. О лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 сент. 2010 г., № 450 ; в ред. от 31.12.2019 г. // Бизнес-инфо. Беларусь / ООО «Проф. правовые системы», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 341.211

Д.А. Новаш, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.Н. Мазаник*

СУВЕРЕНИТЕТ И НАДНАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ОСНОВНЫХ ТЕОРИЯХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В настоящее время сложно представить эффективное функционирование государства без осуществления международного сотрудничества, поскольку не все возникающие проблемы, в том числе внутрисударственные, государства могут решать самостоятельно. Для реализации своей деятельности на международной арене государства должны обладать определенными свойствами, в частности, суверенитетом, который предполагает юрисдикцию на собственной территории и независимостью друг от друга в международных отношениях. В современном мире государства, как субъекты международного права, активно используют такую форму взаимодействия в важнейших сферах общественных отношений, как объединение в международные организации.

Несмотря на важность суверенитета для любого современного государства, в условиях глобализации все более ощутима тенденция к усилению роли международных организаций. Они создаются и осуществляют свою деятельность на основе международного договора, который определяет структуру международной организации, ее полномочия, порядок принятия решений и юридическую силу актов.

Одной из региональных международных организаций с высокой степенью интеграции является Европейский союз (ЕС), который был создан на основе Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) 1951 г., Европейского сообщества по атомной энергии 1957 г., Европейского экономического сообщества 1957 г. в результате объединения этих ранее самостоятельных организаций и назывался Европейскими сообществами. Правовая природа ЕС, его полномочия в отношении государств-членов вызывают научный интерес исследователей. В первую очередь

это связано с тем, что данная международная организация имеет в своей структуре органы, обладающие законодательными полномочиями, принимающие в рамках законодательной процедуры акты, обязательные для исполнения. Отдельные из них обладают принципом прямого действия на территории государств – участников ЕС и не требуют имплементации в национальное законодательство, что позволяет говорить о том, что ЕС – международная организация, обладающая элементами наднациональности.

Идея европейской интеграции уходит своими корнями в глубину столетий. Зародившись во времена Франкской империи Каролингов (VI – начало IX в.), она получила свое продолжение в Священной Римской империи (вторая половина X в. – 1806 г.), нашла выражение в католическом папозезаризме и концепциях объединения христианских правителей, постоянно, в течение всей европейской истории, появлялась в трудах различных авторов [1]. Однако объективные предпосылки для успешной реализации интеграционных идей сложились в Европе лишь по окончании Второй мировой войны. Началу и дальнейшему углублению интеграционных процессов, как отмечается в научной литературе, способствовал ряд факторов, главными из которых стали: стремление предотвратить угрозу новых войн; противостояние социалистическому лагерю и советская угроза; необходимость создания условий для эффективной конкуренции в различных сферах с США и другими отдельными странами; экономическая целесообразность устранения таможенных барьеров и других препятствий движению товаров, услуг, капиталов и людей в Европе; повышение уровня производительных сил и др.

В западной политической науке интенсивные исследования интеграционной проблематики начались уже на рубеже 40–50-х гг. XX в. Толчок им дали, в частности, и Европейский конгресс в Гааге (1948 г.) [2] и обнародование в 1950 г. Декларации Шумана [3] о создании Европейского объединения угля и стали.

Несмотря на осознание целесообразности проведения политики интеграции, в среде ученых и политических деятелей европейских стран появились дискуссии относительно ее объема, содержания и путей реализации. Они продолжаются и в настоящее время. Глубинные политические и экономические изменения, которые происходят в Европе, – способ реагирования на них государств. Они ставят на повестку дня проблему определенных противоречий. Возникает вопрос о согласовании реализации национальных интересов и сохранения суверенитета государства с одновременным вовлечением его во взаимодействие и взаимозависимость в рамках наднациональной интеграции.

Среди политиков и ученых разных европейских государств не существует общей позиции и общепринятого мнения относительно разграничения сфер «суверенности» и «взаимозависимости» в интеграционных процессах. Ситуацию усложняет и отсутствие консенсуса относительно будущей окончательной или, по крайней мере, целесообразной формы организации новой Европы. Будет ли это и в дальнейшем объединение суверенных государств, или оно постепенно трансформируется в федеративную форму государственного устройства? Фактически до сих пор, несмотря на принятие в рамках ЕС многочисленных программных документов, общепризнанная концепция развития европейского единства не выработана. Основные дискуссии в области поиска путей и методов реализации политики европейской интеграции в дальнейшем идут в среде ученых, которые объединяются вокруг трех ведущих теоретических школ (течений) региональной интеграции – федералистской, функционалистской и неофункционалистской [4, s. 43].

Главным импульсом к возникновению в конце 40-х гг. федералистских концепций интеграции, вдохновителями которых были выдающиеся исследователи европейской проблематики А. Марк, Дж. Герард и А. Спинелли, стал трагический опыт Второй мировой войны и боязнь перед появлением новых милитаристских угроз. Федералисты выступали за политические шаги, которые, не ликвидируя полностью существующие национальные государства, передают значительную часть их суверенных прав и компетенций надгосударственной структуре, способной эффективно воплощать в жизнь достижения социального и экономического прогресса, а также обеспечить прочный и длительный мир между федерализированными странами и их безопасность [5]. Поскольку классические механизмы международных отношений по поддержанию мира и безопасности оказались, по мнению федералистов, недостаточно эффективными, то на независимость государств следует наложить формальные ограничения, какой бы сложной задачей это не было. Отсюда представители данной школы делают вывод о необходимости возникновения наднациональной организации. В своем развитии федералистская концепция разделилась на два течения – радикальное и умеренное. Первое исходит из убеждения в несовершенстве государств, хаотичное поведение которых требует на наднациональном уровне сильной власти, что заставит их взаимодействовать и согласовывать интересы, в первую очередь в политической сфере. Решение о сотрудничестве при этом требует соответствующей институционализации и создания органов, наделенных соответствующими своим задачам полномочиями. Наиболее радикальные федералисты прогнозировали быструю замену

государств региональными федерациями [6, s. 26]. Умеренный федерализм вместо быстрого объединения государств в федерацию предусматривал постепенное эволюционное движение в направлении достижения наднационального единства через последовательное углубление связей в рамках «сообщества государств». Самым известным представителем этой концепции стал в 60-е гг. авторитетный бельгийский историк Генри Бругманс [4, s. 24]. Оба течения объединяла мысль, что политические институты демократической Европы должны создаваться прежде всего путем передачи части полномочий в сферах инициирования, обсуждения, принятия и выполнения решений – от органов государств к европейской исполнительной, законодательной и судебной власти.

Ведущим теоретиком функционализма был английский политолог Дэвид Митрани, чьи труды, опубликованные в разгар Второй мировой войны, оказали значительное влияние на современных теоретиков европейской интеграции. Он считал, что растущая численность и сложность функций власти приводит к перегруженности правительств техническими задачами, лишёнными политического характера. Если бы эти функции были переданы компетентным специалистам и таким образом полностью были вынесены за рамки государственной политики, то это способствовало бы делу международной интеграции. Таким образом, предлагаемая функционалистами стратегия призывает к интеграции государств в более широкую общность. Постоянное расширение задач, которые должны решаться на надгосударственном уровне, должно стать следствием действия фундаментального для этой интеграционной теории явления – так называемого «эффекта переливания» (spillover effect) [6, s. 26]. Суть его заключается в том, что в процессе реализации программ регионального сотрудничества в какой-то одной отрасли происходит автоматическое распространение и на другие, смежные. Таким образом, возникает и концентрируется сеть межгосударственных взаимосвязей, которая способствует устранению существующих между странами разделений и барьеров. С течением времени это приводит к приспособлению государственных структур к объективной, естественной интеграции «снизу», в том числе и в политической сфере. Для Д. Митрани суверенитет государств был одним из факторов, которые препятствовали процессам интеграции, поэтому предлагаемая им стратегия предполагала развитие транснациональной системы сотрудничества в мировом масштабе [7, p. 17]. В то же время в большей степени он высказывался за функционально обусловленное сотрудничество государств, чем за реализацию наднациональных проектов. Классический функционализм по мере развития европейской интеграции подвергался все более острой

критике. Его обвиняли в искусственном разъединении экономических и социальных задач от политических целей, пренебрежении нежеланием государств передавать наднациональной власти свои полномочия, если они имеют хоть какую-то политическую окраску, непонимании различия между техническими вопросами и политической сферой, в которой, как правило, необходима четко выраженная воля государств. Исправить эти недостатки попытались представители более поздней интеграционной школы, которая получила название неофункционализма.

Представителей неофункционализма – самыми яркими из которых были К. Дойч, С. Шайнгольд, Л. Линдберг и Е. Хаас – Д. Митрани характеризовал как «федералистичных функционалистов» [6, s. 27]. Кроме признания фундаментального «эффекта переливания», они пришли к выводу, что в длительной временной перспективе власти функционального сообщества государства будут склоняться к принятию решений федералистской природы. Среди многочисленных неофункционалистских теоретических моделей внимания заслуживает прежде всего концепция Карла Дойча [8, p. 35]. Главным предметом интереса для него было политическое сообщество, что служило бы предотвращению угрозы войны между государствами-членами. Поскольку отсутствие вооруженных конфликтов является не только условием существования такого сообщества, но и жизненным интересом государств, то последние будут прибегать к качественно новым, неизвестным предыдущей практике, интеграционным мерам с целью его укрепления.

Несмотря на периодическое возникновение трудностей и обострения противоречий, главной тенденцией на протяжении всей истории существования Сообществ было движение в направлении углубления интеграционных связей стран-членов. Не ставя под сомнение или угрозу национальную обособленность и самобытность государств, политика и право вместе с соображениями прагматичной экономической целесообразности с первой половины 50-х гг. XX в. стали движущей силой процессов европейской интеграции. Как отмечают отдельные авторы, эти процессы до начала 90-х гг. развивались большей частью на принципах, определенных функционалистской школой, после подписания в 1992 г. Маастрихтского договора вступили в качественно новую фазу. Если в программных положениях учредительных договоров ЕС закладывалось создание Таможенного союза, обеспечение свободного и беспрепятственного движения товаров, услуг и капиталов, введение единого таможенного тарифа, а также общий рынок труда, свободная конкуренция фирм, зарегистрированных в государствах-членах, согласование политики в области сельского хозяйства и транспорта, то в про-

екте Маастрихтского договора уже прямо утверждалось, что «его заключение обозначает новый этап в процессе создания союза, который имеет федеративную цель» [6, s. 52]. Вследствие решительного сопротивления Великобритании в окончательной официальной версии документа слова «федеративная цель» заменены формулировкой, что государства-члены стремятся построить «все более тесный союз» («This Treaty marks a new stage in the process of creating an ever closer union among the peoples of Europe...») [6, s. 52].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

В настоящее время в деятельности ЕС прослеживаются элементы всех трех теорий.

Федералистическая теория предполагает, не ликвидируя полностью существующие государства, передачу значительной части их суверенных прав и компетенций надгосударственной структуре, что предполагает определенную степень ограничения суверенитета в пользу наднациональных структур. Договор о функционировании Европейского союза 1957 г. определяет сферы, границы и порядок осуществления его компетенции. По своей сущности она является властной компетенцией (компетенцией публичной власти), так как предполагает издание органами ЕС общеобязательных норм и индивидуальных предписаний. Решения по вопросам исключительной компетенции принимаются только органами ЕС. По своему происхождению компетенция ЕС производна (делегирована): она образована за счет уступки государствами-членами части своих суверенных прав в пользу наднациональных институтов ЕС.

Суть теории функционализма заключается в том, что региональное сотрудничество в одной из сфер общественных отношений, в дальнейшем распространяется и на другие, смежные, за счет чего устраняются существующие между странами разделения и барьеры. Как отмечалось выше, отдельные авторы считают, что ЕС на начальном этапе развивался на принципах функционализма.

По нашему мнению, в качестве подтверждения такой позиции можно рассматривать тот факт, что образован он был на основе трех сообществ, созданных для сотрудничества в определенных сферах общественных отношений. В дальнейшем в связи с усилением интеграционных процессов полномочия ЕС стали охватывать и другие сферы жизнедеятельности государств. Данная теория на начальном этапе интеграции напрямую не предполагает ни создание наднациональных органов, ни ограничения суверенитета государств, хотя конечным результатом видит создание мировой федерации.

«Неофункционализм», в отличие от других теорий интеграции, уделяет большое внимание исследованию самого процесса, механизма ин-

теграции. Вместе с тем представители данной теории отстаивали точку зрения о неизбежности появления некоего наднационального образования, которым ЕС и является в настоящее время, что предполагает некоторое ограничение суверенитета государств.

Список использованных источников

1. Авилова, М.А. Европейская интеграция: от истории к современности [Электронный ресурс] / М.А. Авилова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-integratsiya-ot-istorii-k-sovremennosti>. – Дата доступа: 24.06.2020.
2. Ковлер, А.И. Европейская интеграция: федералистский проект (историко-правовой очерк) / А.И. Ковлер. – М. : Статут, 2016. – 216 с.
3. Шуман, Р. Для Европы [Электронный ресурс] / Р. Шуман. – Режим доступа: <https://www.robert-schuman.eu/ru/doc/questions-d-europe/qe-391-ru.pdf>. – Дата доступа: 03.06.2020.
4. Oreziak, L. Europejska Wspólnota Gospodarcza w drodze do Unii gospodarczej i walutowej / L. Oreziak // Sprawy międzynarodowe. – 1991. – № 6. – S. 43.
5. Дульский, И.В. Федерализм и функционализм в теории европейской интеграции [Электронный ресурс] / И.В. Дульский. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalizm-i-funktsjonalizm-v-teorii-evropejskoy-integratsii>. – Дата доступа: 24.06.2020.
6. Fiszer, J. Suwerenność i państwa narodowe w integrującej się Europie – przerzytek czy przyszłość? / J. Fiszer ; Wydawnictwo Komitetu Nauk Politycznych PAN. – Poznań ; Warszawa, 1995. – 63 s.
7. Mitrany, D. A Working Peace System / D. Mitrany. – Chicago : Quadrangle Books, 1966. – P. 94–113.
8. Deutsch, K. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience / K. Deutsch. – Princeton, 1957. – P. 35.

УДК 343.98

Р.А. Пахольчик, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.В. Савич*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Как актуально выражение Марка Твена и в настоящее время «Всегда поступайте правильно. Это порадует одних и удивит остальных».

Говоря о процессе формирования, развития и становления общества, стоит отметить, что одним из самых пагубных явлений выступает взя-

точничество. Получение выгоды в личных целях путем злоупотребления властью существует с древнейших времен. Истории известны многие примеры борьбы с этим явлением (порой крайне жестокие), однако оно существует до сих пор. В XXI в. коррупция остается в числе актуальных проблем, присущих всем без исключения странам.

Взятничество – коррупционное проявление и наносит колоссальный материальный ущерб государству. Ежегодно в мире на взятки тратится 1 трлн долл. США. Эти данные приведены в прошлогоднем исследовании ООН, подготовленном к Международному дню борьбы с коррупцией, который отмечают 9 декабря. В результате коррупции государства недополучают ежегодно 2,6 трлн долл. США – сумму, эквивалентную 5 % мирового ВВП. В развивающихся странах потери, связанные с коррупцией, превосходят в 10 раз суммы, выделяющиеся в качестве официальной помощи. В комиссии по внутренней безопасности ЕС утверждают, что коррупция каждый год приносит ущерб евроэкономике в размере 120 млрд евро. По оценкам Европейского бюро по борьбе с мошенничеством (англ. – OLAF), страны Европейского союза ежегодно теряют от коррупции 323 млрд евро [1].

Следует отметить, что взятка является одним из ярких проявлений коррупции. Коррупционные преступления вызывают возмущение у честных граждан. Особая общественная опасность взяточничества выражается в нескольких направлениях: в незаконном обогащении должностного лица; в ущербе охраняемым законом общественным отношениям; в ущербе, причиняемом обществу в виде подрыва авторитета и престижа законной власти.

При совершении должностным лицом любого преступления такие моральные категории, как честь, служебный долг, бескорыстие всегда подрываются, указанные преступления дискредитируют государственную власть и ее представителей, создают у граждан представление о возможности удовлетворения своих интересов путем подкупа должностных лиц, способствуют криминализации общества и усиливают пренебрежение к закону.

Существует множество пословиц о взятках, отражающих глубинный смысл данного преступления: «Дары и мудрых ослепляют»; «Если золото всплыло – правда потонет»; «Не та рука плоха, что держит свое, а та, что тянет чужое»; «Когда деньги говорят – правда молчит».

Следует указать также на ряд проявлений негативных последствий взяточничества в экономической сфере, которые заключаются в следующем: расширяется теневая экономика, что приводит к уменьшению налоговых поступлений и ослаблению бюджета; нарушается конкурен-

тоспособность рынка, поскольку «конкурентоспособным» становится тот, кто получил преимущества незаконно; неэффективно используются бюджетные средства при распределении государственных заказов и кредитов и др. [2].

Взятничество, являясь наиболее опасным коррупционным преступлением, может быть связано с другими преступлениями экономического характера (незаконное предпринимательство, нарушение таможенных правил, уклонение от уплаты налогов), преступления против собственности (хищение имущества, мошенничество) и др.

В Беларуси создана эффективная законодательная база по борьбе с коррупцией во всех сферах жизнедеятельности общества; созданы и реализованы на практике механизмы государственной антикоррупционной политики, доказавшие свою эффективность.

Однако само расследование данного вида преступления является сложной и кропотливой работой. Это связано с тем, что и взяткодатель, и взяткополучатель для решения своих вопросов заинтересованы во взяточничестве и всячески скрывают его. В связи с этим очень трудно выявить факты получения взяток. Здесь отсутствует субъект, который может сообщить о данном преступлении. Очень тяжело построить доказательственную базу в связи с отсутствием всей системы доказательств. Для решения указанных и иных проблем расследования в криминалистике разработана криминалистическая характеристика.

Изучение точек зрения Н.И. Порубова, Р.С. Белкина, Д.А. Хохлова, Н.П. Яблокова и других ученых на понятие и содержание криминалистической характеристики помогло прийти к выводу об элементах, составляющих криминалистическую характеристику взяточничества [3, с. 5; 4, с. 697; 5, с. 148; 6, с. 338].

По нашему мнению, в состав криминалистической характеристики взяточничества входят следующие элементы: предмет преступного посягательства; обстановка совершения взяточничества (место и время совершения преступления, криминалистические признаки взяточничества, способы совершения преступления); материальные следы; особенности личности взяткополучателя, взяткодателя, посредника и мотивы преступления.

В результате проведенного исследования и опроса 15 сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь было установлено, что предметом взятки являются деньги (82 %); имущество и материальные ценности (13 %); услуги и блага материального характера (5 %).

Знание того, чем является предмет взятки, дает возможность понять механизм преступления и его способ, а знание характера и индивидуальных особенностей конкретных предметов, переданных в качестве

взятки, помогает определить направление и способы их обнаружения, а также способы их идентификации [6, с. 338].

Место совершения взяточничества можно рассматривать по расположению в пространстве. Чаще всего взятки передаются в служебном кабинете должностного лица (место работы взяткополучателя (53 %); в общественном месте (на улице, во дворе, сквере, парке, рынке) (24,2 %); в барах, ресторанах, кафе, банях, гаражах и иных помещениях (6 %); по месту работы взяткодателя или посредника (5,4 %); в транспортном средстве последних (3,4 %); в транспортном средстве взяткополучателя (5,4 %); по месту жительства взяткополучателя (2 %); по месту жительства взяткодателя или посредника (0,7%) [7, с. 95].

Относительно времени передачи предмета взятки, следует отметить, что время осуществления данного действия – дневное рабочее.

С точки зрения криминалистической характеристики взяточничества, элемент «время» представляет интерес в связи с моментом выполнения служебного действия (бездействия) должностным лицом.

Виды взяток в зависимости от времени их передачи должностному лицу:

взятка, переданная до совершения служебного действия (бездействия), когда заранее определяется, обуславливается поведение должностного лица (взятка подкуп);

взятка, переданная после совершения должностным лицом служебного действия (взятка благодарность). Такие взятки, например, могут передаваться и через год, два, пять, десять и более лет;

взятка, передаваемая независимо от времени совершения должностным лицом служебного действия (взятка за покровительство или попустительство по службе), передается за благоприятное решение вопросов, входящих в компетенцию должностного лица. Для данного вида взятки характерна системность ее вручения [8, с. 42].

В качестве криминалистических признаков взяточничества, т. е. изменений, которые возникают и указывают на совершение данного преступления, в криминалистике указан достаточно большой их перечень. Так, в частности, признаки взяточничества классифицируются по сферам, в которых они могут проявляться: в должностной сфере; в частной жизни взяткополучателя [8, с. 69].

Следует отметить, что данные и иные признаки относятся к признакам, указывающим на возможность совершения взяточничества со стороны взяткополучателя. По нашему мнению, криминалистические признаки, указывающие на возможность совершения взяточничества со стороны взяткодателя, также являются актуальными и должны быть

рассмотрены в рамках криминалистической характеристики. К данным признакам относятся:

признаки, указывающие на совершение действий, направленных на получение интересующего взяточдателя блага. К ним относятся различные действия взяточдателя по поиску денежных средств и подысканию предмета взятки; действия по оказанию услуг в пользу взяточполучателя либо оплата услуг и др.;

признаки, указывающие на факт получения интересующего взяточдателя блага. Они зависят от вида данного блага и в каждом случае они свои. К данным признакам относятся: повышение в должности взяточдателя; получение квартиры вне очереди и др.

Каждый из указанных признаков может свидетельствовать о поведении, не связанном с преступной деятельностью. Однако их выявление и установление имеют существенное значение, прежде всего в ходе проверки первичной информации о взяточничестве.

Особое место в криминалистической характеристике взяточничества занимают способы его совершения. Данному направлению научного исследования посвящены работы Р.С. Белкина, И.А. Ипатов, С.П. Кушниренко, И.В. Александрова и других ученых-криминалистов [4, с. 698; 6, с. 338; 8, с. 33; 9, с. 89; 10, с. 27].

С нашей точки зрения, классификация способов взяточничества может быть представлена следующим образом.

По наличию или отсутствию посредников: как со стороны взяточполучателя, так и со стороны взяточдателя: без посредников; с посредником со стороны взяточполучателя; с посредником со стороны взяточдателя; с посредниками со стороны и взяточполучателя, и взяточдателя.

По технологии непосредственной передачи предмета взятки: передача предмета взятки при непосредственном контакте участников; передача предмета взятки без непосредственного контакта участников.

По наличию или отсутствию факта вымогательства взятки взяточполучателем: прямое требование; требование с намеком в неопределенной форме; навязывание взяточдателю невыгодных условий сделок и др.

По маскировке способа передачи взятки. Данная классификация полно представлена в работе С.П. Кушниренко и к ней относятся следующие виды: дача взятки под видом дарения; якобы займы; погашение несуществующего долга или прощение действительного долга; купля-продажа ценных вещей за бесценок, неравноценный обмен вещей; отпуск товаров по льготным (заниженным) ценам; под видом выигрыша в карты, бильярд и другие игры, в том числе в лотерею; под видом вы-

игранного пари и др. [8, с. 34]. Нами установлено, что взятка передавалась, маскировалась: под видом подарка в 36,4 %; дача денег в долг или возмещением несуществующего долга в 15,2 %; как необходимость передачи денежных средств третьему лицу в 12,1 %; передача материальных ценностей не взяточполучателю, а якобы организации, в которой он работает, в 33,3 %.

По характеру и виду служебных действий (бездействия) взяточполучателя. Данная классификация представлена в работах Н.П. Яблокова и Н.И. Порубова и не требует усовершенствования и научной разработки [3, с. 193 ; 6, с. 340].

С научной и практической точек зрения, имеет значение знание способов подготовки, совершения и сокрытия взяточничества как со стороны взяточдателя, так и со стороны взяточполучателя.

По нашему мнению, к действиям по подготовке к совершению взяточничества относятся:

действия взяточполучателя (замедление действий и решений в отношении взяточдателя [10, с. 27]; подбор среди соответствующих клиентов потенциального взяточдателя, например, для кого наиболее важно решение соответствующего вопроса; у кого есть соответствующие материальные возможности; кто имеет определенные черты характера (внушаемость, нерешительность) и др.);

действия взяточдателя (изучение обстановки в органе или учреждении; подбор должностного лица, от которого будет зависеть решение интересующего вопроса; сбор сведений о данном должностном лице; продумывание путей контакта с ним; подыскание предмета взяточничества и др.);

действия общие для взяточдателя и взяточполучателя (подбор посредников; ведение переговоров по поводу предмета взятки, места и времени его передачи и т. п.; принятие мер по сокрытию преступления, завуалирование факта знакомства и общения, выбор завуалированного способа непосредственной передачи предмета взятки, осуществление различных действий с участием посредника и др.).

К действиям по совершению взяточничества относятся следующие: передача и получение предмета взятки; осуществление действия, за которое передается вознаграждение.

Действия по сокрытию взяточничества достаточно полно рассмотрены в работах В.Н. Крюкова и И.В. Александрова, к ним относятся: маскировка взяточничества под правомерные действия; инсценировка обстановки места получения материальных ценностей с целью не быть

захваченным с поличным; создание для лиц, оказавшихся свидетелями преступления, видимости правомерного характера совершаемых действий и др. [11, с. 109; 10, с. 29].

Основным носителем следовой информации по делам о взяточничестве являются документы. Следует указать, что в теории криминалистики в данном направлении А.А. Черкесовой предложены группы документов, подлежащих анализу [12, с. 19]; С.П. Кушниренко отмечает, какая информация может быть установлена при изучении документов и указывать на взяточничество [8, с. 107].

В качестве иных материальных следов стоит рассматривать деньги, имущество, услуги и др., переданные (выполненные) в качестве взятки, а также определенные действия, выполняемые взяточполучателем в пользу взяткодателя, следы которых отображаются в материальной обстановке.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о следующей характеристике личности взяточполучателей: взяточполучатели – мужчины (90 %); женщины (10 %); большинство взяточполучателей – лица старше 30 лет; по образовательному уровню, жизненному опыту и кругу интересов взяточполучатели относятся к интеллектуальным и образованным преступникам; мотивы взяточполучателей – корысть.

Особенности личности взяткодателя представлены следующим образом: возраст 30–49 лет (59,5 %); среднее образование (42 %); высшее (неоконченное высшее) (25 %); среднее специальное (24 %); работающие (32 %); неработающие (37 %); руководствуются личными мотивами.

Таким образом, криминалистическая характеристика взяточничества способна аккумулировать в себе всю важную с точки зрения его криминалистических признаков информацию, тем самым способствовать определению верных направлений работы при расследовании уголовных дел данной категории и установлению истины.

Знание криминалистической характеристики рассматриваемой категории преступлений позволяет рационально организовать деятельность следователя, указывает, на какие моменты в расследовании необходимо обратить внимание, какой комплекс проверочных действий следует осуществить, чтобы решить задачи расследования.

Список использованных источников

1. Минский городской исполнительный комитет [Электронный ресурс] / Борьба с коррупцией – важнейшая задача государства и общества. – Режим доступа: http://minsk.gov.by/ru/actual/view/209/2018/inf_material_2018_04.shtml. – Дата доступа: 24.06.2020.

2. Во славу родины [Электронный ресурс] / Негативное влияние коррупции на социально-экономические процессы. – Режим доступа: http://vsr.mil.by/special/rubrics/vremmya_sobytiya_lyudi/the_negative_impact_of_corruption_on_socio_economic_processes/. – Дата доступа: 24.06.2020.

3. Криминалистика : учебник : в 3 ч. Ч. 3. Криминалистическая методика / Г.Н. Мухин [и др.] ; под общ. ред. Г.Н. Мухина ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд., испр. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 295 с.

4. Криминалистика : учеб. пособие для вузов / Р.С. Белкин [и др.] ; под общ. ред. Р.С. Белкина. – М. : НОРМА-ИНФРА, 2000. – 990 с.

5. Хохлов, Д.А. Основные элементы криминалистической характеристики взяточничества / Д.А. Хохлов // Беларусь в современных геополитических условиях: политико-правовые и социально-экономические аспекты устойчивого развития : материалы межвуз. науч.-практ. конф., Минск, 30 марта 2007 г. : в 2 т. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – Т. 1. – С. 148–149.

6. Криминалистика : учеб. пособие для вузов / Н.П. Яблоков [и др.] ; под общ. ред. Н.П. Яблокова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2001. – 718 с.

7. Печень, С.В. Криминалистическая характеристика взяточничества / С.В. Печень // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : материалы науч.-практ. конф., Минск, 28 янв. 2003 г. / под общ. ред. И.И. Басецкого. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2003. – С. 95–96.

8. Кушниренко, С.П. Особенности расследования взяточничества : учеб. пособие / С.П. Кушниренко. – СПб., 2002. – 108 с.

9. Ипатова, И.А. Криминалистика : учеб.-метод. комплекс / И.А. Ипатова. – М. : Изд. центр «ЕАОИ», 2008. – 302 с.

10. Александров, И.В. Расследование взяточничества : учеб. пособие / И.В. Александров. – Красноярск : ЮИ КрГУ, 2005. – 74 с.

11. Крюков, В.Н. Характеристика действий взяточников / В.Н. Крюков // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорус. науки, Минск, 29 янв. 2009 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – С. 109–110.

12. Черкесова, А.А. Раскрытие и расследование взяточничества в условиях противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Черкесова ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2007. – 15 с.

Е.М. Петрусевич, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *О.И. Левшук*

РОЛЬ ИНСПЕКЦИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В настоящее время в нашем государстве инспекции по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Республики Беларусь (ИДН) являются органом, который осуществляет исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, а также иных мер уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Через соответствующие государственные органы и общественные организации они призваны разрабатывать и осуществлять мероприятия по предупреждению правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних, их устройству и организации культурного досуга, а также оказывать помощь в воспитании несовершеннолетних.

К объектам пристального внимания со стороны ИДН можно отнести безнадзорных, беспризорных, занимающихся бродяжничеством или попрошайничеством детей, а также родителей, не исполняющих надлежащим образом своих обязанностей по воспитанию детей.

ИДН в пределах своей компетенции выполняют следующие функции:

охранительную, которая выражается в защите прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, а также в своевременном изъятии детей, находящихся в социально опасном положении;

профилактическую, которая заключается в предотвращении совершения противоправных деяний несовершеннолетними, в том числе и правонарушений в отношении их;

контрольную, которая выражается в осуществлении контроля за исполнением мер уголовной ответственности.

На республиканском уровне реализуется профилактика правонарушений несовершеннолетних путем разработки программ и проведения акций профилактической направленности. Так, ежегодно (с 1 мая по 1 октября) сотрудники территориальных органов совместно с другими субъектами профилактики осуществляют Межведомственную специальную программу «Забота», основная цель которой заключается в *организации занятости и досуга подростков в летний период, не-*

допущении совершения ими противоправных деяний, гибели и травматизма детей [1].

Проводятся также следующие профилактические акции:

«*Нечем заняться? Обращайся к нам!*» Направлена на обеспечение трудовой и учебной занятости несовершеннолетних, организацию их досуга в свободное время с активным привлечением заинтересованных государственных органов и общественности;

«*Мама, папа, я – счастливая семья?*» ориентирована на объединение усилий заинтересованных государственных органов и общественности в вопросах профилактики семейного неблагополучия. Целями указанной акции являются обеспечение защиты прав и законных интересов детей, находящихся в социально опасном положении; вовлечение обязанных лиц в общественно полезную деятельность, контроль за их ежедневной явкой на работу; установление местонахождения обязанных лиц, объявленных в розыск; нравственное и духовное воспитание молодежи.

С учетом склонности подростков, в силу их возрастных особенностей, к коллективному общению в деятельности ОВД по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних особое внимание уделяется мероприятиям по предупреждению формирования преступных групп. Групповая преступная деятельность представляет собой повышенную общественную опасность, так как в процессе ее осуществления происходит объединение усилий двух и более лиц ради достижения преступного результата, который мог бы и не наступить, если бы участники этой группы действовали в одиночку. Группы несовершеннолетних правонарушителей, как правило, формируются по месту жительства (многоквартирный дом, общежитие, дворовая территория) и учебы (школа, лицей, специальное учебно-воспитательное учреждение и др.). Нередки случаи образования групп подростков по месту проведения досуга (парк, развлекательный центр, компьютерный клуб и т. д.).

Если умело организовать досуг подростков, в нужном направлении использовать их энергию (спортивные и иные мероприятия, особенно по уличным видам спорта – паркур, воркаут и др.), можно предупредить формирование преступных групп. В первую очередь целесообразно проводить мероприятия по доведению несовершеннолетним и их родителям сведений об опасности, которая может в себе таить преступность, а особенно групповая, через разъяснения последствий и ответственности за совершение таких деяний [2].

Значимым аспектом проведения профилактики среди подростков является возможность определения потенциально склонных к наркомании людей. Как правило, в такую группу входят ребята и девушки с неустой-

чивой психикой, сложным бунтарским и истеричным характером, сверх эмоциональные, с чувством пренебрежения к социальным нормам и моральным устоям, склонные к депрессивным состояниям. В этой связи следует обратиться к руководству учреждения образования с целью предоставления сведений в отношении таких учащихся, особенно от педагога-психолога.

Кроме того, в обязательном порядке необходимо выяснить, имели ли место факты выявления педагогами учеников, находившихся в состоянии, вызванном потреблением наркотиков. Целесообразно рекомендовать родителям обращаться к руководителям учреждений образования для проведения психосоциального анкетирования и наркологического тестирования детей (с 11 лет) на предмет употребления алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Для этого необходимо информированное согласие в письменной форме (одного из родителей, опекуна, попечителя для детей с 11 лет), самого подростка, достигшего 14 лет [3, с. 8].

Отдельного внимания в рамках профилактики заслуживает размещение в учреждениях образования, трудовых коллективах, местах массового отдыха и иных объектах общественного пользования информационно-справочных материалов по рассматриваемой тематике. Немаловажное значение в профилактике имеет социальная реклама, распространение которой возможно посредством трансляции соответствующих антинаркотических роликов на телевидении и плазменных панелях, расположенных в общественных местах, размещения на баннерах, бигбордах, транспортных средствах [3, с. 9].

Впоследствии напрямую влияет на состояние взрослой, а также рецидивной преступности качество принимаемых управленческих решений по предупреждению подростковой преступности. В этой связи от актуальности, конкретности и соблюдения иных требований принятия управленческих решений в значительной степени зависит формирование у детей законопослушного поведения в дальнейшем.

Если подростковая преступность увеличилась по отдельному виду уголовно наказуемых деяний (например, кражи или хулиганства), либо на территории отдельных административных участков, а не на всей обслуживаемой ОВД территории стоит рассмотреть вопрос о разработке и утверждении отдельного указания начальника ОВД о проведении ряда профилактических мероприятий или профилактической акции.

В случае когда проблему необходимо разрешать с участием многих субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, то надо составлять межведомственный план мероприя-

тий. При этом нужно учитывать, что согласование межведомственного решения должно пройти во всех заинтересованных государственных органах (как правило, это органы образования, здравоохранения, прокуратуры и др.), а его утверждение должно быть на уровне руководства горрайисполкома (администрации района в городах). Кроме того, решение обязано пройти внутреннее согласование в подразделениях ОВД, задействованных в реализации запланированных мероприятий.

В ходе контроля и оценки результатов необходимо учитывать качество реализации мероприятий, их эффективность, положительные примеры работы сотрудников, достигших высоких результатов, а также выявленные недостатки и возникшие проблемные вопросы.

Несмотря на предпринимаемые меры по профилактике правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, данная категория по-прежнему требует особого внимания со стороны ОВД. Так, в 2019 г. по линии уголовного розыска зарегистрировано преступлений, совершенных несовершеннолетними, а именно 762 кражи (в 2018 г. – 812 таких преступлений), 282 хулиганства (в 2018 г. – 286 преступлений), 144 хищения путем использования компьютерной техники (в 2018 г. – 60 преступлений), 140 преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (в 2018 г. – 91 преступление), 91 факт угона транспортных средств (в 2018 г. – 82 преступления). При этом к несовершеннолетним применялись судами меры уголовной ответственности условно.

Анализ современного состояния профилактической работы, осуществляемой ИДН, показывает, что встречаются недостатки в служебной деятельности их сотрудников. В частности, не всегда при проведении специального комплексного мероприятия «Подросток» определяются наиболее криминогенные объекты и места концентрации несовершеннолетних; ненадлежащим образом организуются мероприятия по предупреждению подросткового пьянства, взаимодействию с подростковым врачом-наркологом; выступления в учреждениях образования проводятся и во время школьных каникул, когда число учащихся минимально. В связи с чем возникает необходимость в системном контроле за работой по предупреждению негативных проявлений в подростковой среде, реализации мер общей и индивидуальной профилактики.

Недопущение преступности среди несовершеннолетних либо с их участием можно предупредить путем выступления на родительских собраниях и в учебных классах; проведения круглых столов и тематических занятий; показа фильмов профилактической направленности; участия в спортивных соревнованиях; организации выездных заседаний КДН и судебных заседаний по рассмотрению групповых правонаруше-

ний, совершенных подростками; работы в социальных сетях (ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, Facebook и т. д.) для общения с подростками и их родителями; изготовления, использования и размещения наглядной профилактической информации (буклетов, листовок, социальных роликов и др.); проведения в ОВД мероприятий (например, день открытых дверей) для подростков с последующими экскурсиями в музеи, по памятным местам и др.

Таким образом, резюмируя вышесказанное следует отметить, что для осуществления государственной политики в сфере предупреждения и пресечения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних создана система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, куда входит значительное количество государственных и негосударственных органов, организаций и учреждений. Это развитая система, которая имеет широкую нормативную базу, включая в себя как отечественное законодательство на различных уровнях, так и международные нормативные правовые акты, ратифицированные Республикой Беларусь.

Органы и учреждения, осуществляющие профилактику правонарушений несовершеннолетних, представляют собой неотъемлемую часть государственно-правового механизма охраны детства, в связи с чем они (как и иные государственные органы) обладают такими характеристиками, как легитимность, многоуровневость и организационно-функциональная специализация.

Важную роль в этом направлении играют ИДН, которые являясь структурным подразделением милиции общественной безопасности территориальных ОВД, осуществляют профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обеспечивают защиту их прав и законных интересов, организуют досуг и оказывают помощь в трудоустройстве.

Список использованных источников

1. Подростки под защитой программы «Забота» [Электронный ресурс] // Жодзінскія навіны. – Режим доступа: <https://zhodinonews.by/2017/05/03/zanyatost-podrostkov-pod-pritselom-programmy-zabota/>. – Дата доступа: 15.03.2020.
2. Организация проведения территориальными ОВД профилактических мероприятий с группами несовершеннолетних правонарушителей (с образцами документов) : метод. рекомендации / В.Н. Демидович, В.О. Янчин. – Минск, 2016. – 33 с.
3. Борьба с преступностью в Беларуси: научные основы и концептуальные решения / О.И. Бажанов [и др.] ; под ред. О.И. Бажанова. – Минск : Право и экономика, 2005. – 403 с.

УДК 342.9

А.Ю. Подоматько, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.В. Козелецкий*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СТАТУСА СОВЕТА МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь Совет Министров Республики Беларусь – центральный орган государственного управления, возглавляющим исполнительную власть. Вместе с тем одной из проблем современной науки является вопрос определения понятия органа исполнительной власти, так как подобная дефиниция, как и конкретный перечень органов исполнительной власти отсутствуют в отечественном законодательстве. Одно из наиболее полных предложений Д.М. Овсянко, который полагает, что «орган исполнительной власти – это организация, которая, являясь частью государственного аппарата, имеет свою структуру, территориальный масштаб деятельности, компетенцию, образуется в порядке, установленном законом или другим нормативным правовым актом, использует определенные методы в работе, наделена правом выступать по поручению государства и призвана в порядке исполнительной и распорядительной деятельности осуществлять повседневное руководство экономической, социально-культурной и административно-политической сферами жизни общества» [1, с. 30].

Исполнительная власть – одна из ветвей государственной власти. Орган государственной власти – это гражданин или коллектив граждан, наделенные государственно-властными полномочиями, уполномоченные государством на осуществление его задач и функций и действующие в установленном им порядке [2, с. 578–579].

Под исполнительной властью следует понимать совокупность функционально опосредованных властных полномочий, прямо или косвенно делегированных народом органу государственной власти общей компетенции, возглавляющему систему органов специальной компетенции, который осуществляет исполнительно-распорядительную деятельность по исполнению Конституции Республики Беларусь, законов и других актов органов законодательной власти, актов главы государства, актов органов судебной власти, с целью упорядочивания общественных отношений во всех сферах жизни общества на всей территории государства,

в том числе с применением в необходимых случаях мер государственного принуждения [3, с. 123].

Одним из ключевых признаков органов исполнительной власти является подзаконность их деятельности. По мнению К.С. Бельского и Д.Д. Цабрия, существенным признаком исполнительной власти, а следовательно и органов ее реализующих, является принуждение: «... управление неотделимо от такого непривлекательного, но необходимого элемента, как принуждение. Оба они – «управление» и «принуждение» – отличают исполнительную власть от двух других ветвей власти, характеризуют ее самобытную природу» [4, с. 39–40].

Следует также отметить, что органы исполнительной власти представляют собой наиболее многочисленную группу органов государственного управления и имеют всепроникающую систему как республиканского, так и территориального уровней. В связи с этим их построение образовано в сочетании нескольких организационных принципов – отраслевого, функционального, линейного, которые не характерны для органов иных ветвей власти.

Система органов исполнительной власти, являясь по сути иерархической, комплексной, многоуровневой системой, включает в себя отдельные звенья, которым присуща в то же время и относительная самостоятельность в части выполнения определенных функций государственного управления.

Представляется, что орган исполнительной власти – это, в первую очередь, орган, отличающийся от иных по своей функциональной направленности, иными словами, имеющий особую миссию, основное предназначение, а именно – исполнение и приведение в жизнь предписаний законодательных и иных правовых актов.

Анализ законодательства Республики Беларусь, а также системы органов государственного управления, исходя из их функционального назначения, позволяет сделать вывод, что в систему органов исполнительной власти должны быть включены Правительство Республики Беларусь, система республиканских органов государственного управления, подчиненных Правительству Республики Беларусь (министерства, государственные комитеты), а также местные органы исполнительной власти (исполнительные комитеты и местные администрации районов в городах).

В то же время можно выделить ряд государственных органов, которые тоже участвуют в государственном управлении, не относясь при этом к законодательной либо судебной ветвям власти, в связи с чем порой их деятельность называется исполнительной. Это, например, Администрация Президента Республики Беларусь, Управление делами

Президента и т. д. Однако данные органы не могут быть отнесены к исполнительно-распорядительным органам, так как их основное функциональное предназначение – обеспечительная деятельность. В данном случае это функция обеспечения деятельности Президента Республики Беларусь.

На этом основании, считаем, необходимо законодательное разграничение органов исполнительной власти и иных органов государственного управления. В действующем законодательстве понятия «орган исполнительной власти» и «орган государственного управления» синонимичны (идентичны, тождественны). Например, ст. 24 Закона «О Совете Министров Республики Беларусь» определяет министерства, государственные комитеты как «республиканские органы государственного управления»; в Положении о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь (как и во всех положениях о министерствах) указано: «Министерство внутренних дел Республики Беларусь – республиканский орган государственного управления, возглавляющий систему органов внутренних дел и внутренние войска МВД, осуществляющий в пределах своих полномочий регулирование и управление в сфере борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и координацию деятельности в этой сфере других республиканских органов государственного управления».

Вместе с тем, несмотря на то, что в Республике Беларусь в соответствии со ст. 6 Конституции Республики Беларусь государственная власть осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную, законодательные органы исполнительной власти как таковые не выделены.

В связи с этим, полагаем, обоснованно разработать и принять единый закон, который бы регламентировал понятие и перечень органов исполнительной власти, их иерархию, функции, задачи и компетенцию. В качестве такого акта может выступить Закон Республики Беларусь «Об органах исполнительной власти Республики Беларусь».

Еще одним значимым вопросом в правовом регулировании деятельности Совета Министров Республики Беларусь является порядок его формирования.

Формирование Правительства обычно начинается с назначения Президентом Премьер-министра. Необходимо обратить внимание, что в законодательстве не предусмотрена процедура выдвижения кандидатуры на должность Премьер-министра. Правом выдвигать кандидатуру на должность Премьер-министра обладает исключительно Президент. При этом возможно участие Администрации Президента, которая занимает-

ся вопросами кадровой политики. Не установлен также срок, в течение которого Президент обязан представить кандидатуру Премьер-министра в Палату представителей для дачи согласия на назначение.

Следует привести положительный опыт законодательства Российской Федерации, в Конституции которой регламентировано, что внесение кандидатуры Председателя Правительства в Государственную Думу осуществляется не позднее двухнедельного срока после вступления вновь избранного Президента в должность; не позднее двухнедельного срока после отставки Правительства; в течение недели со дня отклонения кандидатуры Государственной Думой [5].

Полагаем, что белорусское законодательство может пойти по аналогичному пути с закреплением конкретного срока внесения кандидатуры Премьер-министра в нижнюю палату Парламента с целью его утверждения.

Следующим вопросом, на который необходимо обратить внимание, является порядок принятия Правительством Республики Беларусь решений.

Так, на заседаниях Совета Министров Республики Беларусь решаются наиболее важные вопросы, отнесенные к его компетенции. В соответствии со ст. 33 Закона Республики Беларусь «О Совете Министров Республики Беларусь» исключительно на заседаниях Правительства рассматриваются вопросы составления проекта республиканского бюджета на очередной финансовый год, исполнения республиканского бюджета, формирования и исполнения бюджетов государственных внебюджетных фондов; проекты программ экономического и социального развития Республики Беларусь; основные направления внутренней и внешней политики Республики Беларусь; вопросы подготовки отчета о деятельности Совета Министров Республики Беларусь перед Президентом Республики Беларусь [6, с. 716].

Деятельность Совета Министров Республики Беларусь основывается на принципе коллегиального принятия решений. Решения Совета Министров Республики Беларусь принимаются большинством голосов членов Совета Министров Республики Беларусь, присутствующих на заседании. В случае равенства голосов, принятым считается решение, за которое проголосовал председательствующий.

Но в то же время в работе Правительства присутствует и единоначалие в виде возможности принятия Премьер-министром распоряжений. Однако в связи с тем, что законодательством определены вопросы, которые рассматриваются исключительно Советом Министров Республики Беларусь, такие решения могут быть облечены исключительно в форму

постановлений, так как носят нормативный характер. К ним относятся вопросы подготовки и исполнения республиканского бюджета, формирования и использования государственных внебюджетных средств; проекты программ экономического и социального развития Республики Беларусь; основные направления внутренней и внешней политики Республики Беларусь; подготовки отчета о деятельности Совета Министров Республики Беларусь перед Президентом Республики Беларусь [7, с. 386].

Следует обратить внимание, что в принятии решений Правительством возможен и особый порядок – опросный. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 34 Закона «О Совете Министров Республики Беларусь» по отдельным неотложным вопросам или вопросам, не требующим обсуждения, постановления Совета Министров Республики Беларусь могут приниматься путем опроса членов Президиума Совета Министров Республики Беларусь (без рассмотрения на заседаниях). Юридической формой принятия такого решения также является постановление Совета Министров Республики Беларусь.

Вместе с тем количество членов Президиума, необходимое для того, чтобы его можно было считать достаточным для принятия постановления, в законодательстве прямо не установлено, как не установлен и порядок опроса.

Кроме того, остается неясным порядок определения вопроса как не требующего обсуждения. Законом не определено, кто уполномочен присваивать вопросу такую категорию. Представляется, что это должно быть отнесено к компетенции Премьер-министра, или в его отсутствие – заместителя, исполняющего обязанности. В свою очередь, порядок опроса возможен в виде согласования проекта решения, выносимого на обсуждение в данной форме.

Таким образом, подводя итоги вышеизложенному, можно сделать ряд выводов:

в законодательстве Республики Беларусь не закрепляется понятие «орган исполнительной власти» и не приводится конкретный перечень данных органов. В целях правовой регламентации данных вопросов считаем обоснованным принять Закон Республики Беларусь «Об органах исполнительной власти Республики Беларусь», который закрепил бы понятие «орган исполнительной власти» и перечень органов исполнительной власти, их иерархию, функции, задачи и компетенцию и т. д.;

требует конкретизации порядок назначения Премьер-министра в части установления конкретного срока, в течение которого его кандидатура должна быть внесена Президентом для утверждения в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь;

оправданным представляется уточнение порядка принятия постановления Совета Министров Республики Беларусь путем опроса членов Президиума без рассмотрения на заседаниях с внесением соответствующих дополнений в Закон Республики Беларусь «О Совете Министров Республики Беларусь».

Список использованных источников

1. Овсянко, Д.М. Административное право : учеб. пособие / Д.М. Овсянко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002. – 468 с.
2. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / Белорус. гос. ун-т. – Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий БГУ, 2007–2013. – Т. 1 / редкол.: С.А. Балашенко (пред.) [и др.]. – 600 с.
3. Крамник, А.Н. Административное право и государственное управление в Республике Беларусь / А.Н. Крамник. – Минск : Амалфея, 2001. – 222 с.
4. Бельский, К.С. Исполнительная власть: Современный анализ старой (российской) правовой категории / К.С. Бельский, Д.Д. Цабрия // Рос. Федерация. – 1995. – № 24. – С. 39–40.
5. Конституция Российской Федерации 1993 г. [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с учетом поправок, внес. Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 21.07.2014 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
6. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г.А. Василевич. – Минск : Кн. Дом, 2010. – 767 с.
7. Административное право : учебник / Л.М. Рябцев [и др.]. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2014. – 605 с.

УДК 343.985

А.М. Прищепов, В.И. Каралёк, выпускники факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *Д.Л. Харевич*

КРИТЕРИИ ПРОВОКАЦИОННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В ходе осуществления своих должностных обязанностей субъекты оперативно-розыскной деятельности сталкиваются с необходимостью выявлять лиц, которые желают совершить преступление либо совершают действия по приготовлению к совершению преступления [1, с. 76].

Особенности белорусского законодательства затрудняют процесс доказывания преступления на данном этапе, что влечет необходимость контролировать (сопровождать) процесс совершения преступления и задержать преступника уже на стадии покушения, однако в связи с вышеизложенным, опираясь на принцип конспиративности в ОРД, встает вопрос о допустимости провокации или подстрекательства в ОРД.

Для решения вопроса о допустимости использования провокации следует осмыслить провокацию с точки зрения теории, а далее с целью наиболее правильного и объективного подхода к пониманию, законодательному урегулированию обратиться к зарубежному опыту регламентации данного явления и на основании теоретического осмысления предложить критерии провокационных действий.

По нашему мнению, особого внимания заслуживает следующее определение. Провокация – противоправная умышленная односторонняя деятельность виновного, направленная на моделирование такого поведения другого лица, которое имело бы все внешние признаки преступления с целью дискредитации, шантажа либо создания искусственных доказательств обвинения [2, с. 59–64]. Ценность данного определения заключается в том, что провокация понимается как умышленная деятельность, направленная на стимулирование преступного поведения. Однако стоит отметить, что излишним представляется указание на цель провокационной деятельности, содержание которой нельзя свести к тем разновидностям, которые указаны автором. Кроме того, в результате провокации лицо совершает преступление, а не «деяние, имеющее внешние признаки преступления». Цитируемый автор выделяет три вида провокации преступления: смягчающая уголовную ответственность; исключаяющая уголовную ответственность, т. е. правомерная; наказуемая противоправная провокация. При этом под правомерной провокацией понимается причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии правомерной провокации, т. е. для защиты жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, если она совершается при правомерном выполнении лицом, уполномоченным на то государством, своего служебного или общественного долга, если эта опасность не может быть устранена и при этом не было допущено превышения пределов правомерной провокации [2, с. 13–14].

А.А. Мастерков определяет провокацию преступления как вовлечение другого лица в совершение преступления с целью наступления вредных для этого лица последствий [3, с. 16]. Недостатком данного

понятия провокации преступления, на наш взгляд, является отсутствие четкого определения цели вовлечения лица в совершение преступления. Такой целью со стороны провокатора является не просто желание наступления для спровоцированного им лица каких-либо вредных последствий, а именно привлечение его к уголовной ответственности.

Б.В. Волженкин, рассматривая провокацию в рамках выявления и документирования преступлений коррупционной направленности, относит к ней деятельность правоохранительных органов, направленную на выявление взяточничества, не инициированную преступным поведением должностного лица, когда сотрудники этих органов сами, по сути, склоняют чиновника к совершению преступления либо даже организуют совершение этого преступления [4, с. 33].

Принципиальное значение при определении провокации имеет происхождение инициативы совершения преступления. Интересна точка зрения исследующего понятие и содержание оперативно-розыскной провокации С.Я. Малышева, который приходит к выводу о том, что на сегодня среди ученых-правоведов и практических сотрудников правоохранительных органов можно выделить два основных подхода в понимании ими сущности провокации:

провокация как противоправное поведение и (или) аморальное поведение лица;

провокация как противоправное поведение лица.

Исследуя и сравнивая данные подходы, ученый констатирует, что провокацию необходимо рассматривать через призму существующих правоотношений и только лишь как противоправное поведение лица, поскольку именно в этом случае провокация приобретает юридическое значение, которое имеет четкую юридическую определенность. При этом, приводя в качестве примера фальсификацию как одну из форм проявления провокации, им отмечается, что не обязательно, чтобы побуждение при провокации всегда осуществлялось в виде подстрекательства при соучастии в преступлении [5, л. 51–57].

Ценность анализа понятия и содержания оперативно-розыскной провокации, проведенного С.Я. Малышевым, заключается в сформулированном им определении, в соответствии с которым под провокацией он предлагает понимать антиобщественное поведение лица, направленное на противоправное побуждение иных лиц к совершению ими незаконных действий. При этом сущность провокационной деятельности лица (провокатора) он видит в том, чтобы посредством своего противоправного поведения побудить иных (провоцируемых) лиц совершить противоправное деяние [5, л. 78–80].

На основании вышеуказанных терминов предлагается под провокацией понимать противоправное, умышленное, одностороннее поведение лица, направленное на побуждение иных лиц к совершению незаконных действий.

Далее при описании аспектов провокационных действий правоведа ФРГ часто используют понятие «агент-провокатор», под которым понимаются конфиденты, целью деятельности которых является изобличение лица путем целенаправленного управления его поведением, при котором провоцируемое лицо совершает уголовно наказуемое деяние [6, с. 54]. Как правило, при этом осуществляется задержание лица на месте совершения преступления с поличным. Довольно широкое признание получило мнение, согласно которому под провокацией подразумеваются не только действия лица, которое ограничивается конкретизацией уже имеющейся у него общей предрасположенности, но и действия, в результате которых у собеседника формируется общая, не конкретизированная предрасположенность к совершению преступлений [7, с. 208]. В ходе дискуссии о провокации в работах правоведов затрагиваются такие проблемы, как правомерность (или неправомерность) совершения действий, которые рассматриваются в контексте провокации, и процессуальные последствия провокации для расследования; наказуемость провокатора; допустимость участия или соучастия лица, которое представляет интересы государства или лица, действующего от его имени, в противоправных деяниях.

В целом исследователи-процессуалисты и правоприменители провокацию признают недопустимой. В немецкоязычной литературе изложено мнение о недопустимости использования полученных таким образом доказательств и даже о необходимости оправдания спровоцированного и осуждения провокатора [7, с. 209]. В качестве противопоставления вышеуказанным мнениям ученые выступают за допустимость некоторых провокационных действий [6, с. 56], аргументируя это тем, что использование «агента-провокатора» являлось единственным способом изобличения лица, которое длительное время осуществляет скрытую противоправную деятельность или предпринимает особые меры с целью избежать привлечения к уголовной ответственности. На наш взгляд, наиболее взвешенная позиция присутствует в решениях Федерального верховного суда ФРГ, в соответствии с которой каждый случай провокации оценивается отдельно, в конкретных обстоятельствах и на основании толкования принципов права. Стоит отметить, что использование «агентов-провокаторов» рассматривается как смягчающее обстоятельство при принятии решения по уголовным делам в случае,

если сам факт провоцирования будет доказан в суде и отражен в приговоре [7, с. 209–210]. С точки зрения права проблематичными являются случаи, когда, располагая не вполне проверенным подозрением, негласный сотрудник с целью раскрытия умысла провоцирует на совершение уголовно наказуемого деяния лицо, которое ранее незаконную деятельность не осуществляло. Указанные действия подталкивают к созданию благоприятных условий для совершения преступления или побуждают лицо к таковому без учета возможных обстоятельств, которые свидетельствуют о его невиновности. Ключевым фактором, способствующим данным действиям, является затруднительность контроля за совершаемыми негласно действиями со стороны вышестоящих руководителей полиции или государства в целом [6, с. 55–56].

При соблюдении определенных условий действия «агента-provokatora» могут признаваться правомерными. Одним из таких условий и, по нашему мнению, самым важным является наличие до начала активных действий со стороны «агента-provokatora» весомого подозрения в совершении тяжкого уголовно наказуемого деяния [7, с. 208]. Правомерными являются провокационные действия в отношении лица, которое стремится совершить преступление, и подтверждает это своими высказываниями и настойчиво ищет его объект [8, с. 184–185]. Использование негласным сотрудником целенаправленного воздействия на лиц, подозреваемых в совершении преступлений, должно быть согласовано со служащим полиции, который наделен соответствующими полномочиями, при этом необходимо получение санкции прокуратуры. В немецкоязычной литературе указывается, что негласный сотрудник, который действует в рамках задания, не обязан занимать исключительно пассивную позицию, в качестве примера, осуществляя проверочную закупку. С его стороны допускается конкретизация уже обоснованно принятого подозреваемым лицом решения о совершении преступления, например в форме демонстрации готовности приобрести запрещенный товар или оплатить его по приемлемой цене [6, с. 55].

На основании вышеизложенного предлагается сформировать следующие критерии провокации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности:

проведение ОРМ «проверочная закупка», «контролируемая поставка», «оперативный эксперимент» при отсутствии оснований, свидетельствующих о совершении или намерении совершить уголовно наказуемое деяние;

проведение ОРМ «проверочная закупка», «контролируемая поставка», «оперативный эксперимент» для раскрытия умысла на совершение

уголовно наказуемого деяния в отношении лица, которое ранее незаконную деятельность не осуществляло;

провоцировать лицо, в отношении которого проводятся ОРМ «проверочная закупка», «контролируемая поставка», «оперативный эксперимент» на совершение более тяжкого общественно опасного деяния, чем то, в котором оно подозревается;

совершать действия, направленные на увеличение ввозимого или сбываемого запрещенного к гражданскому обороту товара;

совершать действия, направленные на принятие решения о совершении уголовно наказуемого деяния лицом, в отношении которого проводятся ОРМ «проверочная закупка», «контролируемая поставка», «оперативный эксперимент» в случае, если есть возможность добровольного отказа от совершения уголовно наказуемого деяния».

Список использованных источников

1. Климов, А.С. Правовая оценка допустимости провоцирующего поведения / А.С. Климов // *Соврем. тенденции развития науки и технологии.* – Белгород. – 2015. – № 4. – С. 76–81.
2. Радачинский, С.Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С.Н. Радачинский ; Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2011.
3. Мастерков, А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Мастерков. – Владивосток, 2000. – 18 с.
4. Волженкин, Б.В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? / Б.В. Воложенкин // *Рос. юстиция.* – 2001. – № 5. – С. 43–45.
5. Малышев, С.Я. Правовая, организационная и тактическая основы оперативного эксперимента (по материалам ОВД) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.Я. Малышев. – М. : Акад. упр. МВД России, 2003. – Л. 78–80.
6. Харевич, Д.Л. Провокация преступления в ФРГ: проблемы теории и практики / Д.Л. Харевич, В.Б. Шабанов // *Вестн. Сиб. юрид. ин-та МВД России.* – 2017. – № 3 (28). – С. 53–60.
7. Харевич, Д.Л. Негласное расследование в Германии : монография / Д.Л. Харевич ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2010. – 287 с.
8. Хаклэндер, У. Правовая основа деятельности германской криминальной полиции по борьбе с организованной преступностью / У. Хаклэндер // *Теоретические, прикладные и исторические аспекты функционирования правового государства в России : межвуз. сб. науч. тр.* – Смоленск : Юрид. ин-т МВД России, 1998. – С.172–191.

Д.С. Рудаковский, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *М.А. Кравцова*

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Информационная сфера сегодня – это одна из наиболее динамичных и быстро развивающихся сфер общественных отношений, нуждающихся в адекватном правовом регулировании. Интернет стал неотъемлемой частью жизни современного общества, в нем появилась собственная инфраструктура: язык, сетевая культура, магазины, публичные форумы, образовательные курсы и школы. В интернете нашло свое проявление такое новое явление, как киберпространство. Сегодня термины «киберпространство», «информационное пространство», «виртуальное пространство» и «интернет-пространство» являются общеупотребительными как на бытовом, так и на законодательном уровне, в том числе и в научных кругах. Однако данные понятия отличаются как по своей природе, так и по своему значению, а их неверное употребление может создать множество терминологических трудностей и проблем в правоприменительной практике. В этой связи в первую очередь необходимо внести ясность в используемую терминологию. Так, полагаем, «информационное пространство» наиболее широкое понятие и по своей природе включает любую сферу жизни общества, где присутствует информация (СМИ, телевидение, телефония, книги и иная печатная продукция). В свою очередь, «киберпространство» является лишь частью «информационного пространства». Термин «виртуальное пространство», в свою очередь, также является весьма широким, поскольку «виртуальное» как синоним слова «воображаемое» охватывает куда больший круг явлений, нежели те, что ограничены компьютерными технологиями.

Термин «киберпространство» употребляется в зарубежном законодательстве и литературе. В английском языке «cyber» является не самостоятельным словом, а префиксом, т. е. начальным элементом сложных слов, а на русский язык он переводится как «связанный с компьютерами, информационными технологиями, интернетом». Во избежание терминологической путаницы многие ученые (В.А. Номоконов, Т.Л. Тропина) не переводят данный термин и используют приставку «кибер». Однако, по мнению других авторов (В.Г. Степанов-Егиянц, Р.И. Дремлюга), ис-

пользование термина «киберпространство» в криминологической науке пока под вопросом, и во избежание использования англицизмов все же необходимо применять иную терминологию. По нашему мнению, термин «киберпространство» является самым оптимальным из всех существующих, а использование данного термина позволит в полной мере раскрыть природу явлений, происходящих в информационных сетях, одной из которых является интернет [1].

Ежегодно во второй день второй недели второго месяца в Европе и США страны отмечают День безопасного интернета, цель которого – продвижение грамотного использования ресурсами Всемирной сети. Пока это событие направлено на повышение информационной грамотности среди молодежи, но международное сообщество, особенно страны Евросоюза под эгидой Еврокомиссии, стремится расширить повестку дня и включить в нее вопросы предотвращения киберугроз, повышения защиты персональных данных и улучшения качества сотрудничества стран и негосударственных игроков в информационном пространстве [2].

Технологические основания оформления киберпространства, а также понимание того, что любое пространство является социально сконструированным, позволяют рассматривать киберпространство в перспективе изучения его физического, социального и информационного аспектов. Этот новый тип пространства, характерный для сетевых обществ XXI в., обладает рядом особенностей, указывающих на его виртуальность, сетевой характер функционирования, многомерность, нелинейность, изменчивость, возможность быть публичным и частным пространством и базой для конструирования сетевой идентичности. Исходя из вышеизложенного считаем, что киберпространство тесно связано с такими понятиями, как информационная система и информационные отношения. В соответствии с гл. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» информационная система – совокупность банков данных, информационных технологий и комплекса (комплексов) программно-технических средств. В свою очередь, информационные отношения – отношения, возникающие при поиске, получении, передаче, сборе, обработке, накоплении, хранении, распространении и (или) предоставлении информации, пользовании информацией, защите информации, а также при применении информационных технологий [3].

Проблема киберпреступности, хоть и взаимосвязана с относительно недавно возникшей сферой жизнедеятельности человека, в сравнении, например, с организованной или служебной, однако неоднократно нахо-

дила отражение в работах отечественных и зарубежных криминалистов. Так, например, отдельные вопросы уголовно-правовой характеристики и квалификации преступлений в сфере компьютерных технологий и направлений противодействия им рассматривались Д.С. Азаровым, П.Д. Биленчуком, В.А. Глушковым, Н.А. Гуторовой, Н.В. Карчевским, П.И. Орловым, С.А. Орловым, Н.И. Хавронюком, В.И. Алескеровым, В.Б. Веховым, М.А. Ефремовой, Б.Д. Завидовым, Д.А. Зыковым, С.Я. Казанцевым и др. Из отечественных ученых, занимающихся данным вопросом, можно отметить работы А.А. Гаева, Е.И. Коваленко, В.Ю. Ермошко, С.И. Коцко, А.Н. Шклярецкого, В.И. Чайчица, Е.И. Юргеля и др. Несмотря на достаточно широкий круг исследований, отдельные аспекты данной проблемы остаются недостаточно разработанными и требуют дальнейших научных исследований. Прежде всего это касается выделения киберпреступности как самостоятельного вида преступности, определения ее специфических особенностей, круга деяний, характерных для данного вида преступных проявлений, классификации компьютерных преступлений и объектов преступных посягательств данного вида.

Прежде чем рассматривать вопрос о киберпреступности как самостоятельном виде преступности и выделять его признаки, необходимо определиться с тем, что в целом понимается под таким негативным проявлением человеческого поведения, как преступность, и выделить те признаки, которые характерны для отдельного (самостоятельного) вида преступности как явления (феномена) либо обособленной группы явлений [4]. Рассматривая существующие подходы к определению понятия преступности, следует отметить, что Ю.В. Александров определяет преступность как изменчивое социально-правовое явление, охватывающее совокупность преступлений, совершенных в обществе в определенный период, которая характеризуется определенными количественными и качественными показателями [5]. Киберпреступностью является любая преступная активность, где объектом в качестве цели и/или инструмента является компьютер или сетевое устройство. В некоторых киберпреступлениях осуществляются прямые атаки на компьютеры или другие устройства с целью вывода из строя. В других – компьютеры используются киберпреступниками в своих целях для распространения вредоносных программных кодов, получения незаконной информации, или для получения криптовалюты. Разделить киберпреступления на отдельные категории достаточно непросто, поскольку существует множество пресечений, однако в целом можно выделить различные виды киберпреступлений. Рассматривая финансово-ориентированные кибер-

преступления, следует отметить, что многие киберпреступники используют интернет с целью получения коммерческой выгоды, осуществляя следующие типы атак: фишинг, кибервымогательство, финансовое мошенничество, кража персональных данных, шпионаж, нарушение авторского права, спам, преступления на почве ненависти и домогательства, терроризм, кибербуллинг, порнография, груминг, распространение наркотиков и оружия и др.

Существуют четыре наиболее распространенных способа, которыми пользуются киберпреступники. Первый способ основан на использовании вредоносных программ. Следует отметить, что существует множество методов эксплуатации систем, и насколько важно использовать различные меры безопасности, например, устанавливать длинные пароли и делать регулярные обновления. Этот тип атак базируется на злоупотреблении компьютерами и сетями. Второй способ – DOS-атаки, (аббр. англ. Denial of Service – отказ в обслуживании), когда злоумышленник пользуется коммуникационным сетевым протоколом для создания огромного количества запросов к серверу или службе. В этом типе атак главная цель – вывести из строя объект воздействия. Третий способ – комбинация социальной инженерии и вредоносного кода. Наиболее известная форма подобного рода атак – фишинг (вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам и паролям), когда жертву принуждают к определенным действиям (нажатию на ссылку в электронном письме, посещению сайта и т. д.), что впоследствии приводит к заражению системы при помощи первого метода. Четвертый способ – незаконная деятельность: домогательства, распространение незаконного контента, груминг и т. д. В этом случае злоумышленники скрывают свои следы посредством анонимных профайлов, зашифрованных сообщений и других подобных технологий.

Анализируя причины киберпреступности следует говорить о таком виде детерминации, который неизбежно порождает преступность как свое следствие. В свою очередь, под условиями преступности следует понимать такой вид детерминации, который создает благоприятные возможности для формирования причин преступности либо для реализации последних [6].

Анонимность, латентность киберпространства – основной принцип его существования. Все пользователи сайтов, форумов или социальных сетей в киберпространстве изначально не имеют ни имен, ни внешнего вида – они эфемерны, и нередко информационные ресурсы сами присваивают таким пользователям имя «anonymous», т. е. аноним. Выбрать

имя и внешний вид сайты предлагают каждому своему пользователю самостоятельно и в подавляющем большинстве случаев пользователи злоупотребляют такой возможностью, представляясь чужими именами и используя чужие фотографии. Следующий уровень анонимности – сокрытие своих технических данных (IP-адрес, номер порта компьютера, потока данных и др.). Таким образом, создаются целые анонимные информационно-телекоммуникационные сети (TOR, ANts P2P, Freenet).

Зарегистрировавшись под чужим именем, любой может безнаказанно обманывать, совершать анонимные платежи и переводы денежных средств, совершать хищения, вымогательства и иные экономические киберпреступления. Действующие способы вычисления виновных способны установить точное место, откуда виновный совершил вход в киберпространство, с точностью до квартиры, и приблизительную личность виновного, включая его национальную принадлежность, однако в самом киберпространстве существуют тысячи способов скрыть свою личность. Это подтверждают материалы судебной практики, где все чаще используются такие формулировки, как «неустановленное лицо», «в неустановленное время», «в неустановленном месте», «с неустановленного компьютера» и т. д. Анонимно могут совершаться такие экономические киберпреступления, как мошенничество (основной состав), мошенничество в сфере компьютерной информации, вымогательство, получение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, что составляет основную массу из общего количества экономических киберпреступлений.

К сожалению, несовершенство законодательства создает условия для существования киберпреступности. Отечественный законодатель часто не успевает ответить на новые вызовы киберпреступников. Как правило, динамичность развития киберпространства и скорость, с которой появляются новые способы совершения преступлений, превышает быстроту реагирования на них со стороны государства. При этом, учитывая существующие сегодня и возможные в будущем технические уязвимости самого киберпространства, складывается мнение о неэффективности правового регулирования. На современном этапе развития национальной экономики можно констатировать сбалансированность государственных и общественных интересов. Однако излишняя государственная поддержка предпринимательства и поощрение деловой инициативы в ряде случаев приводят к бесконтрольности и вседозволенности, что вызывает развитие теневого сектора экономики. Разрешение противоречий общественного развития, его проблем и трудностей, ошибок в социальном управлении есть не что иное, как социально-экономическая,

политическая, идеологическая и правовая основа для устранения, ослабления и нейтрализации процессов и явлений, детерминирующих экономическую преступность [7].

В заключение отметим, что киберпространство – искусственно созданная среда, существование которой ограничено информационно-телекоммуникационной сетью, пользователи которой могут свободно вступать в административные, гражданские, уголовные и другие правоотношения. Киберпространство может появиться в любой информационно-телекоммуникационной сети. Киберпреступления включают в себя широкий диапазон незаконных деяний, начиная от мошенничества и кражи персональной информации и заканчивая преступлениями на почве ненависти и распространение наркотиков. Между этими видами существует множество пересечений, и сложно провести точную границу. Например, фишинговая атака может быть направлена на кражу персональной информации. В то же время подделка личности впоследствии может использоваться для получения денег контрабандистами наркотиков или даже террористами. Важно понимать, что киберпреступления не всегда ассоциируются с изощренными схемами и не всегда затрагивают «глубокий интернет». Наилучший метод защиты от кибератак – быть в курсе современных угроз.

Список использованных источников

1. Простосердов, М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Михаил Александрович Простосердов ; Рос. гос. ун-т правосудия. – Москва, 2016. – 232 л.
2. Зиновьева, Е.С. Киберпространство – можно ли виртуально объединить реальных игроков? [Электронный ресурс] / Е.С. Зиновьева // Юридическая Россия : Федер. правовой портал. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/kiberprostranstvo>. – Дата доступа: 09.02.2020.
3. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 : в ред. от 10.11.2008 г. № 366-3 ; от 11.05.2016 г. № 362-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Кравцова, М.А. Понятие киберпреступности и ее признаки / М.А. Кравцова // Часоп. Київ. ун-ту права. – 2015/2. – С. 321–323.
5. Александров, Ю.В. Криминология : курс лекций / Ю.В. Александров, А.П. Гель, С.Г. Семаков. – К. : МАУП, 2002. – С. 49.
6. Прокументов, Л.М. Криминология: общая часть : учебник / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Томск : Том. фил. Акад. ФСИН России, 2007. – С. 135.
7. Криминология : учеб. для юрид. вузов / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб., 1998. – 345 с.

Н.А. Соха, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.М. Веремеенко*

ОПЕРАТИВНОЕ ВНЕДРЕНИЕ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Вопросы обеспечения безопасности общества и государства от противоправных посягательств для Республики Беларусь в настоящее время имеют колоссальную важность. Глобальная интеграция мирового сообщества, а также научно-технический прогресс вместе с положительными эффектами привели к широкомасштабному развитию транснациональной преступности, которая представлена незаконным оборотом наркотиков, незаконной миграцией, торговлей людьми, а также международной экономической преступностью. Учитывая факт нахождения в географическом центре Европы, говорить о том, что данные негативные явления пройдут мимо нашей страны, будет неправильно.

Вышеперечисленные правонарушения возможно претворить в жизнь только в рамках такой формы совершения противоправных деяний, как организованная преступность. Организованная преступность – явление очень опасное для любого государства. Эта опасность заключается в ее массовости, жестокости, проникновении во все сферы жизни общества, быстрой приспособляемости к новым условиям [1, с. 5]. Республика Беларусь, являясь субъектом международного права, не может отстраниться от мирового сообщества в вопросах, касающихся обеспечения всеобщего правопорядка.

Одним из самых действенных средств борьбы с преступностью является оперативно-розыскная деятельность (ОРД). Имея в своем арсенале широкий спектр инструментов – оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), она преследует цели защиты жизни и здоровья граждан, их прав и законных интересов от преступных посягательств. В Республике Беларусь осуществление ОРД регламентировано Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД»).

Если провести анализ имеющихся в данном нормативном правовом акте ОРМ на предмет определения одного из самых подходящих средств для противодействия организованной преступности, наибольшее внимание к себе привлекает ОРМ «оперативное внедрение».

Согласно части первой ст. 33 Закона «Об ОРД» оперативное внедрение представляет собой проникновение должностного лица органа, осуществляющего ОРД, или гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, в окружение гражданина или в среду граждан в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [2].

Проведение ОРМ «оперативное внедрение» направлено на получение сведений о составе и структуре преступного формирования (группы, банды, и т. п.), жизненном и преступном опыте лиц, представляющих оперативный интерес, характере криминальной деятельности, способах совершения преступлений, трудностях, испытываемых членами преступного формирования при осуществлении криминальной деятельности, наличии конфликтов внутри преступного формирования и лиц, тяготеющих нахождением в нем и желающих его покинуть, наличии коррумпированных связей в правоохранительных органах и т. п. [3, с. 152–153].

В ходе проведения данного ОРМ могут возникать ситуации, когда в целях недопущения своей расшифровки и успешного проведения данного мероприятия, лицо, проникнувшее в криминальное сообщество, должно принимать участие в осуществляемой данным сообществом преступной деятельности. Поскольку совершение в этом случае преступления направлено на решение задач ОРД, а именно обеспечение возможности продолжения сбора информации о криминальном объекте и дальнейшего изобличения участников преступной группы, исходя из принципа справедливости, в законодательстве должен быть предусмотрен механизм защиты внедренных лиц от уголовной ответственности.

Согласно ст. 38 «Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию» Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершит преступление. Однако необходимо отметить, что правила данной дефиниции не применяются к лицу, совершившему особо тяжкое или тяжкое преступление, связанное с посягательством на жизнь или здоровье человека [4].

Необходимо отметить, что исходя из смысла ст. 38 УК одним из правовых оснований возникновения обстоятельства, исключающего преступность деяния при пребывании лица среди соучастников совершения преступления, является наличие у этого лица специального задания, в рамках которого оно для решения задач ОРД имеет право вынужденно

совершить противоправное деяние, за исключением тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни и здоровья человека.

Несмотря на неоспоримую значимость введения в ст. 38 УК, на протяжении своего существования данная норма выступает объектом дискуссий. Как отмечают В.М. Веремеенко и Н.Н. Хмель, одним из дискуссионных в теории уголовного права является вопрос об отнесении предусмотренного ст. 38 УК обстоятельства к исключаящим преступность деяния [5, с. 70].

В гл. 6 «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния» УК, помимо ст. 38 «Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию» входят нормы, касающиеся необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости, деяния, связанного с риском, исполнения приказа или распоряжения, из нормативного толкования которых усматривается вывод о том, что они не являются преступлениями, т. е. разрешены законом. Однако пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию видится не вписывающимся в данный перечень в связи с тем, что в ст. 38 УК существует прямая констатация того, что само обстоятельство, предусмотренное данной статьей, является преступлением, но при этом лицо, его совершившее, не подлежит уголовной ответственности.

Исходя из этого некоторые ученые считают, что данное содержание явно относит ст. 38 УК к иному институту – институту освобождения от уголовной ответственности и наказания, закрепленному в гл. 12 УК.

Наряду с вопросами по поводу правильности нахождения уголовно-правовой нормы, дающей возможность освобождения лица, вынужденно совершившего преступление в рамках проведения оперативного внедрения, в той или иной главе УК также необходимо затронуть вопросы, касающиеся способов проведения данного ОРМ.

Исходя из анализа ст. 33 Закона «Об ОРД» и опыта правоприменительной практики можно сделать вывод о том, что лицами, непосредственно проникающими в окружение гражданина или в среду граждан при проведении оперативного внедрения, являются:

должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, т. е. оперативный сотрудник;

гражданин, оказывающий содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД.

В науке ОРД является дискуссионным вопрос о том, с помощью кого лучше всего проводить данное мероприятие. Если, например, говорить о странах Европы, то можно отметить, что в Швейцарии в криминаль-

ную среду наряду с внештатными сотрудниками внедряют штатных работников полиции, именуемых «тауре» – крот. Венгерская полиция располагает подразделениями, сотрудники которых специально подготовлены для работы в преступном сообществе. Оперативная деятельность федеральной криминальной службы Германии основывается на использовании так называемых прикрытых сотрудников в преступной среде. Подобным образом действуют специальные службы других стран [6, с. 19–38].

В Республике Беларусь закон четко и безоговорочно гласит о том, что ОРМ «оперативное внедрение» проводится либо путем ввода в преступное сообщество оперативного сотрудника, либо лица, оказывающего конфиденциальное содействие правоохранительным органам. Не спорят с позицией законодательства и белорусские ученые, занимающиеся исследованиями в области ОРД. Так, В.Ч. Родевич и Д.С. Белайц считают, что оперативное внедрение – это проникновение по специальному заданию должностного лица органа, осуществляющего ОРД, или лица, оказывающего содействие на конфиденциальной основе данному органу, в среду лиц, в отношении которых имеются сведения об их участии в планировании, подготовке, совершении преступлений, для решения задач ОРД [7, с. 134].

В свою очередь, взгляды российских ученых на способы проведения рассматриваемого нами мероприятия отличаются от белорусских. Это связано с тем, что оперативно-розыскное законодательство Российской Федерации не дает определения понятию ОРМ «оперативное внедрение», что дает возможность вариативности толкования закона специалистами, занимающимися данными вопросами.

В России по рассматриваемой проблематике сформировалось две точки зрения. Ученые, придерживающиеся первой, считают, что оперативное внедрение – это способ получения информации путем ввода под легендой сотрудника оперативно-розыскного подразделения или конфиденанта в криминальную среду либо на представляющие интерес объекты в целях разведывательного сбора информации, для решения задач ОРД [8, с. 112]. Не образует оперативного внедрения привлечение к сотрудничеству на конфиденциальной основе лица, уже находящегося на соответствующем объекте, имеющего контакт или устойчивую связь с лицом, представляющим оперативный интерес [9, с. 323].

Другие ученые считают что, оперативным внедрением, помимо ввода оперативного сотрудника или лица, оказывающего конфиденциальное содействие правоохранительным органам, в объект оперативного интереса или его окружение, также является и привлечение лица к кон-

фиденциальному сотрудничеству из числа членов объекта оперативного интереса [10, с. 88]. Оперативное внедрение заключается в приобретении оперативно-розыскным органом конфиденциального источника информации внутри преступного сообщества или в его окружении для оптимального решения задач ОРД и достижения ее целей в сложившейся обстановке. Оно проводится путем ввода конфиденнта или оперативного сотрудника, а также путем привлечения лица из числа членов объекта оперативного интереса [11, с. 362].

При этом если обратиться к ч. 4 ст. 18 Федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности», можно увидеть позицию российского законодателя по данной проблематике. Часть 4 ст. 18 вышеупомянутого закона гласит, что лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим ОРД, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации [12]. В связи с этим можно сделать вывод о том, что законодатель Российской Федерации, не раскрывая понятия оперативного внедрения, закрепляет один из способов его осуществления – приобретение негласного источника внутри объекта, в отношении которого проводится данное ОРМ.

С такой позицией трудно не согласиться. Ведь при осуществлении оперативного внедрения может возникнуть ситуация, когда проникнуть в преступную группу путями, закрепленными на данный момент в нашем законодательстве, по определенным причинам не представляется возможным. Включение дополнительного способа проведения данного мероприятия является актуальным. При этом в случае привлечения лица, находящегося в криминальной среде, к конфиденциальному сотрудничеству, актуальным остается вопрос об освобождении его от уголовной ответственности за совершенные им преступления в рамках поощрения.

Следует отметить, что выданное в рамках проведения ОРМ «оперативное внедрение» специальное задание является юридическим основанием освобождения лица, внедренного в преступное сообщество, от уголовной ответственности, за преступления, совершенные в целях решения задач ОРД, при признании возможности привлечения лица, находящегося в организованной преступной группе, к конфиденциальному сотрудничеству, как одного из способов проведения оперативного внедрения, в целях возможности выдачи данному лицу специального

задания необходимо внести изменения в ст. 33 Закона «Об ОРД», дополнив ее положением, касающимся расширения способов проведения ОРМ «оперативное внедрение».

Список использованных источников

1. Басецкий, И.И. Организованная преступность : монография / И.И. Басецкий, Н.А. Легенченко. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2002. – 551 с.
2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Оперативно-розыскная деятельность : пособие для студентов вузов / И.И. Бранчель [и др.] ; под ред. А.И. Шведа. – Минск : Тетралит, 2014. – 352 с.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 нояб. 2019 г. № 253-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Веремеенко, В.М. Некоторые дискуссионные вопросы правовой регламентации и допустимых пределов противоправного поведения при пребывании среди соучастников преступления по специальному заданию / В.М. Веремеенко, Н.Н. Хмель // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – № 1. – С. 69–73.
6. Губанов, А.В. Полиция стран ЕС // Полиция в XII веке : материалы Международ. науч. конф. (Омск, 11–12 окт. 1999 г.). – Омск : Юрид. ин-т МВД России, 2000. – 146 с.
7. Родевич, В.Ч. Сущность оперативного внедрения / В.Ч. Родевич, Д.С. Белайц // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 5 апр. 2012 г.). – Минск, 2012. – С. 133–134.
8. Оперативно-розыскная деятельность : конспект лекций / В.А. Горбухов. – Ростов н/Д : Феникс, 2014. – 176 с.
9. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2018. – 762 с.
10. Оперативно-розыскная деятельность: вопросы и ответы : в 2-х кн. Кн. II : Оперативно-розыскные мероприятия и меры : учеб.-практ. пособие. – 3-е изд., пересмотр. и испр. – М. : Изд. дом Шумиловой И.И., 2008. – 144 с.
11. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 794 с.
12. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. Закон Рос. Федерации, 12 авг. 1995 г., № 144-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

И.П. Стосуй, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Козелецкая*

ОСКОРБЛЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности в Республике Беларусь осуществляется в соответствии со ст. 189 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК).

После внесения в 2019 г. изменений в УК оскорбление в действующей редакции статьи представляет собой умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме, в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, распространенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи.

В качестве объекта этого преступления выступают честь и достоинство личности. В научной литературе можно встретить и иную точку зрения на объект оскорбления. Так, А.А. Пионтковский считал, что объект оскорбления составляет чувство личного достоинства человека [1, с. 192].

По мнению авторов учебника под редакцией Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова, законодатель допустил неточность, признав честь в качестве непосредственного объекта преступления, поскольку честь – это оценка личности человека, сложившаяся в обществе. Ее можно опровергнуть, а оскорбить нельзя. Следовательно, при простом оскорблении имеет место один объект – достоинство личности. Другое дело, оскорбление в публично демонстрируемых произведениях или средствах массовой информации. В подобных случаях возникает дополнительный объект – честь лица [2].

Неоднозначно решается вопрос в теории и практике о том, кто может быть признан потерпевшим от оскорбления.

По мнению И.С. Ноя, «оскорбление может иметь место лишь в отношении лиц, обладающих чувством собственного достоинства и способных понять оскорбительный характер обхождения с ними» [3, с. 22].

С точки зрения Н.Г. Иванова, адресатом оскорбления могут быть любые физические лица, но в отличие от клеветы нельзя оскорбить лицо,

которое не способно понять значение оскорбительных выражений. Нельзя оскорбить также умершего, который может быть лишь оклеветан. Душевнобольные, малолетние и прочие лица, которым недоступен смысл оскорбления, не в состоянии воспринимать его в этом качестве, следовательно, и не могут быть оскорбленными [4, с. 121]. А.С. Горелик писал: «данного состава не будет, если высказывания касаются лица, которое не понимает их унижающего значения (малолетний ребенок, душевнобольной или лицо, которому не понятен смысл употребленных терминов либо не известен язык общения) или же не восприняло высказывание как оскорбительное» [5, с. 459].

Л.Н. Сугачев придерживается противоположной точки зрения. Он признает наличие состава оскорбления и в случаях оскорбления лиц, которые в силу обстоятельств, относящихся к их субъективным качествам, лишены способности осознавать (а значит, и почувствовать) ущерб, причиненный их правам и интересам [6, с. 5–6]. С ним согласна И.В. Сидорова. Она считает, что уголовно-правовая охрана человеческого достоинства распространяется в том числе на малолетних, а также лиц, страдающих психическим заболеванием. Нельзя оскорбить, по ее мнению, лишь умерших граждан [7].

Учитывая то, что в результате оскорбления происходит унижение достоинства человека, которое зависит, главным образом, от субъективного восприятия произнесенных слов, выражений, лица, не способные воспринимать оскорбление или понимать его значение в силу каких-либо обстоятельств, не являются потерпевшими от данного вида преступлений [8, с. 64–65].

С объективной стороны оскорбление представляет собой выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности потерпевшего. Любое отрицательное суждение о физических и моральных качествах, умственных способностях, выраженное в неприличной форме, необходимо рассматривать как оскорбление.

Обязательным условием признания в действиях субъекта оскорбления является неприличная форма, отсутствие которой исключает квалификацию содеянного по ст. 189 УК. Определение понятия «неприличная форма» законодателем не раскрывается.

По мнению А.С. Горелика, неприличной является форма, противоречащая общепризнанным правилам обращения между людьми [5, с. 459–460].

В.П. Степанин предлагает рассматривать в качестве неприличной формы откровенно циничное, глубоко противоречащее принятым в человеческом обществе нормам нравственности и морали, элементарным правилам поведения между людьми унижительное обращение с челове-

ком, непристойные телодвижения, жесты, обнажение интимных частей тела или прикосновение к ним, плевков в лицо, пощечина и т. д. [9].

Некоторые ученые при решении вопроса о том, выражена ли отрицательная оценка в неприличной форме, предлагают суду исходить из норм нравственности общества, а не из ее восприятия самим потерпевшим, ибо он может обладать повышенным самомнением и любые критические высказывания в свой адрес считать оскорбительными.

Вопрос о том, дана ли отрицательная оценка личности в неприличной форме, должен решаться правоприменителем как из субъективного восприятия потерпевшим допущенного с ним обращения, так и с учетом общепринятых норм и правил поведения, сложившихся в обществе.

В правоприменительной практике под неприличной формой суды понимают такие действия, при которых отрицательная оценка личности потерпевшего дается нарушителем в циничной форме, резко противоречащей принятым нормам общения между людьми, правилам общежития, моральным устоям. Такая трактовка признака оскорбления не позволила суду признать написанные в приложении Viber в сообщении слова «амеба», «инфузория», «семейка неадекватных» оскорбительными, унижающими честь и достоинство потерпевшей в неприличной форме, а лицо – виновным в административном правонарушении.

В публичном выступлении оскорбление может сопровождаться не только облаченными в нецензурную форму словами и прозвищами, но и циничными жестами. Оскорбительными действиями признаются также забрасывание яйцами, помидорами, грязью, обливание краской, помоями, оплевывание [8, с. 81].

Если оскорбление сопровождалось совершением действий, причиняющих физическую боль, побоями или причинением телесных повреждений, то содеянное должно квалифицироваться по правилам совокупности преступлений. Если такие действия одновременно были сопряжены с очевидным для виновного грубым нарушением общественного порядка и выражали явное неуважение к обществу, сопровождалось применением насилия, уничтожением имущества и т. п., то налицо уголовно наказуемое хулиганство (ст. 339 УК).

В печатном или публично демонстрирующемся произведении, в средствах массовой информации, в глобальной компьютерной сети Интернет оскорбить человека можно посредством изображения, с помощью карикатур, рисунков, коллажей. Главное – доказать, что у лица был умысел на то, чтобы унижить достоинство потерпевшего.

Унижение достоинства человека может носить систематический характер и являться способом доведения лица до самоубийства. В этом случае виновный подлежит ответственности по ст. 145 УК.

Оскорбление всегда адресуется конкретному человеку. Если унижаются честь и достоинство лица, которое невозможно идентифицировать, состав оскорбления отсутствует. Так, уголовная ответственность не наступает, если виновный высказывал в неприличной форме некие обобщающие положения, персонально никому не адресованные. При наличии определенных условий такие действия могут образовывать состав административно наказуемого хулиганства.

В отличие от клеветы для квалификации содеянного как оскорбления не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, высказанные виновным. Так, если сведения о человеке, его деловых качествах, внешности были правдивыми, но по форме неприличными, налицо состав оскорбления.

Как и клевета, оскорбление считается оконченным в момент доведения информации соответствующего содержания до потерпевшего в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, распространенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи. При этом не имеет значения, наступили вредные последствия или нет.

Однако в юридической литературе можно встретить и иной взгляд на конструкцию объективной стороны рассматриваемого преступления. Так, по мнению И.В. Сидоровой, оскорбление признается оконченным с момента наступления общественно опасного последствия – эмоционального вреда в виде унижения достоинства потерпевшего [7]. Такая позиция высказана и Ю.М. Ткачевским. Ученый считает, что оскорбление является материальным преступлением и признается оконченным с того момента, когда потерпевший сочтет себя оскорбленным и суд установит наличие оскорбления [10].

Состав оскорбления является формальным и считается оконченным с момента самого оскорбления. Нравственные страдания, которые мог испытывать потерпевший в результате совершения действий, унижающих честь и достоинство человека, находятся за рамками состава преступления и не влияют на квалификацию.

Конструкция состава оскорбления исключает возможность совершения преступления с косвенным умыслом. Хотя среди ученых есть и иная точка зрения. Так, например, А.А. Пионтковский писал, что косвенный умысел при оскорблении встречается в большей части случаев заочного оскорбления, поскольку при этом чаще всего оскорбитель не преследует цели довести оскорбительные выражения до сознания потерпевшего,

но тем не менее допускает такую возможность [1, с. 194]. А.С. Горелик считал, что косвенный умысел возможен при заочном оскорблении, когда виновный относится безразлично к тому, что кто-либо из присутствующих сообщит оскорбительные выражения потерпевшему [5, с. 462].

Отнесение оскорбления к формальному составу преступления предполагает, что преступление может быть совершено только с прямым умыслом. В этой связи возникает вопрос: «А должен ли виновный осознавать, что унижение происходит именно в неприличной форме, или нет?» Проблема состоит в том, что, с одной стороны, это обязательный признак объективной стороны состава преступления, а с другой – термин «неприличная форма», как было уже ранее отмечено, имеет неоднозначное толкование. Полагаем, что если лицо сознает факт унижения своими словами или действиями достоинства другого лица, то он должен осознавать и то, что это происходит в неприличной форме. В противном случае, речь идет об отсутствии состава преступления.

Оскорбление является делом частного обвинения, соответственно уголовное дело возбуждается по требованию потерпевшего и подлежит прекращению в случае его примирения с обвиняемым. В исключительных случаях, если дело о рассматриваемом преступлении затрагивает существенные интересы государства и общества или совершено в отношении лица, находящегося в служебной или иной зависимости от обвиняемого либо по иным причинам неспособного самостоятельно защищать свои права и законные интересы, прокурор вправе возбудить дело и при отсутствии жалобы потерпевшего.

Учитывая возможность обеспечить гарантированную защиту личности от противоправных посягательств на ее честь и достоинство с помощью мер административной ответственности, предлагается декриминализировать состав оскорбления. На наш взгляд, это является важным направлением, потребность которого диктуется самой жизнью, а в связи с последними законодательными изменениями актуальность и практическая значимость данных доработок не вызывает сомнения. К слову, в УК Российской Федерации, Украины, Кыргызской Республики состав оскорбления отсутствует.

Список использованных источников

1. Курс советского уголовного права : в 6 т. / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. – М. : Наука, 1971. – Т. V. – 572 с.
2. Курс уголовного права [Электронный ресурс] : учеб. для вузов : в 5 т. / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М. : ЗЕРЦАЛО-М, 2002. – Т. 3 :

Преступления против человека. – Режим доступа: <https://alleng.org/d/jur/jur244.htm>. – Дата доступа: 12.06.2020.

3. Ной, И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве / И.С. Ной. – Саратов. – 1999. – 125 с.
4. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. – М., 2004. – 800 с.
5. Полный курс уголовного права : в 5 т. / В.С. Комиссаров, А.И. Коробеев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. – Т. II. – 581 с.
6. Сугачев, Л.Н. Ответственность за оскорбление по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.Н. Сугачев ; М-во высш. образования СССР, Харьк. юрид. ин-т им. Л.М. Кагановича. – Харьков, 1955. – 20 с.
7. Сидорова, И.В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.В. Сидорова ; Ом. юрид. ин-т // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов. – Режим доступа: www.dissertat.com. – Дата доступа: 11.06.2020.
8. Чередниченко, Е.Е. Клевета и оскорбление: уголовно-правовой анализ (проблемы теории и практики) : монография / Е.Е. Чередниченко. – М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2010. – 144 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс] / Ю.В. Грачева [и др.] ; под ред. А.И. Рарога. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2011 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия». – М., 2020.
10. Ткачевский, Ю.М. Уголовная ответственность за оскорбление [Электронный ресурс] / Ю.М. Ткачевский // Законодательство. – 2000. – № 1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

УДК 343.2/.7

Н.Д. Стулевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Козелецкая*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: АНАЛИЗ АРГУМЕНТОВ «ПРОТИВ»

Современная практика экономической деятельности характеризуется возросшей ролью юридических лиц в гражданском обороте. Юридические лица довольно прочно укрепились в качестве субъекта правоотношений, что не может не влиять на характер регулирования возникающих в связи с деятельностью юридического лица правоотношений. Наряду с возросшей ролью в гражданском обороте возрастает и серьезность юридических последствий деяний данного субъекта правоотношений, что предполагает повышенное внимание к совершаемым юридическими

лицами противоправным деянием. Именно поэтому в научных кругах возникает дискуссия об установлении уголовной ответственности юридических лиц.

Нельзя не отметить, что проблема уголовной ответственности юридических лиц для уголовного права является одной из наиболее спорных проблем как зарубежного, так и отечественного уголовного права. Она никогда не выпадала из поля зрения ученых и практиков. В научной литературе встречается достаточно много публикаций, в которых обосновывается необходимость введения подобного института. Вместе с тем следует отметить, что отечественный законодатель не воспринял подобный подход, и в уголовном законе Республики Беларусь сохранилось традиционное понимание субъекта уголовной ответственности как исключительно физического лица. Такая же ситуация наблюдается и в Российской Федерации (РФ), где дискуссия о необходимости введения в уголовном законе ответственности юридических лиц в последнее время разгорается с новой силой. Свидетельством тому стали разработанные проекты концепции ответственности юридических лиц. Так, проект Федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц», который в марте 2014 г. был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, утвердил институт уголовной ответственности юридических лиц и признал юридическое лицо полноценным субъектом преступления [1].

Ранее Следственный комитет РФ предложил ввести в уголовное законодательство институт причастности юридического лица к совершению преступления, следуя предложенной ранее Б.В. Волженкиным концепции. Используя принципиально новый подход, авторы проекта отказались от понятия уголовной ответственности юридического лица и предложили дополнить разд. VI «Иные меры уголовно-правового характера» УК РФ гл. 15.2 «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц». Данный проект был подвергнут критике в юридической печати, поскольку, предлагая ввести в правовой оборот указанные меры, он не предусмотрел внесения системных изменений в уголовное законодательство, обойтись без которых в этом случае нельзя [2].

Все вышеизложенное еще раз подтверждает то, что введение института уголовной ответственности юридических лиц сопровождается рядом проблем, на которые указывают скептически настроенные ученые и практики. В связи с этим анализ аргументов против данного института позволит принять решение о том, необходимо ли разрабатывать концепцию уголовной ответственности юридического лица.

Прежде всего следует понимать, что правовой статус юридического лица, как субъекта гражданских правоотношений, несколько отличается от аналогичного статуса физического лица. Речь идет о правоспособности юридического лица. Так, согласно п. 1 ст. 45 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительных документах, а также предмету деятельности, если он указан в учредительных документах, и нести связанные с этой деятельностью обязанности. Отдельными видами деятельности, перечень которых определяется законодательными актами, юридическое лицо может заниматься только на основании специального разрешения (лицензии) [3].

Таким образом, в Республике Беларусь гражданская правоспособность юридического лица ограничена той деятельностью, ради которой создано юридическое лицо. Содержание гражданской правоспособности юридического лица и особенностей его функционирования привязано к организационно-правовой форме юридического лица. Так, согласно ст. 46 ГК юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и (или) распределяющие полученную прибыль между участниками (коммерческие организации) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации). Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в форме хозяйственных товариществ и обществ, производственных кооперативов, унитарных предприятий, крестьянских (фермерских) хозяйств и иных формах, предусмотренных настоящим кодексом. Юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в форме потребительских кооперативов, общественных или религиозных организаций (объединений), финансируемых собственником учреждений, благотворительных и иных фондов, а также в других формах, предусмотренных законодательными актами. Следовательно, в ГК закреплен точный перечень организационно-правовых форм юридических лиц, который привязан к основной цели их деятельности [3].

Подобная ситуация, по мнению ряда противников уголовной ответственности юридических лиц, в случае установления коллективной уголовной ответственности может вызвать ряд проблем в правоприменительной практике, основной причиной которых станет неопределенность относительно перечня юридических лиц, подлежащих уголовной ответственности, а также порядка привлечения отдельных видов юридических лиц.

Кроме того, по мнению Т.Ф. Минязевой, при обосновании необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц большинство сторонников данного института отождествляют понятие юридического лица с понятием корпорации, что является неверным подходом, поскольку понятие «корпорация» несколько шире понятия «юридическое лицо» [4, с. 153]. Важно также отметить, что установление уголовной ответственности именно юридического лица, понятие которого также закреплено в ГК, не позволит решить проблему привлечения к уголовной или иной ответственности организаций, не являющихся юридическими лицами.

Достаточно тесно с данной проблемой связан и тот факт, что специальная правоспособность юридического лица налагает ряд ограничений на перечень возможных юридических действий данного субъекта права. Для возможного установления уголовной ответственности юридических лиц этот факт означает необходимость регламентации точного перечня преступлений, за совершение которых юридическое лицо будет подлежать уголовной ответственности. Г.Н. Борзенков отмечает, что многие виды преступлений по характеру нарушаемых ими общественных отношений вообще не могут быть совершены юридическими лицами. Ни учреждение, ни предприятие, ни общественная организация не могут совершить убийство, кражу, изнасилование и т. д. [5, с. 266–267]. Вместе с тем, как отмечают сторонники института, система преступлений, за совершение которых юридические лица подлежат уголовной ответственности, как правило, включает в себя общественно опасные деяния в сфере охраны прав и свобод человека, порядка осуществления экономической деятельности, экологической и общественной безопасности, здоровья населения, компьютерной информации, порядка управления, интересов государственной власти. Таким образом, необходимость точной регламентации перечня преступлений, за совершение которых юридические лица подлежат уголовной ответственности, в реалиях отечественного законодательства представляется важным шагом при возможном введении института уголовной ответственности юридических лиц.

При определении перечня преступлений необходимо исходить из характера деятельности юридических лиц, которые подлежат уголовной ответственности, а также из целесообразности уголовно-правовой защиты общественных отношений от противоправных деяний юридических лиц, при этом учитывая судебную практику по делам об административных правонарушениях, поскольку юридические лица в Республике Беларусь подлежат административной ответственности.

В этой же плоскости лежит вопрос о перечне наказаний и иных мер уголовной ответственности, которые могут применяться к юридическим

лицам. Как отметил в свое время Н.С. Таганцев, непонятно, как можно «посадить в тюрьму, сослать на поселение или на каторгу акционерное общество, земство» [6, с. 309].

В качестве основных видов наказаний сторонники введения института предлагают штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, конфискацию, приостановление деятельности юридического лица, ликвидацию юридического лица. Предлагаемый перечень наказаний уже в той или иной мере реализован в отечественном законодательстве, поэтому применение тех же мер, но уже в рамках уголовной ответственности, по убеждению противников института коллективной уголовной ответственности, вряд ли будет действенной мерой по профилактике преступной деятельности организации. Т.Ф. Минязева отмечает, что предлагаемые виды наказаний для юридических лиц не имеют своей уголовно-правовой специфики и уже реализованы в рамках административной и гражданско-правовой ответственности [4, с. 151].

При возможном определении инкриминируемых юридическим лицам преступлений и видов наказаний, применяемых к юридическим лицам, противниками уголовной ответственности юридических лиц указывается на несоответствие института основным категориям уголовного права. Так, согласно ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) уголовная ответственность имеет целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами [7]. Возможность исправления юридического лица подвергается сомнению со стороны противников института, что связано с проблемой вины юридического лица. Говорить о вине в отношении юридических лиц, по мнению Б.В. Волженкина, как она понимается в уголовном праве, нельзя, так как этой вины у юридических лиц не имеется [8]. Следовательно, как считают противники корпоративной уголовной ответственности, данный институт не соответствует принципу личной виновной ответственности, закрепленному в ч. 5 ст. 3 УК [7]. Вместе с тем стоит отметить, что в законодательной практике зарубежных стран при установлении уголовной ответственности юридических лиц превалируют два основных подхода к определению вины: объективистский и субъективистский. Объективистский подход связан с признанием юридического лица виновным в совершении преступления, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правовых норм, за нарушение которых предусмотрена уголовная ответственность, но данным лицом не были предприняты все зависящие от него меры по их соблюдению. Что касается второго подхода, то здесь вина (в форме умысла или неосторож-

ности) юридического лица определяется через вину физических лиц, как правило, действующих от его имени или в его интересах [9]. Стоит отметить, что в Республике Беларусь уже реализован объективистский подход к определению вины юридического лица в рамках административной ответственности, что может быть учтено при установлении и уголовной ответственности юридических лиц. Однако даже с учетом формулировки вины юридического лица, вести речь об исправлении юридического лица не представляется возможным.

Противники введения института уголовной ответственности юридических лиц полагают, что нет необходимости адаптировать к новому институту нормы УК, а усилить ответственность юридических лиц вполне возможно в рамках гражданского или административного законодательства. По мнению И.С. Власова, действующих в настоящее время мер по привлечению юридического лица к ответственности вполне достаточно. В частности, если ныне существующие размеры штрафов не позволяют адекватно компенсировать причиненный деятельностью того или иного предприятия ущерб, эти размеры можно легко увеличить в законодательном порядке до нужной величины [10, с. 82]. Он отмечает, что административная ответственность распространяется в равной мере как на физических, так и на юридических лиц, и предусмотренные административным правом меры воздействия на виновных лиц вполне пригодны и достаточны для решения задачи по защите общества от противоправной деятельности юридических лиц.

Действительно, Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь содержит немало составов правонарушений, субъектом которых может быть юридическое лицо. Вместе с тем административные санкции не всегда способны в полной мере достичь целей наказания в случае совершения общественно опасного деяния юридическим лицом, поэтому следует согласиться с учеными, которые считают, что корпоративная деятельность, причинившая существенный вред охраняемым общественным отношениям, должна рассматриваться как преступление и, следовательно, влечь уголовную ответственность.

Таким образом, аргументация противников уголовной ответственности юридических лиц позволяет сосредоточить внимание на проблемных аспектах и перспективах введения подобного института в Республике Беларусь. Многие вопросы, полагаем, возможно разрешить, обращаясь к законодательной практике иностранных государств, которые уже установили уголовную ответственность юридических лиц. Вместе с тем специфичность юридического лица как субъекта правоотношений, нерешенность проблемы привлечения к уголовной ответственности

организаций, не являющихся юридическими лицами, высокие материальные затраты на введение такой ответственности не позволяют однозначно решать вопрос в пользу установления уголовной ответственности юридических лиц. В этом ключе, считаем, необходимо обратить внимание на компромиссный вариант: законодательное закрепление в уголовном законе мер уголовно-правового воздействия. Как отмечают А.А. Востоков и Н.В. Щедрин, большинство мер, которые предлагаются в качестве мер ответственности или наказания юридических лиц, соответствуют признакам иных мер уголовно-правового характера, которые реализуются в виде позитивных санкций поощрения и негативных санкций наказания, восстановления и безопасности. При этом подавляющее большинство их относится к уголовным санкциям безопасности, которые ограничивают возможность продолжения общественно опасного поведения или деятельности [11, с. 59].

Список использованных источников

1. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц [Электронный ресурс] : проект Федер. закона № 750443-6 : ред., внес. в ГД ФС РФ : текст по состоянию на 23.03.2015 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
2. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц [Электронный ресурс] : проект Федер. закона, не внес. в ГД ФС РФ : текст по состоянию на 28.02.2012 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2019 г. // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Миняева, Т.Ф. Уголовная ответственность юридических лиц в России и Германии: к постановке проблемы / Т.Ф. Миняева, А.В. Серебрянникова // LexRussia. – 2017. – № 2. – С. 147–154.
5. Курс уголовного права : учеб. для юрид. вузов / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Юрид. фак. ; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой : Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении / Г.Н. Борзенков, В.С. Комиссаров, Н.Е. Крылова [и др.]. – М. : Зерцало, 2002. – 611 с.
6. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право : Часть общая / Н.С. Таганцев. – Тула : Автограф, 2001. – Т. 1. – 798 с.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. // ЭТА-

ЛЮН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

8. Волженкин, Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц [Электронный ресурс] / Б.В. Волженкин. – Режим доступа: www.procuror.spb.ru/izdaniya/1998_01_09.pdf. – Дата доступа: 08.06.2020.

9. Смирнов, Г. Есть ли душа у юридического лица. Корпорации должны нести уголовную ответственность наравне с физическими лицами [Электронный ресурс] / Г. Смирнов // «Юрист спешит на помощь». – 2014. – № 8 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

10. Власов, И.С. О введении в России института уголовной ответственности юридических лиц / И.С. Власов // Журнал рос. права. – 2015. – № 11. – С. 82–89.

11. Востоков, А.А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций / А.А. Востоков, Н.В. Щедрин // Уголов. право. – 2009. – № 1. – С. 58–61.

УДК 340.119

Н.А. Сумароков, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук
Д.А. Воронаев

НЕТИПИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВА

В научной среде нет единого мнения относительно определения источника права. Полагаем, что источник права, во-первых, тождественен по отношению к термину «форма права»; во-вторых, это то, из чего возникает и развивается право; в-третьих, источники права носят объективный характер. Соответственно, признаками источника права являются: содержит правовые нормы, которые регулируют те или иные общественные отношения; имеет формально-определенный характер закрепления и выражения; государство или его органы обязательно создает те или иные источники права либо их санкционирует; источники права носят общеобязательный характер исполнения. В литературе могут выделяться и другие признаки источников права, однако выше перечислены те, которые считаются общепризнанными.

В современной правовой науке выработан следующий перечень источников права: правовой обычай; юридический прецедент; нормативный правовой акт; договор с нормативным содержанием; правовая доктрина; религиозная доктрина. Однако помимо общепризнанных источников права существуют и так называемые «нетипичные», существование которых в теоретико-правовой науке признается дискусси-

онным. Так, например, С.В. Бошно к таковым относит правосознание, программное право, общие принципы права [1, с. 85]. Тезис о существовании иных источников права поддерживают и другие авторы. В рамках нашей статьи попытаемся рассмотреть некоторые из «нетипичных» источников права с целью уяснения их места в правовой системе государства.

Начнем рассмотрение «нетипичных» источников права с общих принципов права. Иногда в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда требуется конкретное юридическое решение проблемы, однако соответствующая норма права, которая бы регулировала такие общественные отношения, отсутствует. Тогда проблема может быть решена при обращении к общим началам и принципам права. Такой процесс, когда при разрешении пробела в праве прибегают к общим началам и принципам права в общетеоретической науке носит название «аналогия права» [2, с. 494].

Под принципами права в теории права часто понимаются «исходные нормативно-руководящие начала, определяющие общую направленность правового регулирования общественных отношений» [3, с. 83]. Эти фундаментальные положения обеспечивают устойчивую связь и взаимодействие между разнообразными правовыми нормами и иными правовыми предписаниями, выступают ориентиром в правотворчестве, систематизации, толковании и реализации права. При издании, изменении или отмене того или иного нормативного правового акта законодатель обязан учитывать содержание принципов права.

Принципы права в юридической науке обычно делятся на общие, межотраслевые и отраслевые. Общие принципы права характеризуются тем, что они составляют основу правовой системы и институтов права. Многие из них были сформулированы еще юристами Древнего Рима. Ярким примером таких принципов являются постулаты Юстиниана: «правосудие есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его права»; «равный над равным не имеет власти»; «бремя доказательств возлагается на сторону, предъявившую иск»; «законы должны соблюдаться». Эти и другие принципы должны препятствовать злоупотреблению правом.

К общим принципам права также относят нормы, которые нашли свое отражение в большинстве национальных правовых систем. Эти общепризнанные принципы права можно отнести к всеобщим, универсальным началам, имеющим глобальное воздействие на все сферы общественной жизни различных стран мира [4, с. 231]. Они также закреплены в Уставе ООН, в универсальных и региональных междуна-

родных договорах и конвенциях, в исторически сложившихся обычаях, а также в законодательстве большинства государств.

На данный момент исчерпывающий перечень общих принципов права не сформулирован, но на практике они используются все чаще, а их значение в деле сближения международного и национального права демократических стран все больше увеличивается. Общеправовые принципы, включая принципы международного права, получая свое закрепление в конституциях и других источниках конституционного права, одновременно приобретают статус основополагающих принципов конституционного права, составляющих основы государственно-общественного строя. При этом после включения их в состав национального права данные принципы осуществляются в соответствии с целями и принципами внутригосударственной правовой системы и в установленном ею процессуальном порядке.

Несмотря на важную роль принципов права в регулировании общественных отношений, формальную определенность, они могут быть отнесены к «нетипичным» источникам права по причине отсутствия такого признака источника права, как наличие правового предписания или правила поведения. Принципы права не закрепляют какого-то определенного правила поведения, а лишь выступают ориентиром в правотворчестве, систематизации, толковании и реализации права.

Следующим «нетипичным» источником права, который следует рассмотреть более подробно, выступает правосознание. Оно может быть определено как совокупность социально-психологических реакций и чувств, представлений, понятий и идей, выражающих отношение общества к действующей или желаемой правовой действительности. Как отмечается в юридической литературе, правосознание является одной из форм общественного сознания, в которую входит также политическое, нравственное, религиозное, национальное, научное и иное сознание. Правосознание подчиняется тем же закономерностям, что и общественное сознание, но ввиду своей специфичности обладает своими особенностями. К ним можно отнести отражение лишь государственно-правовых явлений, своеобразие способов отражения государственно-правовой действительности посредством юридических понятий, категорий, конструкций, принципов, обычаев и т. д., способность к прогностическому отражению, т. е. отражать не только настоящее состояние правовой ситуации, но и тенденции их развития в будущем.

Стоит также обозначить и функции правосознания – это воздействие правосознания на общественные отношения в познавательном, оценочном, регулятивном и прогностическом направлении [5, с. 177].

К правосознанию тесно примыкает правовая культура, под которой следует понимать совокупность всех позитивных аспектов правовой действительности, включающей в себя достижения правовой мысли, законодательства и юридической практики. Для более глубокого рассмотрения функции правосознания следует рассмотреть функции правовой культуры. М.Г. Баумова отнесла следующие: динамизм и социально-преобразующая роль в системе права; функционирование правовой культуры возможно только через его носителей; воздействие правосознания на различные сферы личной и общественной жизни; воздействие на сознание, поведение людей, их связи и отношения; целенаправленное воздействие на общественные отношения; в функциях правовой культуры конкретизируются основные свойства, элементы, содержания и формы, типы правосознания; устойчивость и стабильность [6, с. 125].

Исходя из перечисленных признаков правосознания, а также функций правовой культуры можно сделать вывод, что для эффективного регулирования общественных отношений законодатель в ходе осуществления нормотворческой деятельности должен учитывать не только требования юридической техники, догмы права, господствующей правовой идеологии, но и реально существующие на данном конкретном историческом отрезке времени материальные и духовные потребности и интересы индивидов и социума. Это относится и к перспективному прогнозированию развития права. Законодатель должен осознать, что нормы права только тогда эффективны, когда они добровольно соблюдаются большинством членов общества, что, в свою очередь, возможно, если содержание нормы права не будет расходиться с жизненными интересами и потребностями людей.

Таким образом, правосознание обладает отдельными признаками источника права (воздействие на различные сферы личной и общественной жизни, устойчивость и стабильность, выражает динамизм и социально-преобразующую роль в системе права), однако не может быть признано таковым из-за отсутствия других признаков. Так, в частности, правосознание не устанавливает правового предписания или правила поведения, не обладает формально-определенным характером закрепления и выражения, а также другими признаками источника права – не издается и не санкционируется государством или его органами, не носит общеобязательный характер. Как итог – правосознание может быть признано «нетипичным» источником права.

Считаем, следует рассмотреть такой «нетипичный» источник права, как политико-программный документ. Политический компонент подобных документов представлен целями, направлениями политики

государства в одной или нескольких сферах общества. Политика здесь рассматривается как деятельность государства, осуществляемая для достижения определенной общественно полезной цели. Программный компонент исследуемых документов состоит в закреплении конкретных задач и мероприятий, выполнение которых необходимо для реализации политики государства. Некоторые документы могут носить только политический или только программный характер [7, с. 71]. Государственное значение таких документов традиционно отмечается в науке управления и политологии. Что касается юриспруденции, то различные виды политико-программных документов упоминаются чаще всего в работах по административному праву. При этом указывается на все более широкое распространение государственных программ, концепций. Ученые отмечают, что данные документы, являющиеся формой государственного управления, имеют юридическое значение. Однако рассмотрение последнего чаще всего ограничивается констатацией того, что программы и концепции утверждаются правовыми актами либо служат основой для принятия правовых актов, направленных на реализацию этих программ и концепций [8, с. 466]. В отличие от правовых актов, содержащих отдельные политико-программные компоненты, собственно политико-программные документы полностью или преимущественно состоят из целей, направлений государственной политики и (или) положений о конкретных политико-управленческих задачах и мероприятиях. Политико-программные документы можно классифицировать на общие, которые затрагивают большинство сфер общественной жизни, и специальные (отраслевые), распространяющиеся на одну или несколько сфер общества [7, с. 75].

Думается, государственные концепции, программы, стратегии, основные направления, иные подобные документы образуют самостоятельный источник права, который может быть назван политико-программным документом. Сущностное назначение анализируемых документов заключается в том, чтобы определить цели, направления деятельности государства и, нередко, закрепить механизмы их реализации. Политико-программный документ как источник права имеет ту же юридическую силу, что и нормативный правовой акт, который его утверждает (санкционирует) [9, с. 314]. Однако политико-программный документ не всегда содержит правовые предписания, которые регулируют общественные отношения, а также не имеет общеобязательного характера. Из этого следует вывод, что признание политико-правового документа в качестве источника права невозможно ввиду отсутствия вышеупомянутых признаков источника права.

Помимо рассмотренных, некоторые ученые к «нетипичным» источникам права относят судебную практику, частноправовую доктрину, деловые обыкновения. Данные нетипичные источники права практически не имеют признаков источника права и выделяются лишь узким кругом ученых-правоведов. Вышеперечисленные источники права относятся к «нетипичным» по причине невозможности выступать в качестве источника права в формально-юридическом смысле. Они не содержат норм права, однако играют роль дополнительного правового средства, необходимого для обеспечения единообразного регулирования частноправовых отношений.

Таким образом, исчерпывающий перечень «нетипичных» источников права до настоящего времени не определен. Их количество может быть весьма значительным ввиду того, что в каждой национальной правовой системе могут существовать уникальные «нетипичные» источники права, которые не будут представлены в другой стране даже в рамках одной и той же правовой семьи. Например, в соответствии со ст. 84 Конституции Республики Беларусь Президент Республики Беларусь обращается с посланиями к народу Республики Беларусь, а также обращается с ежегодными посланиями к парламенту. Анализ содержания таких обращений позволяет с известной долей условности говорить о том, что они могут быть отнесены к такому «нетипичному» источнику права из числа рассмотренных выше, как политико-программный документ, и являются уникальными в своем роде. В то же время вне национальной правовой системы возможно существование сходных «нетипичных» источников права. Так, институт обращений главы государства к парламенту существует и в большинстве бывших республик СССР.

«Нетипичные» источники права обладают лишь отдельными признаками традиционных источников права, чем, собственно, от них и отличаются. Однако не вызывает сомнения тот факт, что «нетипичные» источники права также оказывают определенное влияние на регулирование общественных отношений, поэтому знание их природы необходимо для понимания соответствующей национальной правовой системы.

Список использованных источников

1. Бошно, С.В. Доктринальные и другие нетрадиционные формы права / С.В. Бошно // Журнал рос. права. – 2003. – № 1. – С. 82–91.
2. Общая теория права и государства : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 3-е изд. пересмотр. – Минск : Академия МВД, 2019. – 478 с.

3. Карташов, В.Н. Теория государства и права : учеб. пособие для бакалавров / В.Н. Карташов ; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2012. – 274 с.

4. Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. – М. : Юристъ, 2003. – 592 с.

5. Бибило, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2015. – 206 с.

6. Карташов, В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / В.Н. Карташов ; под ред. Н.И. Матузова. – Саратов, 1989. – 218 с.

7. Пляхимович, И.И. Юридическая природа концепций совершенствования законодательства и иных политико-программных документов / И.И. Пляхимович // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2007. – № 2. – С. 71–81.

8. Алексин, А.П. Административное право Российской Федерации : учебник / А.П. Алексин, А.А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. – М. : Зерцало, 1997. – 671 с.

9. Тихомиров, Ю.А. Административное право и процесс: полный курс / Ю.А. Тихомиров. – М. : Изд-во г-на Тихомирова М.Ю., 2001. – 652 с.

УДК 349.6 + 338(476)

Е.Б. Тетерук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *М.А. Кравцова*

ВНЕДРЕНИЕ ПРИНЦИПОВ «ЗЕЛеноЙ» ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Приверженность Республики Беларусь принципам «зеленой» экономики закреплена в общегосударственных программных документах, включая Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития на период до 2030 года. основополагающие принципы экономии и бережливости, соответствующие принципам «зеленой» экономики, закреплены в Директиве Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства». В целях выполнения международных обязательств по переходу к «зеленой» экономике, сформулированных в Декларации седьмой конференции министров «Окружающая среда для Европы» и ее итоговом документе «Рио+20», реализуется система мер по укреплению технологического потенциала национальной экономики.

Сегодня актуальным вопросом, требующим решения для обеспечения устойчивого экономического развития страны на данном этапе раз-

вития экономики Республики Беларусь, выступает опасность снижения количества природных ресурсов, а также ухудшение природного потенциала. Государственные мероприятия для создания гармонических взаимосвязей экологических и экономических интересов основываются на следующих принципах: экономико-экологической устойчивости производства и потребления; включения социально-экологических ценностей в аппарат экономического учета и принятия управленческих решений; приоритетности «зеленых» методов и подходов в достижении целей устойчивого и социально-экономического развития [1, с. 50].

Согласно основным положениям Программы социально-экономического развития Республики Беларусь, развитие комплекса мер, направленных на улучшение качества жизни населения при помощи повышения конкурентоспособности экономики, а также увеличения притока инвестиций, инновационного развития, является важнейшей стратегической целью государства.

Рост потенциала экономики Республики Беларусь обеспечивается внедрением принципов «зеленой» экономики. Кроме того, внедрение данных принципов служит обеспечению улучшения качества природных объектов и подчинено решению таких задач, как разработка критериев, необходимых для оценки эффективности экономической деятельности предприятий согласно принципам «зеленой» экономики; выявление условий и предпосылок, необходимых для внедрения данных принципов; формирование перечня приоритетных отраслей и сфер деятельности для «зеленой» экономики; разработка комплекса мероприятий, отраслевых и институциональных, направленных на реализацию концепции «зеленой» экономики [2, с. 21].

В качестве основного итога реализации мероприятий в сфере «зеленой» экономики выступит поэтапная трансформация национальной экономики, базирующаяся на взаимосвязи внедрения принципов «зеленой» экономики и достижения целей устойчивого развития Республики Беларусь.

Следует отметить наличие большого потенциала во многих отраслях экономики и назревшей необходимости в совершенствовании технологических процессов производства, апробации инноваций в сфере «зеленых» технологий, которые не только способны повысить экологическую устойчивость экономики, но и увеличить занятость граждан за счет повышения качества условий труда. Среди таких отраслей можно выделить промышленную сферу, строительную отрасль, сельское и лесное хозяйство, сферу утилизации и переработки отходов, а также энергетику и транспорт [3, с. 12].

Так, например, сегодня крупнейшим источником загрязнения парниковыми газами, доля которых составляет порядка 21 %, выступает сельское хозяйство. Оно является одним из крупнейших загрязнителей водных ресурсов, значительно оказывает влияние на деградацию земель, а также на сокращение биоразнообразия [1, с. 51].

В данных условиях достаточно эффективным представляется внедрение методов ведения органического сельского хозяйства, которое способно снизить уровень негативного влияния традиционного сельского хозяйства на природные ресурсы, а также стать новым источником развития крестьянского хозяйства в целом.

Следует также отдельно выделить потенциал отраслей энергетики и транспорта в сфере инноваций. Международные тенденции по трансформации отраслей национальных экономик на данном этапе развития все еще остаются добровольными. По нашему мнению, необходимо взять на их вооружение, чтобы не отставать от прогрессивных решений и инициатив. Стратегия ЕС направлена на сокращение выбросов парниковых газов, увеличение доли возобновляемой энергии. Еврокомиссией выдвинуто предложение о запрете использования в городах автомобилей с бензиновым двигателем к 2050 г. При этом некоторые страны определили 2030 г. как необходимую временную границу по реализации данного запрета, а также выступили с предложением по ограничению импорта соответствующей продукции.

Стоит также отметить добровольную сертификацию климатически нейтральной продукции, которая с каждым днем становится все более популярной. Ориентация на использование электрического транспорта обеспечит существенное снижение вредных выбросов в окружающую атмосферу, позволив дать толчок к развитию новейшего направления автотранспортной отрасли Республики Беларусь, повысив ее экспортные возможности. Невозможно не отметить тенденции по изменению отношения к использованию личного автотранспорта. Так, все большую популярность приобретают велосипеды и общественный транспорт. Но требуются также более значительные изменения в организации грузопассажирских перевозок. Эффективность всех используемых факторов, особенно энергоисточников, выступает решающим фактором всех производственных процессов [2, с. 22].

Следующей перспективной отраслью, обладающей потенциалом по сокращению выбросов и повышению эффективности использования энергоресурсов, стоит назвать строительную сферу. В качестве мер для реализации потенциала строительства в контексте «зеленой» экономики можно выделить строительство энергоэффективных и ресурсэф-

фективных зданий, для которых необходимо повышение квалификации, проведение сертификации строительных организаций, реализация инвестирования в модернизацию зданий. Строительство энергоэффективных и ресурсоэффективных зданий также будет способствовать росту занятости населения в строительной и промышленной отраслях, обеспечив экономический рост государства. В целом внедрение концепции устойчивых «умных» городов в градостроительную политику позволит улучшить состояние окружающей среды и условия проживания населения [4, с. 67].

Вместе с развитием промышленности в рамках «зеленой» экономики необходимо продолжать совершенствовать и расширять деятельность по переработке отходов. Рост инвестирования в данную сферу повысит занятость граждан и уменьшит влияние на природные ресурсы, в первую очередь за счет сокращения площади занимаемых земель под полигоны отходов.

Экологические инновации выступают перспективным приоритетом, который обуславливает возникновение новых видов экономической деятельности и новых отраслей экономики.

Использование наилучших доступных технических методов для совершенствования работы должно быть направлено на повышение использования передовых технологий, работ и услуг, а также предоставление стимула государственным и частным усилиям в сфере научных исследований и технических инноваций, которые необходимы для развития и внедрения новейших технологий, систем и бизнес-моделей, ускоряющих и снижающих затраты на переход к низкоуглеродной, ресурсоэффективной, безопасной и устойчивой экономике. Стимулирование государственных и частных усилий в сфере научных исследований и технических инноваций выступит катализатором для развития и трансфера экологических инноваций. Это новое «окно возможностей» для «зеленого» экономического роста и вклада в глобальное устойчивое развитие [3, с. 40].

Опыт других стран демонстрирует активное развитие и использование экомаркировки при производстве товаров, работ, услуг, внедрение которой рассматривается в качестве элемента продвижения принципов «зеленой» экономики. Введение добровольной экомаркировки продукции стимулируется рынком в условиях развития «зеленых» государственных закупок, органического производства, экоинноваций и т. д. [3, с. 14].

Вопрос об экомаркировке на уровне программных документов в Республике Беларусь упоминается в Программе развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 г.

Основным препятствием успешного внедрения в нашей стране системы экологической маркировки продукции выступает отсутствие мотивации и заинтересованности производителей в получении экологического знака соответствия. При этом в Республике Беларусь экологические критерии для продукции устанавливаются на достаточно высоком уровне. Но в то же время именно развитие экологической маркировки является стимулом для продвижения продукции белорусских производителей на рынки зарубежья, повышения конкурентоспособности белорусских товаров, их экологичности на всех этапах жизненного цикла. Обеспечивая развитие экомаркировки в Республике Беларусь, необходимо принимать во внимание два фактора: возможность присвоения экологического знака ЕС для предприятий, производящих высокоэкологичную продукцию в Республике Беларусь, формирование определенной структурированной системы присвоения национального экологического знака в Республике Беларусь [2, с. 33].

В качестве необходимого условия реализации эффективного развития системы экологической маркировки следует выделить внедрение системы «зеленых» закупок, стимулирующих, в свою очередь, реализацию инновационных технологий в различных отраслях, среди которых и переработка вторичных материальных ресурсов. С целью продвижения «зеленых» государственных закупок на нормативном правовом уровне следует определить категории товаров, работ, услуг, подпадающих под требования о проведении таких закупок, определить квалификационные требования к товарам, работам, услугам.

Внедрение принципов «зеленой» экономики предполагает развитие рынка экосистемных услуг по основным четырем направлениям, для которых реально использование компенсационных платежей и создание рынков: услуги по обеспечению пресной водой; услуги по поглощению углерода (сохранение существующего лесного покрова, лесонасаждения); услуги по сохранению биоразнообразия; услуги по сохранению эстетических свойств ландшафтов. Внедрение экосистемных услуг в национальную практику предполагает определенные шаги в области совершенствования законодательства [5–8].

Список использованных источников

1. Михайлова, А.А. «Зеленая» экономика: концепция, роль в мировом сообществе и Республике Беларусь / А.А. Михайлова ; науч. рук. Л.П. Авдашкова // Актуальные проблемы мировой экономики и менеджмента : материалы Междунар. интернет-конф. студентов и магистрантов, Гомель, 21 дек. 2017 г. / Белкоопсоюз, Белорус. торг.-экон. ун-т потреб. кооперации ; под. науч. ред. М.В. Тимошенко. – Гомель, 2017. – С. 50–51.

2. «Зеленые финансы» в мире и России : монография / Б.Б. Рубцов [и др.] ; под. ред. Б.Б. Рубцова. – М. : РУСАЙНС, 2018. – 168 с.

3. Никоноров, С.М. К «зеленой» экономике через «зеленые» финансы, биоэкономику и устойчивое развитие / С.М. Никоноров // Рус. политология. – 2017. – № 3. – С. 12–15.

4. «Зеленая» экономика. Новая парадигма развития страны / С.Н. Бобылев [и др.] ; под общ. ред. А.В. Шевчука. – М. : СОПС, 2014. – С. 66–71.

5. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] : одобр. протоколом заседания Президиума Совета Министров Респ. Беларусь, 2 мая 2017 г., № 10. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступа: 18.06.2020.

6. Пискулова, Н.А. Помощь развивающимся странам в области охраны окружающей среды / Н.А. Пискулова // Вестн. междунар. организаций. – 2011. – № 2 (33). – С. 26–34.

7. Бобылев, С.Н. Новая «зеленая» экономика для мира и России / С.Н. Бобылев // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. Устойчивое развитие и вызовы Рио / под ред. С.Н. Бобылева. – Программа развития ООН, ООО РА ИЛЬФ. – М., 2013. – С. 81–94.

8. Мурина, И. Как мотивировать предприятия, чтобы они пошли по пути зеленой экономики? [Электронный ресурс] / Е. Мурина. – 2020. – Режим доступа: <https://ej.by/news/economy/2019/03/01/kak-motivirovat-predpriyatiya-chtoby-oni-poshli-po-puti-zelenoy.html>. – Дата доступа: 18.06.2020.

УДК 343.4

А.А. Ткачев, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.А. Подупейко*

СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО: РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ В БЕЛАРУСИ

На всех этапах развития человеческой цивилизации религия была одним из важнейших факторов, влияющих на жизнь человека. Религия оказывала (и продолжает оказывать) огромное влияние на мировоззрение человека, способ жизни верующего, на отношения в обществе, а в отдельных случаях может формировать гражданскую позицию граждан.

В современном мире из-за процессов глобализации все большее значение приобретают основные мировые религии, такие как ислам, христианство, буддизм, а малоизвестные религиозные течения отходят на второй план. Примером может послужить Африканский континент, где

еще около 100 лет назад среди населения можно было встретить различные национальные традиционные религиозные течения. На данном этапе в африканском государстве преобладают мусульманское и христианское течения.

Роль религии в современном мире практически не изменилась по сравнению с той, которую религия играла в прошлые века. Но нужно учитывать тот факт, что в большинстве современных светских государств политика и религия разделяются. Власть не может оказывать существенное влияние на религиозную деятельность, если только она не осуществляется с нарушением закона, а священнослужители не обладают полномочиями в политических процессах страны.

Роль религии в современном мире выражается в том, что она выполняет следующие функции:

1. Регулятивная функция. Религия выступает как регулятор человеческого поведения. Она создает и обосновывает нормы общественного поведения, которые в дальнейшем регулируют человеческое поведение во всех его сферах жизнедеятельности;

2. Воспитательная функция. Она заключается в том, что религия помогает человеку социализироваться, передавая определенные навыки, нормы, правила поведения. Эта функция также формирует у человека систему ценностей;

3. Мироззренческая функция. Эта функция помогает понять мироустройство и формирует у человека взгляд на мир (конечно, это зависит от той религии, которую выберет человек);

4. Культуротранслирующая функция. Ее основная задача – это передача в рамках традиции накопленного культурного наследия от поколения к поколению, что позволяет сохранять мировую историю [1, с. 129].

Несмотря на развитие науки, образования, культуры в современном мире, вопросы вероисповедания, отношения человека к религии, положения религиозных организаций и общин продолжают оставаться под пристальным вниманием государства и общества. Как результат – на первый план выходят согласование интересов и регулирование деятельности религиозных организаций и других субъектов религиозной ситуации на основе действующего закона, контроль за соблюдением всеми субъектами норм закона и зарегистрированных в соответствующих органах собственных уставов. Реальная религиозная ситуация оказывает значительное влияние на ценности общества, на основе которых выстраиваются нормативная правовая база и структура органов, взаимодействующая с религиозными организациями, поэтому взаимоотно-

шения религии, общества, государства становятся объектом правового регулирования в законодательстве различных стран.

В Республике Беларусь вопросам регулирования свободы вероисповедания уделяется большое внимание.

Три четверти населения Республики Беларусь устойчиво отождествляют себя с православием [2, с. 346].

Религия очень часто определяла отношения между государствами. Например, как считает С.А. Калинин, «нахождение Беларуси на „водоразделе“ православия и католичества определило особенности отношений с Россией и Польшей, каждая из которых, зачастую используя религиозный фактор, стремилась влиять на данную территорию» [1, с. 130]. По мнению С.А. Токарева, сделавшись государственной религией Римской империи, христианство в эпоху ее распада проникает вместе с греко-римской культурой к германцам и славянам. В IX–X вв. христианство распространяется среди славянских народов. К X в. почти вся Европа стала христианской. Проникая к языческим народам Европы (и других стран), христианство отнюдь не уничтожало местных религий. Оно, скорее, сливалось с ними, впитывало в себя и местные обрядовые традиции и мифологические образы [3, с. 505]. Ситуация в корне изменилась после раздела Речи Посполитой. После воссоединения униатов с православными начался постепенный упадок католицизма в стране и укрепление позиций православия. В феврале 1839 г. в Полоцке униатскими епископами было составлено соборное постановление о воссоединении униатов с Православной Церковью. За этот период население Беларуси оказалось под влиянием православного вероисповедания. К концу XIX в. большая часть населения Беларуси была уже православной. По данным переписи 1897 г., количество православных составило 60 % от общего количества населения пяти белорусских губерний. Исключение составила только Виленская губерния, где по-прежнему преобладали католики [4, с. 73].

Вхождение Беларуси в СССР (1922 г.) в последующем оказало значительное влияние на развитие религии. Этот период был очень тяжелым: были уничтожены тысячи церквей и приходов. Велась атеистическая пропаганда. После освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков Православная Церковь вошла в состав Московского Патриархата. С середины 50-х гг. XX в. на церковь в Беларуси, как и на всей территории СССР, начало усиливаться давление. Это выражалось в осложнении поступления в Духовные семинарии, в установлении непосильной арендной платы за пользование монастырскими зданиями и земельными наделами, запрещениями ремонтировать храмы, отказами в прописке послушников в монастырях [5, с. 144].

К концу 50-х – началу 60-х гг. давление на церковь приобрело черты крупномасштабного гонения, выразившегося, в первую очередь, в массовом закрытии храмов. Только за один 1960 г. в Минско-Белорусской епархии было закрыто 219 храмов, а в 1959–1963 гг. Православная Церковь в Беларуси лишилась в общей сложности около 600 храмов, более всего пострадали приписные церкви и часовни. В 1960 г. были закрыты и разорены женские монастыри в Полоцке и Гродно. В средствах массовой информации вновь развернулась кампания по дискредитации религии и священнослужителей [6, с. 5–6]. Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что развитие религии затормаживалось не только в БССР, но и на всей территории СССР. Свобода вероисповедания и религиозные права всячески ограничивались. В проведении антирелигиозной политики большую роль играла Советская власть, которая считала, что религия является преградой на пути к успешному развитию государства. Но несмотря на это, население все же находило способы участия в религиозной деятельности.

После отмены коммунистической идеологии в Беларуси, как и на всем постсоветском пространстве, произошло возрождение религиозной жизни. К 1992 г. в Беларуси были восстановлены и основаны епархии. Они вошли в 1990 г. в состав Белорусского экзархата Русской Православной Церкви. Стали восстанавливаться церкви и приходы, строиться новые. Религиозная ситуация стала стабильной и характеризуется высоким уровнем веротерпимости и межконфессиональной толерантности граждан.

Аналогичным образом развивалась ситуация и в Российской Федерации.

Основополагающее значение в регулировании религиозной сферы РФ имеет Конституция Российской Федерации и Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». В Республике Беларусь религиозные права и свободы закреплены в Конституции, Законе «О свободе совести и религиозных организациях» и других нормативных правовых актах.

Действующая Конституция РФ определяет государство светским [7, с. 6]. Конституция гарантирует «свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». В Конституции также установлено основополагающее положение, которое гласит, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

В Республике Беларусь религиозные права и свободы также закреплены в Конституции, Законе «О свободе совести и религиозных организациях» и других нормативных актах. Законодательство Республики Беларусь права на свободу совести и свободу вероисповеданий регулирует на следующих принципах: свобода совести и вероисповедания является правом каждого; равенство всех перед законом независимо от отношения к религии; равенство религий перед законом.

Согласно ст. 16 Конституции Республики Беларусь все религии и вероисповедания равны перед законом. Регулируя общественные отношения в религиозной сфере, Конституция гарантирует общественную и национальную безопасность. Государство не вмешивается в дела религиозных общин и объединений, и в соответствии с законодательством религиозные организации подлежат государственной регистрации для того, чтобы они смогли спокойно и полноценно осуществлять свою религиозную деятельность [8, с. 7].

В соответствии со ст. 31 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом [8, с. 14].

Можно отметить, что Республика Беларусь, как и Российская Федерация, являются светскими государствами, так как лишь в условиях светского государства возможна полноценная реализация свободы совести как неотъемлемого компонента системы прав и свобод человека. Но понятие «светское государство» закреплено только в Конституции РФ. Для того чтобы подтвердить, что Республика Беларусь является таковым, требуется определить признаки такого государства. По мнению В.В. Старостенко, светское государство должно обладать следующими признаками [9, с. 143]:

равенство в гражданских правах и равенство граждан перед законом независимо от их отношения к религии, что подтверждается ст. 22 Конституции Республики Беларусь, в которой закрепляется, что все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов [8, с. 12]. Данное положение полностью соответствует международным стандартам в области прав и свобод человека, а также касается всех сфер жизни гражданина и означает одинаковый подход при решении вопросов о правах и свободах человека;

отношение государства к религии как частному делу граждан, а также отсутствие принуждения, преимуществ либо ограничений в связи с

конфессиональной принадлежностью подтверждается ст. 31 Конституции Республики Беларусь. В ней закреплено, что каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом [8, с. 14]. Данная норма имеет большое значение в системе прав и свобод человека, так как свобода вероисповедания является одним из основных прав в светском, демократическом, правовом государстве;

отделение религиозных организаций от государства, взаимное невмешательство религиозных организаций и государства в сферы их суверенной компетенции закреплено в части третьей ст. 16 Конституции Республики Беларусь, которая гласит, что запрещается деятельность религиозных организаций, их органов и представителей, которая направлена против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия либо сопряжена с нарушением прав и свобод граждан, а также препятствует исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или наносит вред их здоровью и нравственности [8, с. 10]. Данный принцип имеет большое юридическое значение и является показателем развитого светского демократического социального государства. Отделение религиозных организаций от государства осуществляется через взаимное невмешательство в дела друг друга. Государство должно оставаться нейтральным в сфере свободы религиозных верований и убеждений, а также не возлагать на церковь выполнение каких-либо своих функций. В то же время религиозные объединения не вмешиваются в дела государства, не участвуют в деятельности политических партий, а также в выборах государственных органов;

равенство религиозных организаций и вероисповеданий перед законом также закрепляется в ст. 16 Конституции Республики Беларусь [8, с. 10]. Это положение запрещает государству устанавливать для какой-либо религии ограничивающих ее деятельность правил. Это означает, что ни одна религия не имеет права пользоваться никакими привилегиями, и они не могут быть подвергнуты каким-нибудь ограничениям по сравнению с другими;

запрет на установление религиозной или атеистической идеологии в качестве обязательной для граждан закреплено в части второй ст. 4 Конституции Республики Беларусь, которая устанавливает, что идеология политических партий, религиозных или иных общественных объедине-

ний, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан [8, с. 3]. Данное положение означает право каждого свободно выражать свое мировоззрение, а также защищать его любыми доступными законными способами.

Таким образом, религиозная ситуация в Республике Беларусь характеризуется стабильностью. В государстве созданы все условия для обеспечения прав граждан на свободу совести и вероисповедания. Республика Беларусь по всем вышеперечисленным признакам является светским государством. Но стоит отметить тот факт, что в отличие от законодательств многих государств, в Республике Беларусь понятие «светское государство» не закреплено. Полагаем необходимым закрепить светский характер белорусского государства в законодательстве и Конституции Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Калинин, С.А. Некоторые проблемы Церкви и религии в современной общей теории права // Христианские ценности в современной культуре (к 2000-летию Христианства) : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 20 дек. 2000 г. / БГУ. – Минск : ИЦ УП «Гама-5», 2001. – С. 129–130.
2. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – С. 345–347.
3. Токарев, С.А. Религия в истории народов мира / С.А. Токарев. – М. : Политиздат, 1986. – С. 505, 507–508.
4. Апресян, Р.Г. Культурология : учеб. для вузов / Р.Г. Апресян, Б.А. Эренгросс. – М. : Оникс, 2007. – С. 73–74.
5. Панов, С. История Беларуси. Билеты. 11 класс / С. Панов. – Минск : Аверсэв, 2014. – С. 144.
6. Янушевич, И.И. Взаимоотношения государства и православной церкви в Беларуси: этапы развития (1917–2003 гг.) / И.И. Янушевич, А.Л. Ленкевич // Философия. Культура. Общество : сб. тр. молодых ученых и аспирантов / Респ. ин-т высш. шк. ; редкол.: М.И. Демчук (председатель) [и др.]. – Вып. 4. – Ч. 1. – Минск : РИВШ БГУ, 2004. – С. 26–31.
7. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. : с учетом поправок, внес. Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 1993.
8. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г. // № 2875-ХП, Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, 1999 г., № 1, 1/0 (опуб. 5 янв. 1999 г.).
9. Старостенко, В.В. Религия и свобода совести в Беларуси : монография / В.В. Старостенко. – Могилев : учреждение образования «Могилев. гос. ун-т им. А.А. Кулешова», 2011. – 271 с.

Т.Н. Уласевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Г.А. Павловец*

СУЩЕСТВУЮЩАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПОРЯДКЕ ЗАДЕРЖАНИЯ ПО НЕПОСРЕДСТВЕННО ВОЗНИКШЕМО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан на данный момент является одним из приоритетных направлений деятельности государства. Так, в соответствии со ст. 21 Конституции Республики Беларусь обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства. Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции Республики Беларусь, законах и предусмотренные международными обязательствами государства [1]. Ярким примером применения этих норм является обеспечение прав и законных интересов лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, должностными лицами органа уголовного преследования, применявших такую меру процессуального принуждения, как задержание.

Конкретные общественные отношения, связанные с задержанием лица, подозреваемого в совершении уголовно-правового деяния, которые регулируются комплексом норм права, представляют собой самостоятельный правовой институт, реализующие собственные функции в уголовном процессе [2, с. 8]. Возникновение этого института вызвано неизбежностью реализации задач уголовного процесса и целиком отвечает интересам общества и государства и представляет собой существенный и обязательный элемент уголовного процесса [3, с. 12]. Задержание создает предпосылки для последующего верного пути уголовного процесса, применение к задержанному лицу, которое в последующем становится обвиняемым, санкций, предусмотренных уголовным законом, только в том случае естественно, если его виновность будет доказана [4, с. 21].

Задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления является весьма распространенной и эффективной мерой принуждения в уголовно-процессуальной деятельности органов уголовного преследования.

Выделение законодателем отдельного вида задержания, такого как задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления еще раз подтверждает тот факт, что это самостоятельный

процессуальный институт, имеющий свои цели, задачи, условия, основания и процессуальный порядок оформления. Но в процессе реализации любого института возникают некоторые недостатки, и данный вид задержания тому не исключение.

Порядок задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления характеризуется строго установленными Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (УПК) процессуальными действиями, которыми должно руководствоваться уполномоченное должностное лицо органа уголовного преследования при осуществлении задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.

Проанализировав содержание ст. 107–110 УПК, можно сделать вывод, что УПК регламентирует только порядок процессуального задержания органами уголовного преследования, и при этом не устанавливает порядок выполнения действий по фактическому задержанию и доставлению задержанного в орган уголовного преследования [5]. Кроме того, до сих пор остаются не урегулированными вопросы, связанные со статусом лица, подвергаемого задержанию, момент с которого он приобретает статус подозреваемого, а также порядок предъявления обвинения задержанному лицу.

Говоря про фактическое задержание, можно рассуждать о том, что оно заключается в непосредственном захвате лица, подозреваемого в совершении преступления, должностными лицами органа уголовного преследования. В соответствии со ст. 27 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» при оказании сопротивления или противодействия законным требованиям вышеназванным лицом, должностные лица имеют право применить в отношении его физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, подручные средства для пресечения преступлений и административных нарушений, если ненасильственными способами это сделать невозможно [6]. В ходе непосредственного захвата должностные лица, орган уголовного преследования обеспечивают пресечение общественно опасного деяния лица путем ограничения свободы, при этом стараясь причинить наименьший вред жизни и здоровью задерживаемого.

Понятие «фактическое задержание» законодательно не получило свое отражение в нормах УПК. По этой причине у практических сотрудников возникает много проблем по поводу того, что вообще такое фактическое задержание, в чем его смысл и какие действия необходимо совершить, чтобы подвергнуть лицо, подозреваемое в совершении преступления, фактическому задержанию. Не определены также времен-

ные рамки, т. е. момент начала фактического задержания и момент, с которого лицо считается подвергнутым фактическому задержанию.

Фактический захват (задержание) лица до возбуждения уголовного дела производится в силу внезапности возникновения оснований. Такая ситуация почти всегда возникает, когда лицо застигнуто при совершении преступления. После захвата лицо доставляется в орган уголовного преследования, обычно этим местом является оперативно-дежурная служба (ОДС) органа внутренних дел. С этого момента появляется повод к возбуждению уголовного дела – либо рапорт сотрудника органов внутренних дел, либо заявление потерпевшего или очевидцев. С момента появления этого повода возникают уголовно-процессуальные правоотношения. После доставления лица в ОДС решаются вопросы о возбуждении уголовного дела и о процессуальном задержании подозреваемого. Процессуальное задержание в данном случае выражается в кратковременном содержании под стражей, которое возможно только после вынесения постановления о задержании, которое является основанием.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным на законодательном уровне закрепить в ст. 6 УПК понятие «фактическое задержание», чтобы у практических работников при осуществлении задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления вопросов не возникало, а также, используя зарубежный опыт, внести некоторые изменения и дополнения. Например, в УПК РФ процессуально закреплено понятие «момент фактического задержания».

Так, в соответствии с п. 15 ст. 5 УПК РФ «*момент фактического задержания* – это момент производимого в порядке, установленном настоящим кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления» [7].

Следующий этап задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, который не в полной мере урегулирован УПК, – доставление лица в орган уголовного преследования. Доставлению задержанного лица по подозрению в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, в орган уголовного преследования предшествует его фактическое задержание сотрудниками правоохранительных органов или захват гражданина. При этом закон указывает на возможность доставления лица в орган власти (ч. 2 ст. 109 УПК), откуда его должны препроводить в орган уголовного преследования.

Понятие, да и сам порядок доставления задержанного лица в орган уголовного преследования в УПК не установлен, что не дает нам в полной мере понять сущность доставления и вообще необходимость в нем,

как этапе задержания. Следует официально закрепить понятие «доставление» в ст. 6 УПК:

«*Доставление* – это принудительный захват и препровождение лица, задержанного в порядке ст. 108 УПК, в орган дознания, следователю, прокурору».

Далее следует процессуальное оформление произведенного задержания. Так, факт задержания оформляется протоколом, который составляется должностным лицом, осуществившим фактическое задержание, немедленно после доставления задержанного в орган уголовного преследования. В протоколе указываются основания, место и время фактического задержания, результаты личного обыска, а также время составления протокола. Результаты личного обыска задержанного могут быть оформлены и отдельным протоколом. Протокол задержания является юридическим основанием содержания задержанного в органе уголовного преследования до трех часов. При составлении протокола задержания необходимо давать ссылку на п. 34 ст. 6 УПК, устанавливающий, в каких случаях должны составляться протоколы, и на ст. 193 и 194 УПК, в которых предусматривается, что необходимо указывать в протоколе при отражении факта производства, содержания и результатов процессуальных действий [8, с. 180].

Что касается процессуального статуса лица, подвергаемого задержанию, то вопрос встает на этапе разъяснения прав и обязанностей задержанному лицу.

Так, в соответствии с требованиями закона протокол объявляется задержанному, которому в обязательном порядке должны быть разъяснены предусмотренные ст. 41 УПК права и обязанности. При этом для обеспечения его защиты особо выделено право пригласить защитника и давать показания в его присутствии, о чем делается отметка в протоколе задержания. Составленный протокол подписывается лицом, его составившим, и задержанным.

В этой связи целесообразно обратиться на определенную несогласованность положений уголовно-процессуального законодательства в части, касающейся процессуального статуса лица, задержанного по непосредственно возникшему подозрению. С одной стороны, законодатель называет его «задержанным», с другой – согласно ст. 40 УПК речь уже должна идти о подозреваемом. Кроме того, законодатель презюмирует, что «задержанный» уже наделен процессуальным статусом подозреваемого, о чем свидетельствует вышеуказанное положение о разъяснении прав и обязанностей задержанному, предусмотренных ст. 41 УПК.

Таким образом, представляется целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 108 УПК и заменить слово «задержанный» на «подозреваемый».

В течение трех часов с момента доставления задержанного в орган уголовного преследования следователь, орган дознания или прокурор должны решить вопрос о задержании или освобождении задержанного. При наличии оснований задержания, предусмотренных ст. 108 УПК, следователь, орган дознания или прокурор выносят постановление о задержании подозреваемого. Данное постановление выносится лицом, в чьем производстве находятся материалы проверки или уголовное дело, которое также является правовым основанием для помещения лица в изолятор временного содержания задержанных или иное место, предусмотренное для содержания задержанных. В постановлении должно быть отражено уголовно наказуемое деяние, время и место задержания лица, основания и мотивы задержания, наличие фактических данных, указывающих на причастность задержанного к деянию, и решение о задержании. Принятие решения о задержании должно основываться на фактических данных, полученных из источников, которые могут исследоваться в рамках уголовного процесса и получить закрепление в материалах уголовного дела.

Постановление объявляется задержанному подозреваемому, которому в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 41 УПК должна быть вручена копия постановления или протокола о задержании. Об этом в обязательном порядке должна быть осуществлена соответствующая пометка.

Вместе с вручением лицу копии постановления о задержании, лицу разъясняется его право, а также порядок обжалования его задержания. Несмотря на то что в ст. 108–110 УПК, которые регулируют рассматриваемый вид задержания, прямо не указано на необходимость разъяснения порядка обжалования задержания, тем не менее на практике это является обязательным моментом при задержании лица в порядке ст. 108 УПК.

Последним этапом задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления является предъявление обвинения задержанному. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 108 УПК в случае применения в отношении задержанного меры пресечения, обвинение ему должно быть предъявлено не позднее десяти суток с момента фактического задержания, а в отношении лиц, указанных в ч. 4 настоящей статьи, – не позднее двадцати суток с момента фактического задержания.

На практике с данным этапом возникает много вопросов. Например, для применения меры пресечения достаточно законных оснований, и, применяя ее, на должностное лицо ложится обязанность по предъявлению обвинения, но ему не хватило 10 суток для собирания достаточных доказательств, в связи с чем он не имеет возможности на законном осно-

вании предъявить обвинение. В итоге из-за нарушения последнего этапа нарушается весь порядок задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, а лицо, подвергнутое задержанию, считается задержанным незаконно.

В данной редакции статьи законодатель определяет только императив, который говорит об обязательном предъявлении обвинения задержанному лицу, если к нему применена мера пресечения, несмотря на возможность нарушения норм УПК, и при этом не дает права выбора должностному лицу, в чьем производстве находятся материалы проверки или уголовное дело. В случае с применением меры пресечения, перед должностным лицом стоит выбор, применять меру пресечения по истечении 72 часов или освободить задержанного.

Таким образом, на основании вышеизложенного представляется необходимым изменить содержание ч. 5 ст. 108 УПК и изложить ее в следующей редакции: «В случае применения в отношении подозреваемого меры пресечения, обвинение ему должно быть предъявлено не позднее десяти суток с момента фактического задержания, а в отношении лиц, указанных в части 4 настоящей статьи, – не позднее двадцати суток с момента фактического задержания либо освободить из-под стражи».

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Березина, Е.С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства : монография / Е.С. Березина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ин-та МВД России, 2010. – 133 с.
3. Исламов, М.Э. Правовое регулирование задержания лица по подозрению в совершении преступления в российском уголовном процессе / М.Э. Исламов. – Тюмень, 2008. – 21 с.
4. Мельников, В.Ю. Задержание заподозренного лица : монография / В.Ю. Мельников. – Ростов н/Д : ИнфоСервис, 2003. – 224 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г.) : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс», СЗ РФ. – М., 2020.

8. Сборник образцов уголовно-процессуальных документов с комментариями. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование : учеб.-практ. пособие / Г.Н. Васильев [и др.] ; под рук. науч. ред. М.А. Шостака. – Минск, 2006. – 703 с.

УДК 340

Н.А. Шпаковский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Григорьев*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Формирование правового государства связывается с максимальным обеспечением прав и свобод человека, взаимной ответственностью гражданина и государства, возвышением авторитета закона и строгим его соблюдением всеми государственными органами, общественными организациями, коллективами и гражданами.

Чем выше уровень правосознания, тем тверже правовые убеждения человека, тем в большей степени оно положительно воздействует на его правовое поведение. Следовательно, правосознание оказывает воздействие на общественные отношения, выступает как активная сила, способная повлиять на процессы социальных изменений.

Трансформация правосознания в Беларуси – явление неоднозначное и достаточно противоречивое, сопровождающееся существенными трудностями в процессе перехода от одного качественного состояния в принципиально иное. На процесс трансформации правосознания влияет множество условий, факторов. В связи с этим, полагаем, необходимо сосредоточиться именно на рассмотрении основных факторов трансформации правосознания в современной Беларуси.

Одним из важнейших факторов, влияющих на развитие и формирование информационного права, правового сознания и правовой культуры является постоянное приспособление к развивающимся технологиям и различным источникам информации.

И.А. Ильин отмечает необходимость «приблизить право к народу, чтобы укрепить массовое правосознание, чтобы народ понимал, знал и

ценил свои законы, чтобы он добровольно соблюдал свои обязанности и запретности, лояльно пользовался своими полномочиями. Право должно стать фактором жизни, мерою реального поведения, силою народной души... Нелеп и опасен такой порядок, при котором народу недоступно право... Человеку, как существу духовному, невозможно жить на земле вне права» [1, с. 188].

А.А. Хапай пишет: «Процессы становления информационного общества, развития информационных технологий определяющим образом влияют на все сферы человеческой жизнедеятельности» [2, с. 92].

Представление о трансформации правосознания белорусов в условиях современного белорусского общества возможно лишь на основе анализа совокупности факторов, которые обуславливают его изменения.

В настоящее время в теории права сформировалось определенное количество подходов в выделении факторов трансформации правосознания. Можно привести следующий пример совокупности факторов: социальной динамики, взаимосвязи, системообразующий, социально-политический, социально-правовой и экономический.

Исходя из вышеизложенного следует отметить, что есть комплекс ограничивающих, технических, правовых, организационных, экономических и других факторов. Выделим, на наш взгляд, ключевые: недостаточная разработанность законодательства и отсутствие системной программы цифровизации страны; высокая стоимость технологий; консерватизм и непонимание роли цифровых технологий в трансформационных процессах чиновниками, бизнесменами и населением; отсутствие достаточного количества квалифицированных кадров и недооценка роли развития цифровых компетенций среди населения; разрыв технического прогресса между центром и районными городами.

На основании изложенного возникает вопрос о том, на сколько современное белорусское общество вовлечено в цифровизацию и какой процент граждан имеет технические и иные возможности для участия в этом процессе.

В Беларуси 74 % населения (по данным на 01.01.2019 г.) являются пользователями интернета. Если сравнивать с другими странами, то результат таков: Северная Европа и Северная Америка – 95 %, наши показатели сходны с Латинской Америкой.

По данным Национального статистического комитета, 83 % городского и 67,9 % сельского населения имеют доступ к интернету. Общее количество мобильных абонентов в Беларуси – 11,87 млн (126 %), доступ к 3G и 4G имеет 62 % абонентов (в мире 67 %).

По данным GSMA Mobile Connectivity Index, которые оценивают 163 страны мира по различным показателям: а именно, инфраструктура, фи-

нансовая доступность, способность и готовность населения пользоваться интернетом, доступность интернет-контента, Беларусь имеет 66 из 100 пунктов.

Экономист Г. Головенчик, проанализировав ключевые рейтинги цифровизации, определил, что Беларусь находится на 57-м месте в мире.

Таким образом, анализируя полученные данные, можно прийти к выводу о том, что белорусское общество имеет хорошие перспективы по развитию и внедрению процессов цифровизации в экономическую и социальную сферы.

В информационном обществе к факторам, которые воздействуют на правосознание граждан, можно отнести следующие:

межличностное общение;

правовое воспитание, которое может переноситься в виртуальное пространство, либо дублироваться, что усиливает эффект.

В связи с этим важным является информационное право – отрасль права со своими внутренними законами и правилами.

Формирующееся в современных условиях право цифрового управления встречается с большой долей непонимания и правового нигилизма. Большое количество юристов еще не прошло переподготовку в цифровой сфере. Люди имеют очень слабое представление о цифровом и электронном управлении.

Информационная трансформация и новые технологии кардинальным образом изменяют все отрасли, а именно здравоохранение, спорт, розничную торговлю и финансы. Огромная часть изменений идет также и на сферу образования. Чтобы подготовить квалифицированный персонал к миру, ориентированному на данные, важно, чтобы цифровые технологии и навыки работы с ними стали неотъемлемой частью учреждений образования.

Основная проблема формирования цифрового правосознания у населения – неграмотность населения. Если взять за основу статистику данных и пользования технологиями и информационными ресурсами, то можно увидеть, что молодое поколение пользуется больше технологиями и, соответственно, они больше развиты в этом плане, чем старшее поколение. Ведь старшему поколению приспособиться к новым технологиям сложнее, чем молодежи, малоимущий и средний класс – в большей мере составляющая часть страны – больше интересуется, как и где заработать денежных средств и чем кормить семью. Можно взять за основы уйму книг знаменитых авторов, где все красиво изложено, но необходимо сделать акцент на том, что все редактируется и исправляется [3, с. 136].

Конкурентоспособными останутся те организации, которые как можно быстрее приобщатся к новым технологиям и начнут развивать

информационно-цифровую культуру, как часть организации, говорят эксперты.

По мнению ученых, развитие цифровой культуры – неотъемлемый фактор не только для улучшения компании, но и для привлечения большего числа специалистов. Особенно наличие цифровой культуры важно для представителей поколения возрастом 18–35 лет: мотивация таких сотрудников в новых технологиях оказалась на порядок выше, чем у старшего поколения [4, с. 243].

С 2017 г. Беларусь взяла курс на цифровизацию общества и экономики, предполагая, что IT-технологии должны стать одной из главных составляющих новой социально-экономической модели.

«Цифровая трансформация экономики является одним из ключевых приоритетов развития государства», – отметил Александр Григорьевич Лукашенко.

Экономический фактор занимает принципиально важную позицию, поскольку решение экономических задач напрямую зависит от уровня правового сознания населения.

Поскольку экономика страны развивается неравномерно, центр развивается намного быстрее периферии, данная проблема остро ощущается населением страны. Собственно, отдельные негативные факторы и провоцировали значительное число нарушений закона, стремительно разрасталась теневая экономика. Все это тормозило развитие как экономики страны, так и правового сознания соответственно.

Постепенно белорусскому обществу удалось стабилизировать экономическое положение, многие показатели выросли, наладились двусторонние связи, получили развитие новые отрасли экономики. В данных условиях стало категорически важным эффективно решить вопрос с правовой регламентацией трансформации экономики и правосознания граждан в Республике Беларусь.

Для проведения цифровизации и трансформации экономики в Республике Беларусь принят ряд нормативных правовых актов:

Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»;

Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы, утвержденная на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 3 ноября 2015 г. № 26;

постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 235 «Об утверждении государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы»;

Декрет Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 «О парке высоких технологий»;

постановлением правительства Беларуси от 28 февраля 2018 г. № 167 в Беларуси создан Совет по развитию цифровой экономики.

Анализируя нормативные правовые акты, в частности «Программу развития цифровой экономики», необходимо отметить, что главным в развитии и внедрении цифровых технологий считается создание информационно-коммуникативной инфраструктуры и условий для электронной коммуникации между государственными органами, бизнес-сообществом и гражданами. Вопрос цифровой культуры граждан, который как никогда остро стоит перед белорусским обществом, требует тщательного анализа и изучения и принятия решения на законодательном уровне.

Под цифровой культурой понимается создание почвы, в которой руководители понимают важную роль технологий для своего бизнеса, обеспечивают доступность информации и повышают квалификацию сотрудников для наиболее комфортного и эффективного использования ими технологических инструментов в работе [5, с. 125].

Важнейшими особенностями информационно-цифровой экономики являются прежде всего ее глобальный характер и оперирование неосязаемыми благами: идеями, информацией и взаимоотношениями, сетевые принципы в координации рынков и общества [6, с. 28].

Технологическая основа цифровой экономики создается на базе открытий четвертой промышленной революции.

Цифровую экономику, вырастающую на базе экономики информационной, можно определить, как ее продолжение в новом качестве после беспрецедентного и деструктивного технологического прорыва в результате четвертой промышленной революции [7, с. 52].

Применение цифровых технологий многое меняет в образе мышления и мотивации решений, т. е. не только в производительности, но и в экономическом поведении, принципах организации и работы компаний и всего экономического механизма.

«Цифровизация» оказала влияние:

во-первых, на способы организации и ведения бизнеса, его маркетинговые стратегии;

во-вторых, на обеспечение бизнеса ресурсами;

в-третьих, на производственные и на транзакционные издержки (организационные, управленческие, коммуникационные, расходы на получение, обработку и хранение информации), которые в цифровой сфере резко снижаются либо вообще исчезают;

в-четвертых, на сетевой эффект и эффект масштаба, которые становятся глобальными.

Все это позволяет прийти к следующим выводам:

зарождение трансформационных предпосылок в Беларуси обусловлено исторической эволюцией государства, переходом от социалистического развития к демократическому. Это сопровождалось становлением и развитием правового государства, формированием гражданского общества, новым качеством развития правотворческой деятельности;

новые условия белорусской действительности способствовали пониманию важности выработки новых средств, методов и механизмов развития правосознания. Это позволит выйти на новую ступень в процессе осознания правовой действительности;

правосознание современного белорусского общества характеризуется неоднородностью и наличием некоторых проблемных моментов. В связи с этим на первый план выступает важность формирования у населения высокого и однородного уровня развития правосознания.

Таким образом, общепризнанным фактом остается то, что процессы цифровизации и информатизации общества будут продолжать развиваться высокими темпами. Однако белорусскому обществу и государству необходимо обратить внимание на такой важный вопрос, как формирование «информационного» правосознания граждан.

Для недопущения разрыва информатизации в обществе следует повышать уровень правового сознания равномерно во всех областях и районных центрах. Для развития и защиты информационного права особого внимания заслуживает также переквалификация и обучение кадров в области юриспруденции. Нельзя упускать из виду и защиту от деструктивного влияния Всемирной сети Интернет и различных информационных источников, которые подрывают основы правового и информационного общества.

Переходя в цифровое пространство, многие государственные учреждения, в том числе и суды, меняют свою организационную форму. Проблемы разрешаются быстро и на высоком экспертном уровне. Электронный код и системы блокчейн не подвержены ни взяточничеству, ни лоббированию интересов. Важнейшая задача стоит перед специалистами, которым необходимо разработать и постоянно совершенствовать защиту от киберпреступности. Эта задача стоит перед всем миром и должна решаться на международном уровне. Итак, деловая среда будет совершенствоваться при переходе компаний на цифровые технологии ведения бизнеса и соединении их с производством. Их использование и распространение облегчает работу, прежде всего снижая транзакцион-

ные издержки, а значит, создаются дополнительные источники прибыли и конкурентные преимущества. Все это будет недоступным для всего общества, так как разрыв в правовой и цифровой грамотности и культуре может достигнуть критической отметки и не позволит обществу развиваться равномерно и иметь доступ ко всем благам.

Список использованных источников

1. Ильин, И.А. Аксиомы власти / И.А. Ильин // Новый мир. – 1990. – № 10. – С. 624.
2. Хапай, А.А. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: инновационные подходы реализации на современном этапе / А.А. Хапай // Теория и практика обществ. развития. – 2015. – № 17. – С. 90–92.
3. Данчул, А. Информационно-аналитические технологии и ситуационные центры / А. Данчул // Гос. служба. – 2004. – № 4. – С. 136–140.
4. Бабаев, В.К. Теория государства и права : учебник / В.К. Бабаев. – М. : Юристъ, 2005. – 592 с.
5. Анисимов, О.С. Методология и технологические формы мышления / О.С. Анисимов // Образование и наука. – 2009. – № 3. – С. 125–127.
6. Стрелец, И.А. Информационная экономика как общемировой социальный феномен / И.А. Стрелец // Междунар. процессы. – 2011. – Т. 9. – № 1. – С. 25–37.
7. Сафрончук, М.В. Цифровая поступь революции (четвертая промышленная революция и цифровая трансформация) / М.В. Сафрончук // Экономика и упр.: проблемы, решения. – 2017. – № 11. – Т. 5. – С. 52–56.

УДК 343.8

Д.А. Якунина, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – *С.Л. Гайкович*

СУЩНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Каждое государство как член мирового сообщества стремится упорядочить свое законодательство в соответствии с международными правовыми актами в сфере обеспечения прав человека и гражданина, включающими общепризнанные принципы и нормы международного права.

Международные стандарты концентрируют мировой опыт уголовно-исполнительной практики, ее гуманистические тенденции. Они имеют особый статус среди норм международной юстиции в области преду-

преждения преступлений и борьбы с преступностью, так как преимущественно приняты и одобрены Генеральной Ассамблеей ООН, составляют часть международных принципов по правам человека.

В свою очередь, международные стандарты обращения с осужденными – это принятые на международном уровне нормы, принципы и рекомендации в области исполнения уголовных наказаний и деятельности уголовно-исполнительных учреждений и органов [5, с.147]. Приоритет общепризнанных принципов международного права и обязательство обеспечить соответствие им национального законодательства закреплены в ст. 8 Конституции Республики Беларусь.

В ч. 1 ст. 3 УИК изложено: «уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь основывается на Конституции Республики Беларусь, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Республики Беларусь, относящихся к исполнению наказания и обращению с осужденными». В случае противоречия между уголовно-исполнительным законодательством Республики Беларусь и ратифицированными государством международными договорами, применяются последние, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется издание внутригосударственных актов.

Международными стандартами права на образование принято считать «выработанные государствами, закрепленные в конвенционных актах универсальные цели и принципы образования, минимальные правовые возможности для индивида, которые ему обязано предоставить государство» [1, с. 99].

Основу международных стандартов права на образование составляют положения Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ст. 26), Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (ст. 13), Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г., Конвенции о правах ребенка (ст. 28 и 29), Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г. (ст. 27) и других международных документов, ратифицированных Республикой Беларусь.

В полной мере на осужденных к лишению свободы распространяются международные стандарты, которые включают общие принципы образования: всесторонность образования; поступательность и системность; обязательность и бесплатность начального образования при постепенном переходе к бесплатности образования на всех уровнях; открытость и доступность для всех среднего образования в его различных формах; одинаковую доступность для всех высшего образования на

основе способностей каждого путем принятия всех необходимых мер, одной из которых является постепенное введение бесплатного образования; равенство граждан и отсутствие дискриминации в сфере образования; обеспечение во всех государственных учебных заведениях одинакового уровня образования и равных условий в отношении качества обучения и др. [3, л. 56–57].

Основательный и тщательный анализ международных правовых актов доказывает отсутствие в настоящее время специализированного международного документа, где содержатся нормы, стандарты и принципы получения образования осужденными к лишению свободы. Обозначенный факт тем не менее не является основанием для игнорирования изучаемой проблемы на международном уровне. Именно тематика борьбы с преступностью и все сопутствующие ей процессы выводит ее на рубеж первоочередных задач, которые решаются международными организациями. Что касается получения общего образования изолированных от общества осужденных, то нормы, рекомендации и принципы дифференцированы в различных международных актах, которые к числу лишенных свободы относят не только лиц, отбывающих наказание, но и задержанных и содержащихся под стражей. Разобраться в сути исследуемого вопроса применительно ко всем отраслям права поможет анализ универсальных международных правовых актов.

Большинство указанных международных документов разработаны в рамках Организации Объединенных Наций. Основным документом среди них является Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Несмотря на то что названный документ носит рекомендательный характер, его положения находят свое развитие в Международном пакте о гражданских и политических правах (принят 21-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 19 декабря 1966 г., вступил в силу 23 марта 1976 г.). В свою очередь, европейские стандарты развивают и детализируют положения, закрепленные в стандартах ООН. Речь идет о Европейской конвенции о защите прав человека и основных свободы (далее – Европейская конвенция), принятой 4 ноября 1950 г. Комитетом министров Совета Европы, и основанных на ее нормах решениях Европейского суда по правам человека в Страсбурге (далее – Европейский суд), образованного в 1958 г. Во Всеобщей декларации прав человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах и Европейской конвенции закреплены основы правового положения лица, которые применимы и для определения основных прав и свобод лиц, осужденных к лишению свободы, в сфере уголовно-исполнительных правоотношений. В указанных

документах в определенных статьях обозначены субъективные права и свободы личности, находящиеся под защитой. К таковым относятся право на жизнь, свободы, личную неприкосновенность, запрет на бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, право на пользование своим имуществом и пр. Таким образом, в данных документах закрепляется и правовое положение личности и содержится указание на обязанность государства защищать права личности.

Важное место в международных правовых документах в области общего образования занимают Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [4] (МСП), принятые на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г., одобренные Экономическим и Социальным Советом на 994-м пленарном заседании 31 июля 1957 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 70/175, принятой 17 декабря 2015 г., указанные правила представлены в новой редакции и в настоящее время также называются Правилами Нельсона Манделы. Данные правила включают нормы, определяющие основы обращения с осужденными и лицами, заключенными под стражу. В предварительных замечаниях к Минимальным стандартным правилам указано, что «они не имеют обязательного статуса в международном праве», но являются рекомендациями прямого действия. На наш взгляд, это дискуссионное утверждение, поскольку по своему характеру и изначальной цели создания они имеют ориентировочный характер.

Согласно правилу 4 тюремной администрации и компетентным органам следует предоставлять надлежащие и имеющиеся возможности для получения образования, профессиональной подготовки и работы, а также другие виды помощи, в том числе исправительного, морального, духовного, социального, медицинского и спортивного характера. Перечисленные программы, мероприятия и услуги должны осуществляться с учетом индивидуальных потребностей перевоспитания заключенных. МСП закрепляют обязательность обучения неграмотных заключенных и малолетних заключенных. При этом такое обучение следует считать обязательным, и тюремная администрация должна обращать на него особое внимание в силу особой специфики перечисленных категорий заключенных. Обучение необходимо по мере возможности увязывать с действующей в стране системой образования, с тем, чтобы освобожденные заключенные могли учиться и далее без затруднений, а также продолжить получение образования и после освобождения от наказания (правило 104).

Основные принципы обращения с заключенными, принятые 14 декабря 1990 г. резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи ООН, содер-

жат пункт о том, что «все заключенные имеют право участвовать в культурной и образовательной деятельности, направленной на всестороннее развитие человеческой личности» (п. 6).

Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования, принятая 14 декабря 1960 г. в Париже, расширяет положения Всеобщей декларации прав человека, утверждающей принцип недопустимости дискриминации и провозглашающей право каждого человека на образование (ст. 2, 26) [2, с. 8].

Особый интерес в рамках нашего исследования представляет Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 45/113 от 14 декабря 1990 г. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, отдельные положения которой посвящены образованию несовершеннолетних осужденных. Раздел E, состоящий из девяти пунктов, полностью посвящен образованию, профессиональной подготовке и трудовой деятельности несовершеннолетних. В частности, п. 38 данного документа гарантирует право каждого несовершеннолетнего в возрасте обязательного школьного обучения на получение образования, соответствующего его потребностям и способностям и имеющего целью подготовить данное лицо к возвращению в общество. Обязательным критерием получения образования является создание условий по возможности обеспечивать образовательный процесс за пределами исправительного учреждения в школах общины, и в любом случае преподавание должно осуществляться квалифицированными преподавателями по программам, увязанным с системой образования соответствующей страны, с тем, чтобы после освобождения несовершеннолетние могли беспрепятственно продолжить свое образование. Несовершеннолетним, вышедшим из возраста обязательного школьного обучения и желающим продолжать свое образование, следует предоставлять такую возможность и поощрять их к этому, при этом следует делать все возможное для обеспечения им доступа к соответствующим программам обучения (п. 39). В дипломах или свидетельствах об образовании, выдаваемых несовершеннолетним, находившимся в исправительных учреждениях, не следует делать каких-либо пометок о том, что данный несовершеннолетний находился в исправительном учреждении.

Все рассмотренные международные стандарты закрепляют не только права и обязанности лиц на образование, но и являются системой юридических гарантий общеобразовательного обучения в условиях лишения свободы.

Право осужденных на получение образования регулируется международными рекомендациями и соглашениями, которых придержива-

ются страны, входящие в ООН и Совет Европы. Международным сообществом также были разработаны и утверждены нормы, стандарты, правила, закрепленные в различных документах, – соглашениях, конвенциях, декларациях, – которые посвящены детям. Наиболее важными из таких международных документов являются Конвенция о правах ребенка 1990 г., Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), 1985 г. и Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, 1990 г.

Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), подчеркивают особую важность образования в исправительных учреждениях для несовершеннолетних. В правиле 26 уделяется внимание целям образования несовершеннолетних осужденных, которое должно благоприятствовать их полноценному развитию, усвоению социально-конструктивных и продуктивных ролей. Подчеркивается необходимость межминистерского и межведомственного сотрудничества в организации образования в исправительных учреждениях для несовершеннолетних.

С 1989 г. существует Европейская ассоциация образования заключенных, действующая под эгидой Совета Европы. Основными направлениями ее деятельности является развитие образования лиц, находящихся в местах лишения свободы, в соответствии с рекомендациями Совета Европы; оказание помощи людям, работающим в сфере образования заключенных; поддержка исследований в указанной области и др.

Таким образом, анализ международных правовых актов показывает, что вопрос общего образования лиц, находящихся в местах лишения свободы, представляется важным на международной арене, свидетельством чему служат многочисленные документы в этой области. Изучение и применение международных правовых актов, касающихся образования осужденных, также позволяет отметить, что мировое сообщество, выступая гарантом права лиц, содержащихся в местах лишения свободы, на образование, рассматривает получение образования осужденными положительно влияющим фактором на социальную адаптацию и социальную реабилитацию осужденных, предупреждение совершения ими преступлений.

Список использованных источников

1. Демьяненко, И.В. Право на образование: международные стандарты и советское законодательство / И.В. Демьяненко // Изв. вузов. Правоведение. – 1990. – № 6. – С. 99–100.

2. Защита прав человека в местах лишения свободы : сб. норматив. актов и офиц. документов / сост. В.И. Селиверстов, В.С. Радкевич ; отв. ред. О.О. Мионов. – М. : Юриспруденция, 2003. – 476 с.

3. Катцова, Т.М. Правовое и прикладное обеспечение образования осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.М. Катцова. – Минск, 2016. – 118 л.

4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) [Электронный ресурс] : [приняты в г. Нью-Йорк в 2015 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/1305346/>. – Дата доступа: 27.05.2020.

5. Шарков, А.В. Уголовно-исполнительное право : учебник / А.В. Шарков. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Тесей, 2008. – 384 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Антонова Ю.В.</i> Отдельные проблемы правового регулирования кредитных отношений через призму гражданского и уголовного законодательства: современное состояние и пути решения	3
<i>Асадчук М.А.</i> Пераўтварэнне НКУС у Міністэрства ўнутраных спраў СССР (1946 г.). Удасканаленне арганізацыйна-прававых асноў дзейнасці органаў унутраных спраў БССР	10
<i>Барсуک Д.С.</i> Институт медиаизмерений как компонент системы информационной безопасности Республики Беларусь и разновидность управленческого мониторинга	15
<i>Бачинский В.В.</i> Взаимодействие органов внутренних дел с Национальным центральным бюро Интерпола в Республике Беларусь при раскрытии экономических преступлений	22
<i>Букита Н.Г.</i> Понятие, признаки, юридическое значение и виды административных актов, издаваемых органами исполнительной власти	28
<i>Винников П.М.</i> Противодействие коррупции и взяточничеству – важное направление государственной политики Республики Беларусь	35
<i>Высоцкий Я.А.</i> Психологические особенности проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос»	41
<i>Гаманович И.А.</i> Некоторые аспекты характеристики хищений, совершаемых с использованием компьютерной техники	47
<i>Герасименко Р.В.</i> Средства массовой информации и их влияние на правовое воспитание молодежи	52
<i>Главницкий К.Н.</i> Факторы, влияющие на расследование убийств прошлых лет	58
<i>Гнилякевич В.Л.</i> Провокация взятки и оперативный эксперимент: соотношение понятий	65
<i>Годлевский В.В.</i> Об использовании компьютерных технологий в информационно-аналитической работе подразделений криминальной милиции	72
<i>Горновский М.В.</i> Отпирание замков посредством использования аудиопреобразователя	80
<i>Демьянов Н.А.</i> Организация взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов при выявлении налоговых преступлений	85
<i>Дятлов В.Э.</i> Проблемы регулирования отношений, связанных с анонимным содействием граждан в решении задач оперативно-розыскной деятельности	92
<i>Иванов В.В.</i> Защита прав потребителя при реализации ему товара	97
<i>Кайко А.М.</i> Понятия «телесные повреждения» и «вред здоровью»: вопросы совершенствования законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации	103
<i>Каралёк В.И.</i> О правовой регламентации оперативно-розыскной деятельности	108

Карпицкий К.В. Быть или не быть институту понятых в уголовном процессе Республики Беларусь?	113
Ковалевич Д.В. Зарубежный опыт защиты лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность	119
Ковалевский Е.С. Деятельность оперативного сотрудника в типичных оперативно-розыскных ситуациях при выявлении взяточничества	125
Козлов И.Ю., Бойко И.А. Информационно-коммуникационные технологии в раскрытии преступлений: актуальные подходы, задачи и направления использования	131
Костюков Е.А. Тактические приемы, используемые при установлении психологического контакта в ходе допроса	137
Левчук А.Н. Понятие и признаки криптовалюты: теоретический аспект	143
Мартинкевич М.А. Отдельные вопросы состояния и перспектив определения криптовалюты как объекта гражданских прав по законодательству Республики Беларусь с учетом опыта зарубежных государств	149
Матусевич В.Д. Ретроспективный анализ развития принципа двойного подчинения в системе органов внутренних дел Республики Беларусь	155
Михневич В.Н. Криминалистическая характеристика хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства	160
Мурга В.О. Правовое регулирование оборота озоноразрушающих веществ	170
Новаш Д.А. Суверенитет и наднациональность в основных теориях западноевропейской интеграции	174
Пахольчик Р.А. Криминалистическая характеристика взяточничества	180
Петрусевич Е.М. Роль инспекции по делам несовершеннолетних в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних	188
Подоматько А.Ю. О некоторых вопросах правовой регламентации статуса Совета Министров Республики Беларусь и органов исполнительной власти	193
Прищепов А.М., Каралёк В.И. Критерии провокационных действий при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	198
Рудаковский Д.С. Об экономических преступлениях, совершаемых в киберпространстве	204
Соха Н.А. Оперативное внедрение: совершенствование законодательства и практики его применения	210
Стосуй И.П. Оскорбление: особенности конструкции состава преступления	216
Стулевич Н.Д. Уголовная ответственность юридических лиц: анализ аргументов «против»	221
Сумароков Н.А. Нетипичные источники права	228

Тетерук Е.Б. Внедрение принципов «зеленой» экономики в Республике Беларусь	234
Ткачев А.А. Светское государство: развитие и становление в Беларуси	239
Уласевич Т.Н. Существующая проблематика в порядке задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления	246
Шпаковский Н.А. Влияние цифровой трансформации на формирование правосознания	252
Якунина Д.А. Сущность международных правовых стандартов в сфере регулирования института образования осужденных к лишению свободы	258

Научное издание

**СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ,
ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ
АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В 2020 ГОДУ**

Подписано в печать 30.09.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 15,57. Уч.-изд. л. 15,72.
Тираж 25 экз. Заказ 249.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.